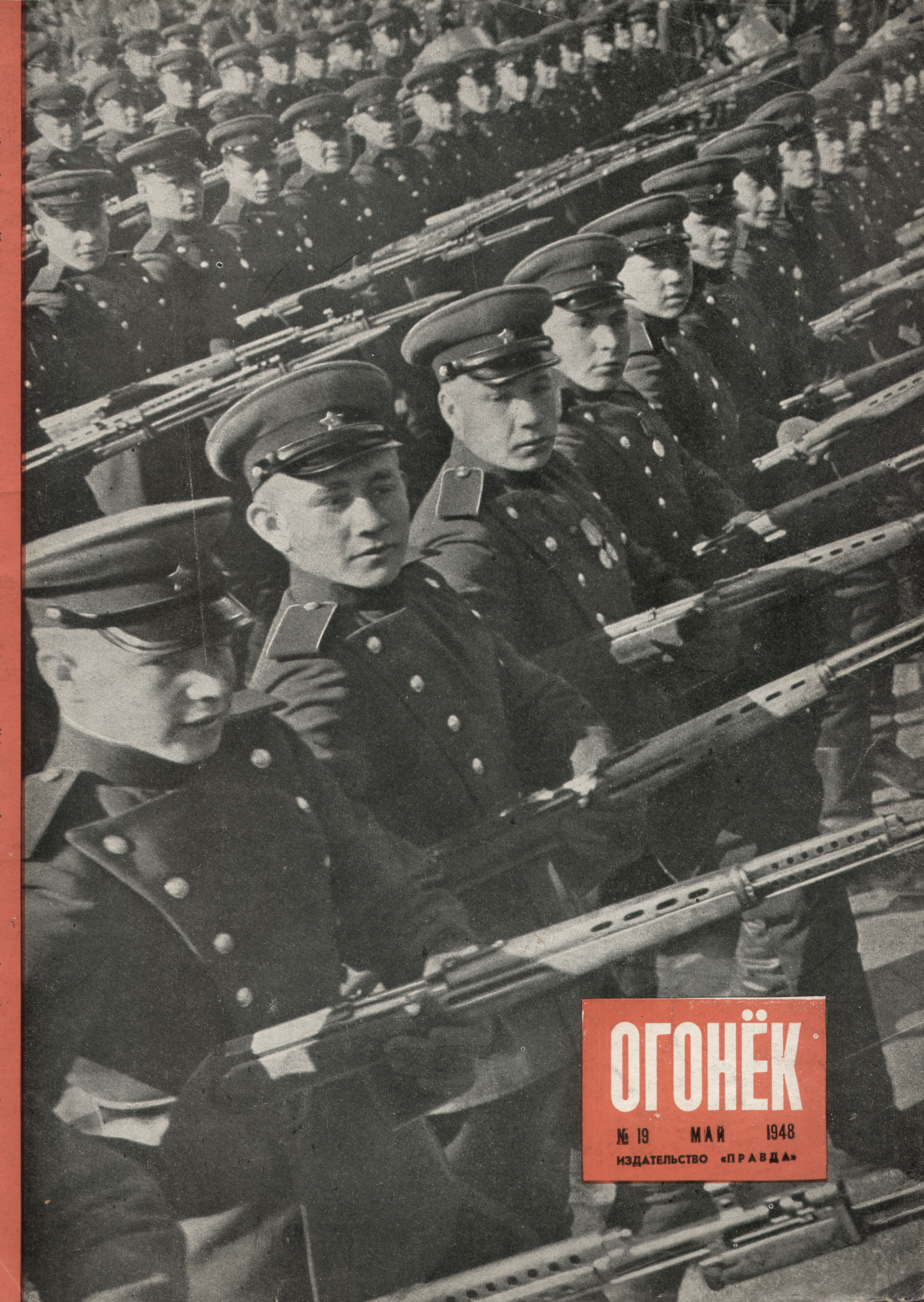
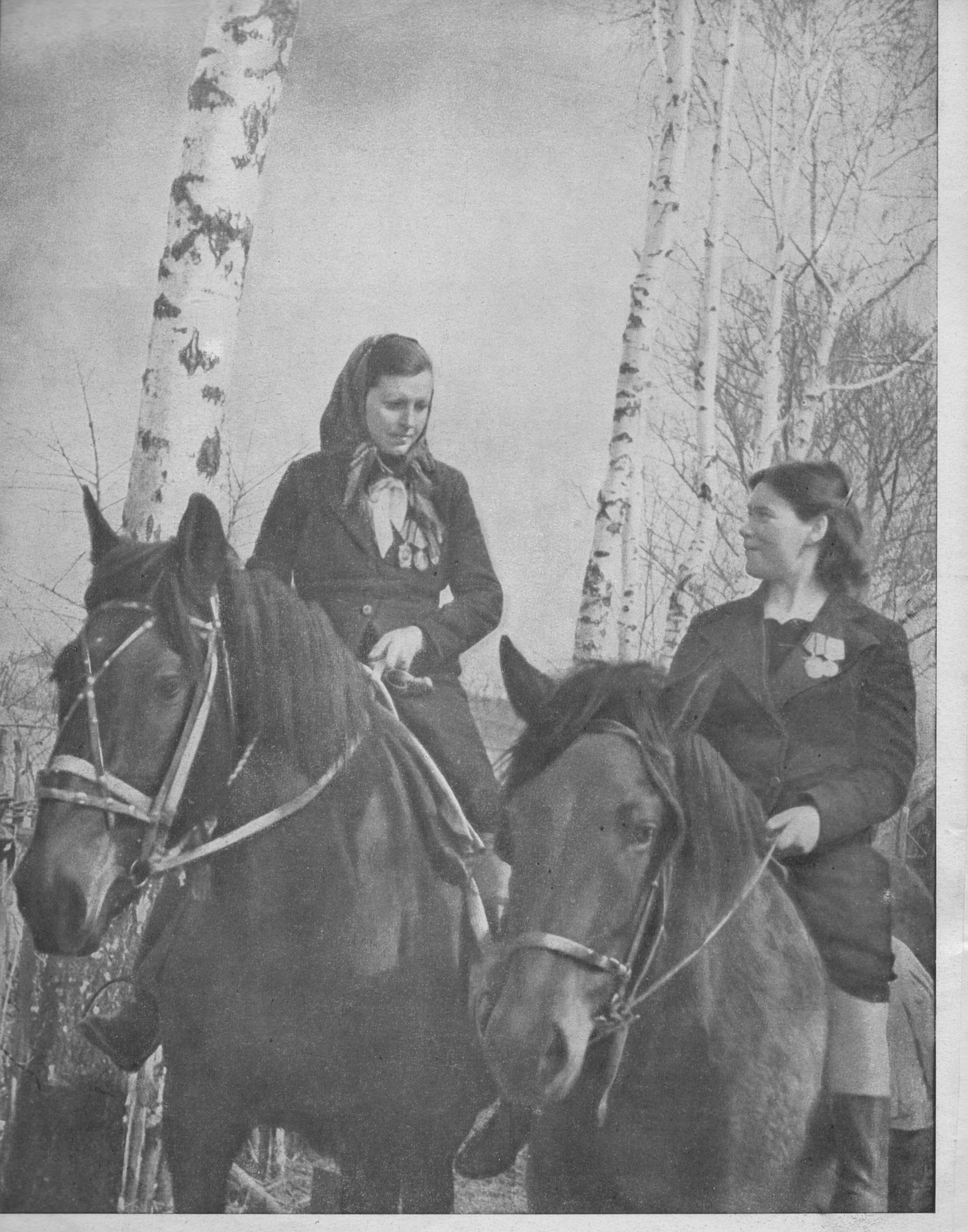


ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Торжественный марш гвардейцев-пехотинцев на Красной площади в Москве 1 Мая 1948 г.

Фото Дм. Бальтерманца



Друзья в труде. Колхозы имени 1 Мая и 8 марта, Воскресенского района, Московской области, соревнуются между собой. В соревновании участвуют также и две подруги — звеньевая Мария Малахова из артели имени 8 марта (на снимке слева) и звеньевая Антонина Акимова из артели имени 1 Мая. Оба они награждены орденом Трудового Красного Знамени за получение высоких урожаев в 1947 году. И в нынешнем году соревнование между ними продолжается.

Фото Г. Дубинского

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1092) 9 МАЯ 1948

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ



Москва, 1 Мая 1948 года. Парад войск Московского гарнизона на Красной площади. Фото С. Фридлянда

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПАРАД И ДЕМОНСТРАЦИЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

Советские люди торжественно отпраздновали 1 Мая — день смотра боевых сил трудящихся во всем мире. На Красной площади в Москве состоялся традиционный первомайский парад Советских Вооруженных Сил. В демонстрации участвовало более миллиона трудящихся столицы. Первомайские парады и демонстрации состоялись по всему Советскому Союзу.

Советский народ еще раз продемонстрировал свою величайшую сплоченность вокруг партии Ленина — Сталина, свою горячую любовь к великому вождю партии и народа Иосифу Виссарионовичу Сталину.

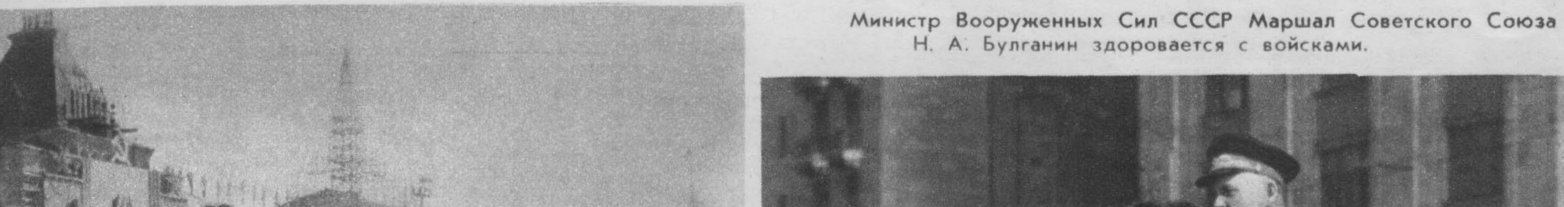






На трибуне мавзолея 1 Мая 1948 года. Слева направо: **товарищи И. С. Юмашев, А. И. Антонов, С. М. Буденный, А. В. Хрулев, Н. Н. Воронов, А. М. Василевский, К. А. Мерецков, И. С. Конев, К. А. Вершинин, Л. А. Говоров, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, Г. М. Попов, А. А. Жданов. А. И. Микоян, Н. М. Шверник, Н. А. Вознесенский, М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, А. А. Кузнецов, М. Ф. Шкирятов.**

Фото М. Калашниковой и Ф. Кислова



Министр Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза Н. А. Булганин здоровается с войсками.






Части моторизованной пехоты на улице Горького перед началом парада.


Сводный оркестр московских предприятий проходит Красную площадь.


Идут физкультурники столицы.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, О. Кнорринга, М. Савина и М. Трахмана.

Демонстранты на Красной площади.



ВЫСОКОЕ МАСТЕРСТВО

Текст и фото специального корреспондента «Огонька» Семена КАНЕВСКОГО

Первого Мая, в 10 часов 35 минут утра, над зданием Исторического музея появился ведущий четырехмоторный бомбардировщик дальнего действия. Этим начался авиационный парад в Москве. На борту самолета — командующий авиационным парадом гвардии генерал-майор авиации Василий Иосифович Сталин. Флагманский корабль сопровождали четыре истребителя под командой Героя Советского Союза гвардии капитана Владимира Громаковского.

За флагманским кораблем проследовали сомкнутыми девятками в кильватере двухмоторные бомбардировщики, штурмовики, поршневые истребители, реактивные истребители и, наконец, девятка бомбардировщиков дальнего действия, которую вел главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов.

Миллионы москвичей любовались могучей советской авиационной техникой. С земли им все казалось простым: ничего нет удивительного в том, что мощные машины чудесным весенним утром пронеслись над Красной площадью в парадной колонне, занявшей в воздухе 54 километра.

Однако совсем не просто было создать это великолепное зрелище. Да, именно создать! Параду предшествовала большая творческая работа, потребовавшая организаторской изобретательности, технического мастерства. Пролет парадной колонны длился всего восемь минут сорок секунд.



Флагманский корабль в сопровождении четверки истребителей появился над Красной площадью.

Сотни боевых самолетов, участвовавших в параде, собирались на подступах к Москве на условном маршруте, который вычерчен на карте в виде узкой длинной петли, протяжением почти в сто километров.

Несколько тысяч людей самых различных специальностей работали для того, чтобы мощный авиационный парад Первого Мая 1948 года был проведен безукоризненно, лучше, чем когда-либо прежде.

Напряжение в штабе парада прошло лишь после того, когда последний самолет благополучно приземлился на своем аэродроме.

Это было в 11 часов 40 минут утра — точно, секунда в секунду по плану. Начальник оперативного отдела гвардии полковник А. А. Кореннов по телефону донес об этом командующему авиационным парадом, который находился в то время уже на трибуне мавзолея.

Он услышал в ответ приказание:

— Зачехлить самолеты. Летчиков развезти по домам. Можно праздновать самим...



Командующий авиационным парадом гвардии генерал-майор авиации В. И. Сталин с борта флагманского корабля вызывает по радио оперативного дежурного штаба парада.

Их приветствовал товарищ СТАЛИН

В дни Великой Отечественной войны в приказах Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина отмечались лучшие части и соединения Советской Армии, отличившиеся в боях за Родину. Ныне — в годы послевоенной сталинской пятилетки — приветствия и поздравления великого вождя коллективам восстанавливаемых и новостроящихся предприятий отмечают замечательные успехи передовиков трудового фронта.

После войны вступили в действие такие крупнейшие предприятия страны, как первая очередь Днепровской гидростанции, первая очередь металлургического завода «Запорожсталь», газопровод Саратов — Москва, первая очередь разрушенного немцами завода сельскохозяйственных машин — «Ростсельмаш», самый большой в нашей стране цех по производству стальных цельнокатанных колес для железнодорожного транспорта на заводе имени К. Либкнехта и многие другие.

К строителям этих предприятий обращал свои слова приветствий товарищ Сталин.

Руководители ряда предприятий и строительств, получивших после войны приветствия и поздравления товарища Сталина, рассказывают ниже о том, над чем работают сейчас коллективы предприятий, как выполняют они пожелания товарища Сталина.

Коллектив Днепростроя полон энергии

Ф. ЛОГИНОВ,

начальник Днепростроя

5 марта 1947 года в связи с пуском первого агрегата строители Днепровской гидроэлектростанции имени Ленина получили от товарища И. В. Сталина приветствие и пожелание дальнейших успехов в работе.

Приветствие вождя многотысячный коллектив встретил с огромной радостью. Социалистическое соревнование охватило буквально всех строителей. Героический труд принес свои плоды. Отлично действует первая очередь восстановленной станции.

С момента пуска первого агрегата Днепрогэс имени Ленина выработала больше 1 миллиарда киловатт-часов электроэнергии и тем самым сэкономила стране до 1 миллиона тонн топлива. Только в первом квартале 1948 года станция дала сверх плана свыше 100 миллионов киловатт-часов электроэнергии, на 15 процентов снизилась себестоимость киловатт-часа.

Сейчас коллектив Днепростроя ведет большие работы по монтажу 4-го турбогенератора, завершает восстановление гигантской плотины. Заканчивается расширение и отделка главного здания станции и восстановление шлюза. К концу года на Днепрогэсе будет смонтирована пятая турбина.

Для работников гидростанции в этом году будет построено более 1500 квадратных метров жилой площади и сооружена часть клубного здания.

В этом году днепростроевцы борются не только за быстрое и высококачественное выполнение строительных работ, но и за всемерное удешевление их, экономию средств и материалов, за лучшее использование механизмов, более высокую производительность труда.

Коллектив Днепростроя полон решимости успешно осуществить почетное задание партии и правительства—полностью и в кратчайший срок восстановить крупнейшую в Европе гидроэлектрическую станцию, варварски разрушенную немецко-фашистскими захватчиками.



Восстановленная плотина Днепрогэса имени Ленина.

Фото Е. Халдея (ТАСС)

Наращиваем производственные темпы

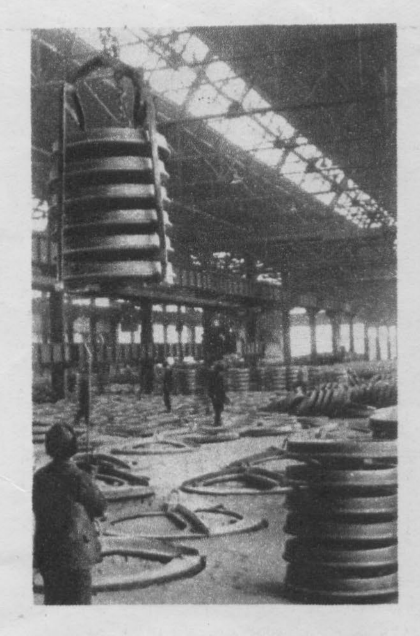
Ф. БАЛАКИН,

директор Днепропетровского завода имени К. Либкнехта

29 октября 1947 года на Днепропетровском заводе имени К. Либкнехта был введен в эксплоатацию крупнейший в стране цех по производству стальных цельнокатанных колес для железнодорожных вагонов. Немецкие оккупанты дотла разрушили предприятие. Для восстановления цеха строители и монтажники разобрали 60 тысяч тонн завалов, уложили 17 тысяч кубометров бетона, изготовили и смонтировали 7500 тонн металлических конструкций и 4 тысячи тонн сложного технологического оборудования. Огромен был объем земляных работ.

Колесопрокатный цех представляет собой большой производственный корпус с заготовительным, прессопрокатным и термическим отделениями.

Восстановленный цех оснащен новым сложным оборудованием, впервые изготовленным на советских заводах. Цех требовал квалифицированных кадров, способных освоить сложный технологический процесс, уникальные машины и механизмы. И эта задача была решена успешно.



Днепропетровский завод имени К. Либкнехта. Колесный цех.

Фото А. Узляна

4 ноября 1947 года коллектив строителей, монтажников и работников завода приветствовал товарищ Сталин. Великий вождь народов поздравил нас с победой — пуском колесного цеха — и пожелал дальнейших успехов.

Приветствие вождя вдохновило весь заводской коллектив. Упорный труд, настойчивость, организация производственного обучения непосредственно у агрегатов привели к большому успеху: государственный план первого квартала текущего года коллектив цеха выполнил на 104,4 процента. Цех изготовил большое количество колес высокого качества. Наращивая темпы, рабочие и инженерно-технические работники стремятся к концу первого полугодия 1948 года достичь довоенного уровня производства.

Досрочно закончил квартальную программу и дал сверх плана тысячи тонн колесных слитков и восстановленный мартеновский цех.

Возродили из руин

С. МАТВЕЕВ,

директор Воронежского завода «СК-2» имени С. М. Кирова

В 1931 году на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности товарищ И. В. Сталин говорил: «У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год—два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении».

Выполняя указание вождя, советские ученые во главе с акаде-

миком С. В. Лебедевым, в результате упорных трудов, первыми решили проблему, над которой тщетно бились ученые многих стран. В рекордно короткий срок в СССР было построено несколько заводов синтетического каучука, работающих по методу академика Лебедева. У колыбели этой молодой отрасли промышленности находились незабвенные С. М. Киров и Серго Орджоникидзе.

Один из заводов «СК» был выстроен в городе Воронеже, на левом берегу реки Воронеж, в новом промышленном районе, носящем имя великого Сталина. В годы войны на долю завода выпали тяжелые испытания. Здесь проходил передний край фронта. Немецко-фашистские захватчики почти до основания разрушили прекрасное предприятие.

Много труда положили советские люди, чтобы в установленный правительством срок восстановить завод. 27 сентября 1947 года было днем второго его рождения. Поднятое из руин предприятие снова вступило в строй действующих и начало выпускать каучук.

10 октября товарищ Сталин прислал нам приветственную телеграмму. Воодушевленный приветствием вождя, коллектив завода «СК-2» имени С. М. Кирова с каждым днем набирает темпы, улучшает производственные показатели.

Плоды технического прогресса

М. ГРИНБЕРГ,

главный конструктор Ленинградского ордена Ленина металлического завода имени Сталина, доктор технических наук, лауреат Сталинской премии

14 июня 1946 года коллектив нашего завода получил приветствие от товарища Сталина: завод выпустил первую турбину мощностью 100 тысяч киловатт. Телеграмма вождя вызвала огромный подъем среди рабочих, инженеров, техников и служащих завода. А пожелание дальнейших успехов в деле обеспечения технического прогресса в советском энергомашиностроении, высказанное товарищем Сталиным, стало знаменем нашего движения вперед.

Первая турбина высокого давления в 100 тысяч киловатт при 3000 оборотов в минуту, выпущенная заводом имени Сталина, была единственной в мире турбиной такой мощности и быстроходности.

За прошедшие два года наш завод добился новых успехов. Прежде всего мы тщательно изучили свое детище—мощную турбину в действии. На Сталиногорской ГРЭС, где она работает, был проведен ряд всевозможных испытаний, подтвердивших все наши расчеты и высокие качества машины.

Одновременно завод выпустил вторую турбину такой же мощности. Она тоже установлена и хорошо работает.

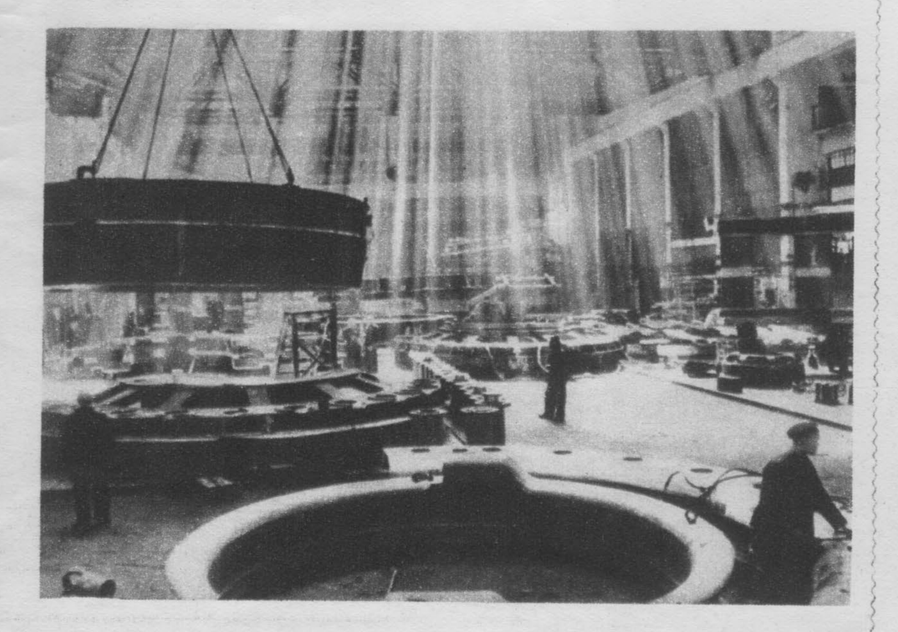
Завод создал конструкции еще трех типов мощных и экономичных турбин.

Новые машины очень интересны по своей конструкции. Они являются совершенными в техническом отношении и соединяют в себе весь предшествовавший опыт и последние достижения науки.

Творческая техническая мысль на заводе продолжает искать новое, идти вперед. Мы работаем над разрешением очень интересных и важных технических проблем, в частности над проблемой конструкции газовой турбины большой мощности—очень сложной и ответственной машины.

Конечно, как и во всяком техническом новшестве, мы встречаем на своем пути немало трудностей. Но к их преодолению направлены все наши знания, вся наша воля. Хочется отметить, что в этих исканиях, обеспечивающих дальнейший технический прогресс, мы повседневно пользуемся неоценимой поддержкой партийных и советских организаций.

Мы счастливы, что выполняем указание нашего великого и любимого вождя товарища Сталина и неуклонно двигаем советское энергомашиностроение вперед.



Ленинградский завод имени Сталина. Гидротурбинный цех.
Фото А. Михайлова (ТАСС)

В пути

Семен **КИРСАНОВ**

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Из многого,
что видел,
странствуя,
мне
новую отраду
принесла
маленькая
электростанция
маленького
села.
К ней потянулись
все пути-тропинки,
зажегся свет,
чтоб ввек
не потухать.
И сельским признаком,
как пенье петуха,
стал ровный шум
гидротурбинки.
И деды молвят:
— Штука неплоха!
Она
в домах
подвесила светила
и навела на избы
красоту,
она
зерно отмолотила,
устроила
гулянье на свету.
А завтра
вспашет поле
и поможет
девчатам
подоить коров,
а послезавтра
будет делать дождик
без примененья облаков.
Итак,
владей
энергией,
крестьянин,
и правь
распределительной доской,
и помни,
как помог
товарищ Сталин
тебе покончить
с мраком и тоской.
Раздумывай
о торфе
и о ветре
и в будущем своем
не усомнись!
Ты не в глуши,
ты в очень важном центре
борьбы за мощь,
за свет,
за коммунизм!
И пусть
симфонии по радио
звучат
в обыденном углу,
и молодых
и старых
радуя
и заглушая
слово «глушь».
И пусть
с гармонями
и с танцами
отпразднуют
повеселей
рождение
электростанций
по всей стране
в любом селе!
Как любим мы
большое дело буден,
как любим жизнь,
прожитую не зря,—
все,
от чего живется лучше
людям,
все,
что растет
под солнцем Октября!

ШИФЕР

Поезд
снует вьюном
по берегу Дона.
Мелькают
за домом дом
в окне вагона.

Плывут
сквозь сырой снежок
донские села.
Стучит
стальной сапожок
колес веселых.

Как прежде,
Дон подо льдом,
такой знакомый!
Но прежде
гляделся дом
из-под соломы,

а ныне
(и поезд ход
замедлил в шипе)
три ската
покрыл
и вход —
блестящий шифер.

Колхозник
приткнул к избе
стремянку-лесенку,
он ладит
кровлю
себе
и тянет песенку.

И видом он
городской,—
кладет по скату
бывалой в боях
рукой
квадрат
к квадрату.
А рядом —
его батрак —
весенний ветер —
высокий
прямой ветряк
ромашкой вертит.
Так шифер
стене к лицу,
по нраву крыше,
что дом —
хоть веди к венцу —
светлей
и выше!

А если
пространство взять
до мукомолок,—
«деревня»
нельзя сказать,—
скорей «поселок»!

Такие
и у столиц
найдешь предместья,
и видно,
что не стоит
тут жизнь
на месте!
Как хочется
этот путь
прочесть, как повесть,
как хочется,
чтоб чуть-чуть
помедлил поезд!..

КРУГ СОЛДАТСКОЙ ДРУЖБЫ

Василий **АРДАМАТСКИЙ**

И вот пришел приказ о роспуске полка...

Все ждали его со дня на день. Но когда приказ пришел, вдруг всем стало грустно. Шутка сказать, всю войну пробыли вместе, прошли от Волги до мутных германских рек.

Сколько верных и любимых друзей похоронили на этом пути...

А теперь в штабе полка лежал лист бумаги, который скупыми словами говорил: «Военный путь закончен», — говорил об исполненном с честью воинском долге, о славных боевых делах полка. Но за этими торжественными словами скрывался и другой смысл: «А теперь разъезжайтесь, дорогие, кто куда хочет, и снова начинайте мирную жизнь...».

А какая она, эта мирная жизнь? В начале войны, когда она была еще только вчерашним днем, возвращение к ней казалось естественным и простым. Но с каждым военным годом мирное прошлое уходило все дальше и дальше, и представление о возвращении к нему становилось все более расплывчатым и даже тревожащим. Привычной повседневностью стала война: ночные полеты, бомбежка, огненные трассы вражеского огня и даже похороны погибших друзей...

И вот приказ прочитан... Один лейтенант, Герой Советского Союза, молча подошел к начальнику штаба полка, порывисто обнял его и заплакал—навзрыд, по-девичьи. Впрочем, иначе заплакать этот лейтенант и не мог, потому что он был девушкой. Простим заодно слезы и начальнику штаба: он тоже девушка. Так они поплакали и вдруг рассмеялись. Просто им стало смешно, что они ревут, как девчонки.

И все-таки было грустно.

Прощальный вечер. Летчики и технический состав женского авиационного полка имени Расковой последний раз были вместе. На летном поле в сумерках таяли контуры трижды заслуженных «У-2». В тот день и для этих легкокрылых машин оканчивалась служба в соединении ночных бомбардировщиков. На войне произошло своеобразное содружество людей и машин: девушек, ставших снайперами бомбовых ударов, и мирных учебных машин, превратившихся в бомбардировщиков. Теперь они расставались: девушкам предстояло ехать домой, машинам — возвратиться на клубные аэродромы Тулы, Смоленска, Житомира... Девушки прощались с машинами, как с боевыми друзьями. И машины вели с ними последний разговор. О многом говорили девушкам заплатки на крыльях, шрамы и вмятины. Вот эта заплатка поставлена еще в Керчи: крыло продырявил осколок зенитного снаряда. А вот эта совсем еще свежая вмятина — память о первом боевом полете над немецкой землей... Вот эта...

В час прощанья, когда весь полк покинул аэродром, окутанные сумерками машины выглядели по-человечески осиротевшими.

Поначалу прощальный вечер был совсем не таким веселым, каким он представлялся в те далекие первые месяцы войны. Никто не кричал «ура», не прыгал в неистовом восторге, с облегчением сбросив с ног тяжелые кирзовые сапоги. И уж, конечно, никто не торопился «просто так, ну, прямо, пешком топать домой...» Все сидели присмиревшие, задумчивые и изредка перебрасывались отрывистыми фразами: «А помнишь?!» «Никогда не забуду, как Полина...»

От воспоминаний нельзя было уйти. И как раз самое грустное и было в том, что вся жизнь на войне, жизнь, озаренная священным светом солдатской дружбы, вдруг становилась воспоминанием. Воспоминанием — и как будто ничем больше.

А за окнами еще виднелся подстриженный и причесанный чужой немецкий пейзаж. Силуэты готики черными стрелами вонзались в небо, еще острее навевая думы о родных местах.

— А помните, девочки, нашего саратовского профессора?—воскликнул кто-то.

— Володю-то? Разве его забудешь?!

Так вспомнили старшего лейтенанта, который давным-давно на тыловом аэродроме обучал девушек боевому искусству бомбардировки и с каждой сам летал в зачетный полет...

— Ах, Женя, Женя, нет тебя сегодня! — вздохнул кто-то.

Все умолкли. Перед мысленным их взором легкой, задорной походкой прошла Женя Руднева. Веселая. Миниатюрная. В пилотке, лихо сдвинутой на висок. Она тоже Герой Советского Союза. Погибла в 1944 году. Вспомнили и других, у чьих могил стояли в торжественном и гневном молчании...

Кто-то тихо продекламировал Блока:

«На весеннний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!
Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без умолку смеется
Небывалый день в окне!
Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем...»

Шопотом разговаривали о любимых. Это заветное поверялось избранным. Впрочем, все за войну узнали: у кого и где есть любимый, и как его зовут, и даже какой у него почерк. Письма, приходившие в землянку, не могли быть секретом. Они были или общей радостью или общим горем (разные письма бывали!).

Радио передавало из Москвы старинные вальсы. Их исполнял духовой оркестр. Казалось, вальс звучал из детства.

И вот тогда кто-то сказал:

— Нет, девочки, невозможно, чтобы мы вот так просто разъехались и — все. Мы должны встречаться!

— А что? Помните, как в кинокартине «В 6 часов вечера после войны»? Все встречаются на московском мосту!

— Ну, на мосту этом, наверно, все места заняты!

— Нет, девочки, правда, давайте дадим слово. Нет, не слово — клятву, что мы в определенный день и час будем встречаться!

И такая клятва была дана. Местом встречи избрали сквер против Большого театра в Москве. Решили встречаться два раза в году — 2 мая и 8 ноября...



Комсомольское бюро полка имени Расковой: Ольга Фетисова, Маша Смирнова, Рая Маздрина, Женя Руднева, Саша Хорошилова, Катя Рябова и Нина Худякова.



Москва, май 1947 года. Слева направо: Рябова, Сивков, Акимова, Гельман.

* * *

Конечно, приезжают не все: иных жизнь забросила слишком далеко, чтобы они могли позволить себе два раза в году совершать многодневные путешествия, иные... но не будем никого осуждать: жизнь всегда сложнее, чем представляется она в мечтах.

И все-таки вот уже четыре раза в скверике против Большого театра собирались человек тридцать из тех, кто дал клятву о встрече.

Первая встреча, как было условлено, состоялась через год — 2 мая 1946 года.

— Боже мой, целый год прошел! Какими мы увидим их,—сказала Поля Гельман Саше Акимовой! Они пришли в сквер первыми.

Как-то сразу, с разных сторон, в центр скверика по дорожкам выбежали девушки. Их образовалась целая толпа. Публика не могла понять, что происходит: не киносъемка ли? Не меньше тридцати девушек — все с орденами, многие с Золотой звездой Героя Советского Союза — обнимались, целовались и, конечно, малость поплакали.

— Лелька, милая!

— Наташка, красавица!

— Женя!

— Руфик!

— Полинка!

...И больше ничего нельзя было разобрать.

Но вот раздалась команда, правда, не совсем военная.

— Девочки! К порядку! Становитесь в круг! — распорядилась Ира Ракобольская.

В полку она была начальником штаба и теперь командование взяла на себя.

В центре скверика замкнулся плотный круг. Круг дружбы, которая бессмертна, — дружбы солдатской.

— Ну, а теперь, — сказала Ира, — каждая пусть расскажет, что с ней случилось за год.

Вокруг девушек образовалась толпа, но они никого не замечали. Они видели только друг друга — милые, родные лица.

— Я учусь в Институте иностранных языков, — сказала Руфа Гашева.

— А я — в МГУ. И кроме того, девочки... — Катя Рябова замялась. — Я пришла сюда со своим мужем, — молодого парня в форме военного летчика впустили в круг. — Он, как видите, тоже летчик, — продолжала Катя, — фамилия его Сивков...

Девушки в упор рассматривали катиного мужа, и их глаза говорили: «А, ну, каков ты? Достоин ли ты нашей Кати? Хоть ты и дважды Герой, она тоже с Золотой звездой, но, главное, она человек-то какой?!» Юноша краснел под этими взглядами.



Москва, апрель 1948 года. Супруги Сивковы с дочерью Наташей.

С мужьями явились и Поля Ульянова и Аня Еленина. А Оля Фетисова пришла с грудным ребенком. Младенец был осмотрен всем кругом. Осмотрен и одобрен.

— А у меня 200 детей, — под общий хохот заявила Зина Логачева, воспитательница в детском саду.

В круг протиснулась совершенно незнакомая девушка.

— Я приехала, — сообщила она, — вместо Маруси Рунт...

Да, это было так: Мария Рунт работает далеко от Москвы в обкоме партии, и дела не позволили ей приехать. Но она прислала свою сестру. Пусть та расскажет о ней подругам и вернется обратно с новостями о них.

А вот в круг входит штатский мужчина.

— Девочки, смотрите, это же Муратов!

Узнав о назначенной встрече, мастер цеха одного московского завода Муратов решил придти незванным. На войне он был начальником строевого отдела дивизии.

— Девочки, смотрите-ка, кто идет!

— Батюшки! Володя! Саратовский профессор!

Не забыл старший лейтенант своих учениц, следил за их боевыми делами всю войну и вот, узнав о назначенной встрече, тоже приехал...

О чем же узнали девушки на этой первой встрече? Прежде всего выяснилось, что жизнь встретила всех тепло и приветливо. Они учатся, работают, выходят замуж, растят детей, веселятся, когда весело, грустят, когда взгрустнется.

Девушки долго не расставались. Вслух читали письма от тех, кто не приехал. Потом разбились на группы, бродили по Москве, ходили в гости друг к другу. Разговорам не было конца. И удивительно: было совсем мало воспоминаний. Говорили больше о том, что будет завтра,— о будущем.

...Вот так из года в год и проходят эти необыкновенные встречи. А жизнь между встречами летит, летит. И каждый раз, став в круг в центре скверика против Большого театра, девушки узнают о жизни друг друга, жизни, исполненной роста и непрестанного движенья вперед.

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК

В Берлине, в Трептов-парке сооружается величественный историко-мемориальный памятник, который увековечит бессмертные подвиги советских бойцов и офицеров, овладевших столицей фашистской Германии.

Ознакомление со скульптурными эскизами, с архитектурными планами и чертежами позволяет ясно представить себе картину будущего памятника.

С улиц, проходящих у Трептов-парка, начинается широкая аллея, которая приводит к скульптуре женщины, олицетворяющей Мать-Родину.

От скульптуры к входу на кладбище тянется стометровая дорога из светлосерых плит полированного гранита. Вход на кладбище образуют два приспущенных знамени из красного гранита. На знаменах высечены на русском и немецком языках простые и величественные слова: «Вечная слава воинам Советской Армии, отдавшим свою жизнь за освобождение человечества от фашистского рабства». У знамен — коленопреклоненные фигуры советских бойцов. Они как бы говорят прощальные слова своим погибшим товарищам.

За фигурами бойцов развертывается перспектива всего кладбища. В центре его 5 братских могил,— зеленые площадки с мраморными плитами, украшенными красным гранитом и бронзовыми венками. На плите высечены имена погибших воинов.

Архитектурно-скульптурный ансамбль завершается монументом бойца-освободителя, стоящим на высоком зеленом кургане.

Молодой советский воин попирает ногами разбитую фашистскую свастику. В правой руке его меч — символ силы, в левой — ребенок — символ жизни. Только что окончилась великая битва. Воин весь еще в движении вперед.

Внутри пъедестала, на котором высится воин, расположен мемориальный зал.

Строительство историко-мемориального памятника работы скульптора Е. Вучетича и архитектора Я. Белопольского предполагается закончить к 7 ноября 1948 года.



Фигура воина-победителя.



Приспущенные знамена из гранита у входа на кладбище в Берлине.

Панорама памятника-кладбища советским бойцам и офицерам, павшим в боях за взятие Берлина.

НА БЛАГО ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ

В последние дни со всех концов Советской страны в Москву, в адрес Министерства финансов СССР — по радио, телеграфу и телефону, — поступили сообщения о ходе подписки на новый — Третий государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР.

Как и в прошлые годы, нынешняя подписная кампания на заем превратилась в мощную демонстрацию морально-политического единства советского народа. Советские люди — пламенные патриоты — знают, что их сбережения, отданные взаймы государству, ускорят осуществление плана великих работ послевоенной сталинской пятилетки, помогут укреплению мощи советского государства, расцвету его культуры и дальнейшему повышению благосостояния народа.

Интересные цифры сообщили корреспонденту «Огонька» в Министерстве финансов СССР. Они показывают популярность наших займов. В годы первой сталинской пятилетки трудящиеся СССР приобрели облигаций государственных займов на 5 миллиардов 900 миллионов рублей, в годы второй пятилетки сумма подписки на займы увеличилась почти в четыре раза, а за три с половиной года третьей пятилетки она достигла уже суммы в 24 миллиарда 900 миллионов рублей. 76 миллиардов 100 миллионов рублей поступило по займам в государственный бюджет от населения за годы войны. Исключительный успех имели и займы, выпущенные в послевоенное время.



Облигация 3-го Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР.

Приведем несколько цифр, показывающих личные выгоды владельцев облигаций государственных займов. К 1 января 1948 года население Советского Союза получило в виде процентов и выигрышей по займам более 23 миллиардов рублей. Только за прошлый год владельцам облигаций выплачено выигрышей на сумму 5 миллиардов рублей.

Третий государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР выпущен на 20 миллиардов рублей сроком на 20 лет. В течение этого времени состоятся 40 тиражей; первый из них — в 1949 году. На каждую сторублевую облигацию нового займа можно будет выиграть от 50 тысяч до 200 рублей. За 20 лет будет разыграно 66 миллионов выигрышей на 17 миллиардов 811 миллионов 200 тысяч рублей.

Облигации, на которые не выпадут во время тиражей выигрыши, погашаются (выкупаются) по их нарицательной стоимости с 1 октября 1953 года в течение 15 лет.

Одновременно с подпиской на новый заем с 3 мая началась конверсия (обмен) ранее выпущенных государственных займов. После обмена население получит облигации государственного 2%-го займа 1948 года.

ДЕНЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

Миллиардные тиражи книг

5 мая в нашей стране отмечался День большевистской печати. В этот день—36 лет назад, 5 мая 1912 года—вышел первый номер нашей славной «Правды» — органа Центрального Комитета и Московского Комитета ВКП(б).

Советский Союз уже давно стал страной сплошной грамотности. Не удивительно поэтому, что спрос на книгу, газету, журнал непрерывно растет.

За минувшие 30 лет в СССР было выпущено 889 тысяч названий книг и брошюр тиражом в 11 миллиардов 3 миллиона экземпляров. Примечательно, что книги эти вышли на 119 языках, в то время как в дореволюционной России книги выходили лишь на 49 языках.

В национальных республиках и областях выпуск книг увеличился по сравнению с 1913 годом в среднем более чем в тридцать раз.

Огромными тиражами — 737 миллионов экземпляров — на 101 языке изданы произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. «Краткий курс истории ВКП(б)» вышел общим тиражом в 33,5 миллиона экземпляров.

За последние 20 лет издано 1 миллиард 300 миллионов томов художественных произведений классической и современной литературы. Интересно отметить, что в то время как в 1913 году средний тираж одной книги составлял 3400 экземпляров, — в 1947 году средний тираж одной книги превысил 30 тысяч.

До Октябрьской революции произведения А. М. Горького вышли в количестве 1083 тысяч экземпляров на 8 языках. В наше время книги А. М. Горького напечатаны на 66 языках тиражом в 44 975 тысяч. Произведения А. С. Пушкина в царской России были изданы на 14 языках в количестве 10 711 тысяч экземпляров,— в Советском Союзе они вышли на 76 языках тиражом в 36 784 тысячи экземпляров.

Миллионными тиражами издаются произведения советских писателей. Романы М. Шолохова изданы на 53 языках тиражом в 16 709 тысяч экземпляров, произведения А. Толстого — на 38 языках тиражом 14 587 тысяч, произведения В. Маяковского — на 47 языках тиражом в 10 миллионов экземпляров и т. д.

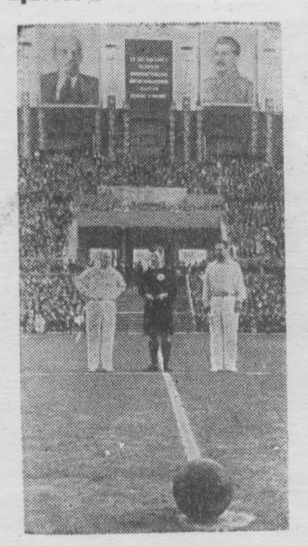
В 1913 году в России издавалось 859 газет. Разовый тираж их составлял 2700 тысяч экземпляров. В 1947 году в СССР издавалось 7163 газеты, ежедневный тираж которых составлял внушительную цифру — свыше 30 миллионов.

Л. Б.

МЯЧ — В ЦЕНТРЕ

2 мая на московском стадионе «Динамо» торжественно открылся летний спортивный сезон. Снова трибуны доотказа заполнили зрители, снова на спортивное поле вышли футболисты, легкоатлеты, велосипедисты. Взвивается флаг, проходят торжественным маршем команды футболистов, судья Н. Латышев с двумя своими помощниками появляется на середине зеленого поля, звучит призывно его свисток — и две прославленные команды — ЦДКА — чемпион страны — и «Спартак» — обладатель «Кубка СССР» — начинают футбольный сезон 1948 года. В результате напряженной борьбы победу одержала команда ЦДКА со счетом 2 : 1.

После футбольного матча на стадионе выступили шесть силачей, показавших до этого выдающиеся результаты по поднятию двухпудовой гири на республиканских финальных соревнованиях. Победителем необычного и трудного соревнования оказался шофер Хатиашвили, поднявший гирю 350 раз.



Перед началом первого футбольного матча между командами ЦДКА — «Спартак» 2 мая 1948 года.

Фото Э. Гутгарца

МОСКВА — МАГАДАН

Радиотелефонный разговор

7 мая, в традиционный День радио, установленный в память гениального русского ученого Александра Степановича Попова, обогатившего 53 года назад мир изобретением первого в мире радиоприемника, страна отметила достижения нашей отечественной науки и техники в области радио, успехи радиовещания и радиолюбительства. За годы советской власти по инициативе Ленина и Сталина радиофикация и радиовещание в СССР достигли гигантского размаха.

В связи с Днем радио редакция журнала «Огонек» связалась с одним из самых северо-восточных пунктов страны — Магаданом. Наш корреспондент вызвал к радиотелефону заместителя председателя радиокомитета тов. Градова. Была прекрасная слышимость.

РЕДАКЦИЯ. Привет из Москвы. У нас сейчас полночь. Только что пробили куранты Спасской башни Кремля. Который час в Магадане?

МАГАДАН. У нас наступило рабочее утро. Юный город Магадан живет многогранной, кипучей жизнью.

РЕДАКЦИЯ. Расскажите читателям «Огонька» о жизни Магадана.

МАГАДАН. Наш город был заложен семнадцать лет назад на берегу далекого Охотского моря. Сейчас Магадан является административным, промышленным и культурным центром богатейшего края — Советской Колымы.

РЕДАКЦИЯ. Каковы бытовые условия жизни в Магадане?

МАГАДАН. Облик Магадана меняется буквально с каждым месяцем. Вырастают большие каменные здания с паровым отоплением, электричеством, ваннами и телефонами. В городе выстроены прекрасные культурно-бытовые здания: средняя школа на 1300 учащихся, дом культуры, больница, поликлиника, комфортабельная гостиница.

РЕДАКЦИЯ. В какой мере радиофицирован Магадан и насколько радио связывает город с сердцем Родины — Москвой?

МАГАДАН. Все здания Магадана радиофицированы и телефонизированы. Телефон, телеграф и радиотелефон связывают Магадан с самыми отдаленными, таежными поселками. Радиофикация дала возможность всюду слушать первомайскую передачу с Красной площади. И вообще Москву мы слушаем ежедневно. Передайте привет ученым, инженерам, техникам и конструкторам, работающим в области развития советского радио.

РЕДАКЦИЯ. Расскажите о наиболее интересных событиях в культурной жизни Магадана за последний месяц.

МАГАДАН. Восемь тысяч человек посетили открывшуюся в апреле 3-ю Всеколымскую выставку изобразительных искусств. В Магаданском драматическом театре с успехом прошли премьеры пьес «Глубокие корни», «Человек с того света» и «Сады цветут». На экранах города демонстрируются фильмы «Сказание о земле Сибирской», «Русский вопрос» и «Пирогов». В клубах в эти дни проходит смотр художественной самодеятельности. Большой популярностью пользуется краеведческий музей, собравший за годы своего существования 18 тысяч экспонатов, отображающих историю и развитие Охотско-Колымского края.

В Магаданской центральной библиотеке каждый вечер очень людно. К услугам читателей 60 тысяч томов. Библиотека пополняется не только книгами московских и ленинградских издательств, но и с помощью местного издательства «Советская Колыма», которое за 10 лет своего существования выпустило около 1000 названий книг и брошюр. На полках библиотек есть уже произведения, удостоенные Сталинских премий в этом году, — это «Буря» И. Эренбурга, «Знаменосцы» А. Гончара, «Счастье» П. Павленко, «Белая береза» М. Бубеннова, «В одном населенном пункте» Б. Галина, «В Крымском подполье» И. Козлова. Все эти книги выпущены издательством «Советская Колыма».

РЕДАКЦИЯ. Благодарим вас за информацию и просим передать привет жителям Магадана от читателей «Огонька».

МАГАДАН. Спасибо. Наш самый сердечный привет москвичам!

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Огонек» сердечно благодарит читателей и организации за приветствия и пожелания в связи с 25-летием журнала.

Дневник «Огонька»

ГВАРДЕЙЦЫ

Л. СЛАВИН

В самом имени этой дивизии и составляющих ее воинских частей как бы заключена летопись ее боевой славы: Гвардейская Стрелковая Таманская Краснознаменная ордена Суворова дивизия имени Михаила Ивановича Калинина.

Полки ее, либо Севастопольские либо Шавлинские,— в память о победах в Крыму и в Прибалтике; все они краснознаменные, а некоторые помимо того награждены орденами Кутузова и Александра Невского.

Тридцать три воина соединения удостоились звания Героя Советского Союза. Тринадцать благодарностей получило оно от Верховного Главнокомандующего: первую — за освобождение Тамани, последнюю — за взятие Прейсиш-Эйлау.

Воинские подвиги — это не только страницы военной истории. Ратный опыт свой дивизия перенесла в повседневную учебу. Молодые пополнения перенимают боевые традиции и вместе с ветеранами неустанно оттачивают свое мастерство.

Имена ветеранов дивизии, Героев Советского Союза как бы символизируют несокрушимую монолитность многонациональной Родины нашей: Александр Виноградов, Иосиф Лаар, Николай Берия, Анатолий Пушкаренко, Магомет Гамзатов, Израиль Якубовский, Адам Турчинский, Александр Казаев, Иван Воронков, Акимарбек Абаев и десятки других.

Одни из этих героев пали смертью храбрых, как, например, отважный сын эстонского народа Иосиф Лаар, закрывший своим телом амбразуру вражеского дота.

Другие здравствуют поныне, учась в военно-учебных заведениях, как Михаил Епишкин, получивший звание Героя Советского Союза за форсирование реки Дубисса.

Третьи продолжают служить в своей родной дивизии, как Герой Советского Союза гвардии майор Александр Борисович Казаев, тот самый, что в 1945 году, сломив сопротивление противника, первым во главе своего подразделения вышел к водам Балтики в районе Земландского полуострова.

Слово «первый» не раз приходится произносить, вспоминая о подвигах этой дивизии, одного из первых гвардейских соединений Советской Армии.

То было 18 сентября 1941 года. «...За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок...» — так было сказано в известном приказе Народного комиссара обороны товарища Сталина об учреждении советской гвардии. Среди первых четырех дивизий, с которых начинает свою историю сталинская гвардия, значилась дивизия имени М. И. Калинина.

Она первой вступила в ноябре 1943 года на освобожденную землю Крыма, форсировав Керченский пролив. Она первая в мае 1944 года заняла Сапун-гору, штурмуя Севастополь.

Качества, перечисленные в приказе, отличают дивизию и сейчас.

Ветераны соединения пишут его историю. Она еще не закончена. Нелегкий труд — описать ратный путь этой дивизии, начиная от ее боевого крещения под Смоленском и Ельней в начале июля 1941 года.

Истоки ее воинской славы восходят еще к более ранним временам, к годам гражданской войны.

18 июня 1918 года в местечке Злынка, Гомельской губернии, группа моряков Балтийского флота организовала красногвардейский отряд. Небольшой отважный отряд этот успешно сражался с белогвардейцами и немецкими оккупантами. Балтфлотцы быстро стали популярными среди населения, к ним стали во множестве присоединяться добровольцы, отряд вырос в полк, прошел всю гражданскую войну и получил от ВЦИК два ордена Красного знамени. Этот полк (сохранившийся, между прочим, до сих пор) и был тем зерном, из которого выросла Гвардейская Таманская дивизия имени М. И. Калинина. Поистине можно сказать, что она родилась в пламени Октябрьской революции! И неумирающие отблески этого пламени живут во всех ее делах.

Уже в первые месяцы войны в боях под Ельней дивизия разгромила отборные эсэсовские полки «Фюрер», «Эльф», «Германия».

Когда в сентябрьские дни 1941 года был получен приказ о переименовании дивизии в гвардейскую, люди соединения испытывали радость и гордость. Дивизия находилась тогда на подходе к вражеским рубежам. Сотни бойцов и командиров тут же подали заявления о приеме их в партию. Нельзя без волнения читать эти пожелтевшие от времени бумаги. Военфельдшеру Марии Корме исполнилось в тот день семнадцать лет. В своей анкете, в графе «Род занятий с начала трудовой деятельности», она написала: «С 22 июня 1941 года по настоящее время бью фашистских гадов». Мы узнаем в боевом стиле молодых гвардейцев все тот же высокий патриотизм, который воодушевлял почти три десятка лет назад большевиков Балтфлота, зачинателей этого соединения.

Форсирование Керченского полуострова, освобождение Крыма, штурм Севастополя, бои в Прибалтике и в Восточной Пруссии — вот славнейшие этапы боевого пути Таманской дивизии.



Герой Советского Союза гвардии майор А. Б. Казаев рассказывает бойцам своего подразделения о боевом пути дивизии.

Фото М. Трахмана

Однажды в Прибалтике группа разведчиков дивизии пробралась в тыл противника для захвата языка. Во главе группы был сержант Иван Шаламенцев, совсем молодой парень, но уже бывалый солдат, награжденный за бои под Витебском орденом Отечественной войны I степени.

Еще днем он выследил немецкого часового. Сейчас разведчики неслышно подобрались к немцу. Шаламенцев тихонько кашлянул, как было условлено. По этому сигналу разведчики бросились на часового; но, ко всеобщему удивлению, он приложил палец к губам и произнес:

— Тшш!

И, указав на блиндаж позади себя, прошептал на ломаном русском языке:

— Там офицер, возьмите его...

Часовой оказался румыном, который давно уже жаждал сдаться русским.

Разведчики довели его до нейтральной полосы, и дальше он сам охотно засеменил в плен.

Разведчики вернулись к блиндажу. Шаламенцев осторожно заглянул туда. Обер-лейтенант и три гренадера сидели за столом и играли в карты. Шаламенцев нарушил идиллию, швырнув гранату. Обер-лейтенант был схвачен и доставлен разведчиками в дивизию. Он дал ценные показания.

Сейчас Шаламенцев — сверхсрочник. Он командует отделением. Оно одно из лучших в соединении. Сам превосходный стрелок, он передает свое искусство молодым солдатам.

Отвага, ловкость, смекалка, отличное знание военного дела и высокая сознательность советского патриота — вот те боевые традиции Советской Армии, которые неизменно переходят от ветеранов к молодым бойцам.

Майор Шлычков, работник политотдела дивизии, участвовал во всех ее операциях, в том числе в памятных майских боях 1944 года на Сапун-горе, под Севастополем.

Ночью Василий Шлычков пришел в батальон, назначенный на штурм. В ротном блиндаже, у подножья горы, метрах в трехстах от неприятельских окопов, он провел беседу среди коммунистов и комсомольцев. Было светло не только от луны, но и от ракет, которыми немцы беспрерывно освещали позиции. Иногда приходилось сильно повышать голос, чтобы перекрыть гул канонады. Шлычков вручил флажки бойцам, которые вызвались первыми атаковать позиции противника на горе.

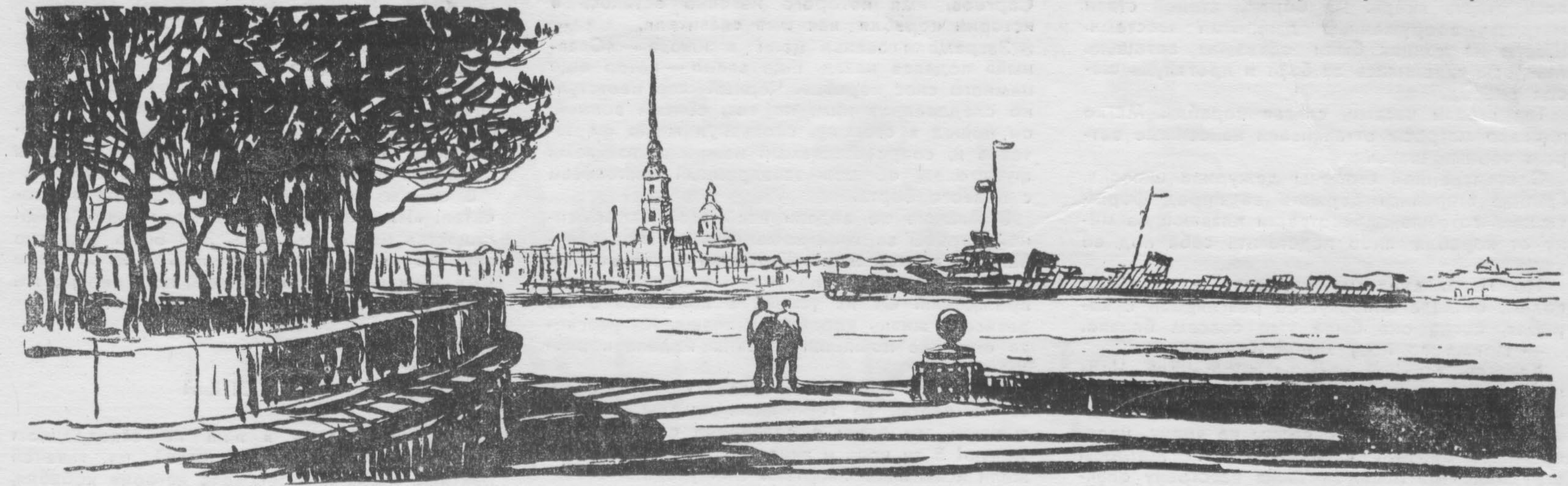
Тогда эта беседа перед боем сильно отличалась от стройных лекций, которые агитатор Шлычков читает сейчас в спокойной, так сказать, академической обстановке дивизионного клуба.

И когда мы наблюдаем молодых солдат дивизии, таких, например, как Алексей Галкин, выросший и сложившийся уже в мирное время, мы узнаем в них все те же черты советского гвардейца, которые отмечал исторический приказ Наркома обороны осенью 1941 года. Галкин не награжден орденами, он не успел участвовать в боях. На груди у него значки отличного пулеметчика и отличного физкультурника.

Награду — часы, которые он получил из рук маршала,— он заслужил всей своей образцовой службой как один из лучших младших командиров славной дивизии.

Среди молодых солдат много отличников боевой и политической подготовки. Им есть у кого поучиться. Гвардейская Таманская дивизия имени Калинина — несравненная школа воинской выучки.

Рисунки Г. Храпака



СЛАВНЫЙ КОРАБЛЬ

Владимир РУДНЫЙ

1. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Если говорить о жизни корабля, как о жизни человека, надо начинать его биографию с метрической выписи.

Имя корабля — «Славный».

Тип корабля — эскадренный миноносец.

Место рождения — судостроительный завод в Ленинграде.

Но когда мы доходим до дня рождения, тут надо обратиться к источнику этой метрической выписи — к корабельным журналам.

Ни одно из творений рук человеческих не имеет, пожалуй, столь тщательно зафиксированной биографии, как военный корабль. Лишь только киль его коснется воды — начинается его история. Минута за минутой в ней отмечено все: плавания, швартовки, ремонты, стоянки в гаванях и на рейдах, учения, вахты, приход и уход каждого человека, когда-либо ступившего на борт, смена экипажей и отдельных моряков, проступки, подвиги, бои, ранения, смерти, победы, встречи в море. У этой истории не один автор. Изо дня в день ее составляют офицеры, несущие вахту на борту.

Корабль, о котором идет речь, молод. Он спущен на воду лишь несколько лет тому назад. Невский буксирный пароходик повел его от стенки завода в Кронштадт.

Но это еще не был военный корабль. За буксиром тащилась двухтрубная коробка, неспособная двигаться самостоятельно. Две команды поселились на ее палубах — ленинградские корабельные мастера и молодые матросы-первогодки.

Буксир ввел корабль в док. Здесь мастера установили на корабле винты, и эскадренный миноносец приобрел самостоятельность. Он тут же подал первые признаки жизни — на мачтах затрепетало сочетание сигнальных флагов: «Прошу разрешения сняться с якоря».

Весь экипаж жадно следил за мачтой на здании штаба флота в Кронштадте. Наконец там взвилось ответное: «Добро».

Корабль ушел в море, но без морского флага: он ходил еще под красным флагом — заводским — и не имел пока права гражданства на флоте. В гавани его называли именем юнцов-матросов — «салажонок». В штормах и ледовых походах оморячивался «салажонок».

Накануне войны наступил день, официально празднуемый каждым кораблем. Его и следует считать днем рождения.

Корабельный журнал сообщает, что день был солнечный, в заливе — штиль. Толпы кронштадтцев собрались на берегу, издали наблюдая за новым кораблем. Свежевыкрашенный эскадренный миноносец стоял на большом кронштадтском рейде. Горнист сыграл «большой сбор». Вся команда выбежала наверх.

На палубу вместе с матросами вышел невзрачный на вид старичок с пегой редковатой бородкой и промасленными усами. Его знал весь Балтийский флот. Когда-то, лет сорок назад, он сам служил на корабле, ходил кочегаром в далекие плавания, воевал с немцами, сбрасывал царя, громил Керенского, вершил и отстаивал революцию, всю гражданскую войну провел в матросском продотряде на суше. С флота он ушел только в двадцать первом году, но флота не бросил. На судостроительном заводе он создавал новые корабли. Мастер-котельщик, Петрович не знал покоя, когда строился какой-нибудь корабль. Он отлично справлялся с делами не только в кочегарке, но и со всякими другими корабельными специальностями, и завод часто назначал его гарантийным механиком.

— Флаг, гюйс, стеньговые флаги и флаги расцвечивания поднять!—прозвучала команда, и медленно поползли по фалам вверх пестрые праздничные флаги, разукрасившие корабль от кормы до носа.

Вахтенный матрос пробил склянки: восемь ноль-ноль. Вся команда повернула головы к бело-синему военно-морскому флагу, взвившемуся над миноносцем. Офицеры и старшины взяли под козырек. Поднял тяжелую натруженную руку к козырьку своей кепки и мастер Петрович и замер в общем строю.

2. ДЕНЬ КРЕЩЕНИЯ

После подъема флага Петрович не ушел с корабля. Он поселился в четырехместной старшинской каюте вместе с боцманом Алексеем Колосовым и двумя главными старшинами. Машинист Леонтьев стал его правой рукой и учеником.

Петрович был на «Славном» представителем завода—гарантийным механиком на время ходовых испытаний. Механик должен был проверить безотказность машин в первых походах. Случилось так, что эти гарантии Петрович дал в бою.

«Славный» стремительно вошел в водоворот ратного труда. На второй день войны он ставил мины на возможных путях немецких кораблей. Два дня спустя, на рассвете, как это точно отмечено вахтенным офицером, матрос Москалев разглядел перископ лодки противника: он появился в квадрате, где накануне «Славный» поставил мины. Через несколько минут последовал взрыв — подорвалась немецкая подводная лодка. Но корабельный журнал требует абсолютной достоверности, и вахтенный офицер осторожно записал: «Возможно, на поставленных нами минах подорвалась немецкая подводная лодка».

«Славный» провожал в Кронштадт линкор «Октябрьская революция», ходил на поиски противника в открытое море, сражался с самолетами, преследовал подводные лодки, искал безопасные проходы для других кораблей — в этом беспрерывном движении новый корабль завершал свои ходовые испытания.

Корабельные орудия поддерживали оборону осажденного Таллина. «Славный» отдал городу все стрелковое оружие. На фронт ушли добровольцами его матросы, и вскоре в вахтенном журнале появилась запись о геройской гибели старшины первой статьи пулеметчика Константина Кураева на сухопутном фронте, под эстонской столицей. Это была первая жертва, понесенная экипажем в войне.

Из Таллина корабль уходил, груженый как транспорт. На всех палубах и в каютах разместились летчики и техники аэродрома. Эскадренный миноносец шел в хвосте каравана. С разных направлений пикировали эшелоны немецких самолетов. «Славный» стрелял — немецкие машины носились низко над морем. Летчики-пассажиры могли разглядеть лица летчиков-врагов. Но сейчас они были только пассажирами и тоскливо смотрели в море и в небо.

Началась адская ночь—ночь перехода флота из Таллина в Кронштадт. Мрачен и тих был весь экипаж. Его лишали простора, из открытого моря корабли втягивались в узкий залив к Неве. Но надо было сохранить флот, сберечь его силу для обороны Ленинграда, для будущих прорывов на простор Балтики.

Выставив под водой в стороны противоминные щупальца — параваны,— корабль шел по минным полям меж двух занятых противником берегов, под жерлами его орудий.

Монотонно перекликались голоса сигнальщиков:

— Справа мина...

— Слева мина...

«Славный» отворачивал то вправо, то влево, подчиняясь воле командира. Это и стало истинным испытанием его маневренности и силы его машин.

Ночью в правом парав요 взорвалась мина. Она оторвала подводные щупальца корабля. «Славный» сбавил ход, но не остановился — матросы на ходу ставили другой параван.

Чтобы не наскочить на мину, пришлось отдать якорь. По бортам стеной стали матросы, вооруженные длинными шестами. Шесты на концах были обвязаны ветошью. Матросы склонились за борт и протянули шесты вперед.

Так стояли часами, спасая корабль. Мягко и ловко матросы отталкивали наносимые ветром черные шары.

С наветренной стороны дежурила шлюпка. Гребцы старались держать ее перед форштевнем, готовые либо отвести плавающую мину от корабля либо подставить себя под ее удар.

Но мина, внезапно поднятая на гребень волны, обошла шлюпку. Ее разглядели с корабля, когда она была уже совсем близко.

— Прямо по носу мина! Идет на нас!

Корабль струной натянул якорь-цепь. Черный свежевыкрашенный шар стал вдруг отчетливо виден: растопырив пальцы, он медленно переваливался с волны на волну, неотвратимо близясь к форштевню. Матросы сгрудились на носу, выставив навстречу опасности плотной щетиной футштоки. Но футштоками с высокого бака трудно было предотвратить опасность.

— Трави якорь-цепь! — внезапно скомандовал старший лейтенант Василий Иванович Сергеев, имя которого навечно осталось в истории корабля как имя спасителя.

Загремели звенья цепи в клюзе — «Славный» подался назад. Еще звено — ветер еще немного снес корабль. Черный шар неотступно следовал за ним, но вот, сбитый волной, он пошел в сторону, скользнул мимо форштевня и, сопровождаемый нежными толчками футштоков, обошел эскадренный миноносец с правого борта.

В машине не видели всей этой напряженной борьбы верхней команды. Там, под палубами, в адской жаре, Петрович и его боевые друзья исправляли полученные кораблем повреждения. От их усилий в конечном счете зависела жизнь корабля, экипажа. На рассвете они уже починили машины и дали кораблю ход.

Весь день «Славного» атаковали то батареи, то самолеты, то торпедные катеры. Но что значили эти атаки в сравнении с пережитой ночью! В ту ночь и экипаж и корабль выдержали испытание смертью. Они уходили с балтийских просторов в Неву. Но они не отступали, нет, они дрались, побеждали и уже в те суровые дни сорок первого года пробивали флоту дорогу к славе.

3. ДНИ СЛАВЫ И ПОБЕД

Петрович мог быть доволен творением своего завода. Труд ленинградских рабочих был проверен в бою, и он со спокойной совестью мог сообщить своим товарищам на заводе, что они вручили флоту надежный корабль.

В Кронштадте, когда корабль снова стал на клетки дока, чтобы залечить раны, команда вышла провожать старого мастера: обязанности гарантийного механика кончились. Но мастер вскоре вернулся в док с группой рабочих завода и с женами тех строителей «Славного», которые ушли на фронт. Петрович пришел помогать матросам, всей душой желая, чтобы корабль быстрее присоединил огонь своих батарей к огню действовавших крейсеров, линкоров и кронштадтских фортов.

Для флота было трагедией стоять взаперти в «Маркизовой луже», как зло называли моряки узкое пространство между Кронштадтом и Незой. Немцы надеялись потопить здесь флот. Они бросили сюда эскадры самолетов. Они еще более усилили блокаду Финского залива, преградив его сетями и огромным количеством мин. На берегах и островах, на всем протяжении до выхода в Балтику стояли мощные дальнобойные батареи. Возникла крепкая минно-артиллерийская позиция.

Однако флот не только отбил все набеги и налеты на Кронштадт и форты, не только помог отстоять Ленинград в критические минуты. Флот не дал себя погубить и запереть. Флот не допустил в залив немецкие корабли. До глубокой зимы он удерживал в далеком тылу противника полуостров Ханко.

Зимой первого года войны решено было перебросить ханковский гарнизон на защиту Ленинграда. Кораблям Балтики было поручено прорваться к Гангуту. И флот совершил немыслимое, опрокинув все представления о морской блокаде. Адмирал Дрозд трижды провел корабли эскадры на двести миль в тыл врага и эвакуировал ханковский гарнизон. В двух прорывах участвовал эскадренный миноносец «Славный». И каждый раз в поход его провожал Петрович.

В голодную ленинградскую зиму корабль стоял на артиллерийской позиции на Неве. Однажды он ошвартовался бортом к крейсеру «Киров». На заваленной сугробами набережной подле «Кирова» остановился какой-то старичок.

— Проходи, проходи, папаша,— сурово окликнул его часовой с крейсера. — Нельзя тут посторонним быть.

— Какой же я посторонний?! Я и твой крейсер, сынок, раньше тебя знаю...

Старичок хотел пройти дальше, но с трапа крейсера вдруг кто-то его окликнул:

— Папаша! Петрович! Ты ли это?

К Петровичу подбежал мичман Леонтьев:

— Идем, идем к нам. Вся команда «Славного» тебя ждет...

— Да не пустят меня через «Киров». Чужой, говорят, я...

— Как не пустят! — Леонтьев бросился к часовому. — Это же наш батя, браток, его весь корабль знает!

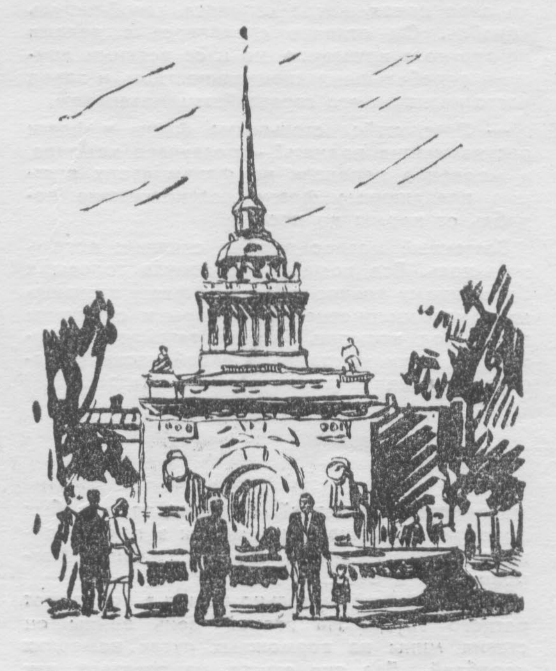
Петрович с трудом карабкался по сходням, поддерживаемый своим учеником. Его провели в ту же каюту, где он жил в походе. Не было в каюте Алексея Колосова — первого на эсминце боцмана; пробоина в переборке напоминала о его гибели.

Петровича накормили давно невиданным флотским борщом. Леонтьев дал ему супа и хлеба с собой и взял слово, что на другой день старик снова придет на «Славный». Но мастер не пришел. Ему трудно было делать лишний шаг, даже ради хлеба.

Команда послала Леонтьева на завод с наказом разыскать Петровича и доставить на корабль. Старик был совсем плох, и завод поместил его в стационар.

Матросы «Славного» навещали его семью. Они несли в дом мастера баночки с супом и куски хлеба, оторванные от своего скудного пайка.

В ту зиму матросы сами с трудом перебивались, но они все же помогали городу. Из своего котла команда подкармливала некоторых мастеров, делила с рабочими хлеб. Всю зиму на «Славном» жил один из крупных ленинградских профессоров. Не дал корабль погибнуть и семье Петровича. Так сообща и побороли голод. Как победу, праздновал Леонтьев тот день, когда мастер Петрович, окрепший, здоровый, снова пришел на корабль.



«Славный» два года провел на артиллерийских позициях, защищая город, который его создал. Он участвовал в прорыве блокады, поддерживал наступавшую на Карельском перешейке армию и, наконец, снова вырвался на морской простор — в открытую Балтику.

В одном из корабельных журналов я прочитал: «Имя «Славный» — символ славы и могущества нашей Родины». Это было записано еще до войны, когда корабль получил свое имя. Имя дано было авансом, но в первые же годы своей жизни корабль оправдал его.

4. КРЕСТНЫЙ

В прошлом году я жил на эскадренном миноносце «Славном» в одной из гаваней Балтики. Меня интересовала история корабля, но экипаж за эти годы сменился, и только документы да несколько корабельных старожилов могли в какой-то степени помочь мне.

В старых корабельных журналах встретилась фраза, имевшая отношение ко всему, что я здесь рассказал: «Гарантийным механиком был мастер Петрович». Я спросил корабельного старожила мичмана Леонтьева, кто такой этот Петрович. Леонтьев ответил:

— Да как же, это наш крестный, крестный всего корабля! Георгий Петрович Ашарин звать его по-настоящему, мастер-котельщик судостроительного завода. Вот жив ли он, точно не знаю. Уж больно стар да слабоват стал. В блокаду выдюжил. Но потом сын у него погиб на фронте, и это подорвало старика.

Петровича я нашел в одной из ленинградских больниц, куда он слег. Мы пришли к нему с представителем завода, тоже котельщиком Ильей Григорьевичем Загидулиным, ныне он заместитель начальника цеха. Когда-то Ашарин обучил Илью Григорьевича, как и десятки других известных на заводе людей, мастерству. Но война разлучила их. Загидулин прошел путь от Севастополя до берегов Кореи и лишь недавно, оправившись от ран, вернулся на завод подполковником в отставке.

Петрович сразу узнал своего ученика. Начались воспоминания: «А помнишь, как работали на «коммерсантах»?», «А помнишь, как ночью пожар тушили?» Каждое «а помнишь» было связано с названиями известнейших кораблей, с годами предвоенных пятилеток, с историей создания нашего флота, с великой нашей победой над врагом. Илья Григорьевич рассказал старику о заводе и о судьбе знакомых ему мастеров.

— Ширшин? — шопотом вторил старый мастер. — Аржанов? Суетик?

Мы сидели подле его больничной койки. Расстегнутая рубаха обнажила татуировку на старческой груди — синий матросский крест.

— Старый матрос,— уважительно сказал мой спутник, и Петрович обрадованно закивал головой: «Да, да, матрос, с крейсера...»

Ему трудно было говорить — и от волнения и от болезни.

— Эх, сколько кораблей создала эта рука! — сказал Илья Григорьевич и, будто испугавшись, что совсем расстроит мастера воспоминаниями, поспешно добавил: — Что, Петрович, рука все же действует?

Петрович сделал усилие, поднял слабую правую руку и дотянулся ею до лба. Счастливая улыбка осветила его лицо: как жаждал силы этот привыкший к труду человек!

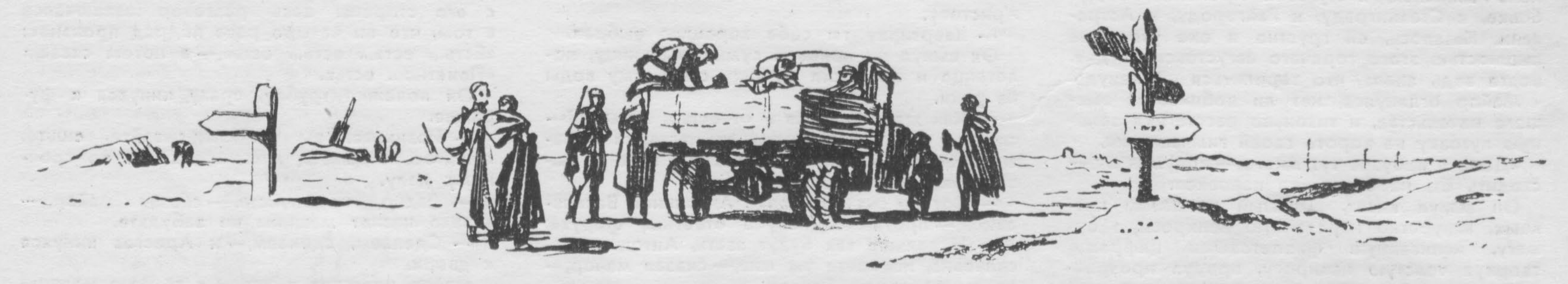
Я заговорил о корабле. Петрович взволнованно интересовался судьбой эскадренного миноносца: как он плавает, да кто на нем служит, да помнят ли его в экипаже. Я сказал, что его имя навечно записано в историю корабля и что есть на корабле его ученик мичман Леонтьев, который всем новичкам рассказывает о жизни и труде крестного отца эскадренного миноносца.

— Леонтьев! — обрадовался старик. — Служит?

— Заканчивает сверхсрочную. Скоро демобилизуется и приедет в Ленинград.

— На завод... на завод пусть идет,— торопливо заговорил вдруг Петрович. — На наш завод... Строить... Корабли строить...

Рисунки О. Верейского



ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ

Из новой книги

Это — книга о советских людях во время Великой Отечественной войны. Действие происходит на фронте и в тылу; осью событий является Сталинград.

Василий ГРОССМАН



I

Возле шлагбаума контрольно-пропускного пункта, на перекрестке степных дорог, ожидали попутных машин несколько командиров и красноармейцев. Каждый раз, когда вдали показывалась машина, все ожидавшие, подхватив мешки, подходили к регулировщику, и он недовольным голосом говорил:

— Ну, чего же снова в кучу сбиваетесь, ведь сказано было: всех посажу. Отойдите в сторону, нельзя работать.

Майор, средних лет, в многократно стиранной, но опрятной гимнастерке, усмехался словам регулировщика с видом человека, многое уже испытавшего в жизни и давно знающего, что учить вежливости кладовщиков продовольственных складов, генеральских адъютантов, писарей АХО и регулировщиков, сажающих в машины,— дело трудное. На перекрестке был вбит большой столб со стрелками-указателями: «Саратов», «Камышин», «Сталинград», «Балашов». Дороги казались одинаковыми, куда б ни был повернут указатель — на восток ли, на запад, на север, на юг. Но люди, стоявшие у шлагбаума, хорошо знали различие дорог — той, что бежала на восток и на север, и той, что вела к Сталинграду.

У шлагбаума остановился грузовик, в кузове его сидели раненые, обвязанные потемневшими от пыли бинтами, с проступившими черными пятнами засохшей крови.

Регулировщик сказал майору:

— Садитесь, товарищ майор.

Майор закинул мешок в кузов, стал ногой на колесо и полез через борт.

Когда грузовик тронулся, майор махнул рукой оставшимся случайным спутникам своим: капитану и двум старшим лейтенантам,— с которыми недавно лежал на траве, ел хлеб и рыбные консервы и которым показывал фотографии жены, дочери и сына.

Он оглядел новых спутников, серых от пыли, желтых от потери крови и душевного потрясения красноармейцев, и спросил одного, с рукой на перевязи:

— Под Котлубанью?

— Точно,— ответил раненый и, указав на лежащего на соломе человека, чьи руки и ноги, покорно подчиняясь ухабам дороги, мотались безвольно из стороны в сторону, добавил: — Этот отвоевался.

— Надо бы его удобней положить,— сказал майор.— Санитар!

Лежавший посмотрел в глаза майору долгим, угрюмым взором, брезгливо поморщился и снова закрыл глаза.

Он лежал со строгим лицом, с запавшими щеками, с плотно сошедшимися, слипшимися губами. Ему уже не было дела до пыльной огромной степи и до сусликов, перебегающих через дорогу, его не интересовало, скоро ли привезут его в город Камышин, покормят ли горячим, можно ли отправить из госпиталя трехугольное письмецо, наш или немецкий самолет гудит в воздухе. Он лежал и угрюмо следил, как остывало внутри него тепло жизни, великой драгоценности, принадлежавшей ему и утерянной им на веки-веков. О таких людях, хотя они еще дышат и стонут, санитары говорят: «Этот уже готов».

Ночью немцы налетали на Камышин, и раненые с беспокойством смотрели на дома с вышибленными оконными рамами, на жителей, глядевших все время вверх, на блестевшую стеклом мостовую.

Раненые волновались и говорили, что хорошо бы сразу, не останавливаясь здесь, сесть на пароход и поехать в Саратов. Они бережно подносили свои забинтованные руки и ноги к борту, точно это были дорогие, очень ценные, не им принадлежащие предметы, и спускались вниз, кряхтя и охая, доверчиво глядя на подходившего военного врача.

Майор тоже стал слезать с грузовика. Перегнувшись через борт и ухватив мешок, он оглядел оставшегося на дне грузовика раненого. Тот лежал с железным, темным лицом и снова посмотрел глубоким взором прямо в глаза майору.

Майор шел, не торопясь, оглядывая дома, скверики, улицы, охваченные военной тревогой, и вспомнил, что его жена родилась в Камышине и училась тут в гимназии. И ему стало грустно от мысли, что по этим уличкам когда-то, худенькой девочкой с длинной тонкой косой, обмотанной вокруг головы, ходила Тома и что за ней ухаживали тут шпингалеты-гимназистики и, наверно, назначали ей свиданья в этом садике над Волгой, где теперь толпились беженцы, щетинились в небо зенитные пулеметы, а раненые, в серых халатах с возбужденными, озорными лицами, меняли сахар на самосад.

Майор пошел дальше. Его опытный глаз определил, что, очевидно, несколько часов назад в город пришел армейский штаб.

Из-за фруктовых деревьев в саду была видна мачта рации, слышался четкий стук двигателя, связисты, оглядываясь, тянули провода. Возле малинового здания с пыльными стеклами и вывеской над входом «Кино Коминтерн» стояли тяжеловесные машины-фургоны, и сутулый капитан в роговых очках, криво сидевших на середине его тонкого длинного носа, размахивая руками, объяснялся с шоферами.

Всезнающий майор сразу понял, что это типографская техника армейской газеты. Больше того, он по многим признакам определил, что армия эта пришла из резерва и никогда в боях не была. Он понял это по суетливости людей, все время учивших друг друга, и по новому обмундированию, и по тому, что командиры лихо носили совершенно ненужные им здесь автоматы с тяжелыми патронными дисками, и по тому, как шоферы, часовые, командиры, связисты все поглядывали да поглядывали на синее августовское небо...

Майор вышел на обрыв над Волгой и сел на зеленую скамейку. Он не любил торопиться: война ведь не на месяц и не на два. Он любил посидеть на солнышке, подымить папироской, предаваясь воспоминаниям и тихой грусти, в дороге пропускал чрезмерно перегруженные составы и, становясь на ночевку, выбирал квартиру с приветливой хозяйкой, у которой обязательно должна быть корова: козьего молока майор с детства не любил.

День стоял жаркий, безветренный. Волга была видна на многие версты, сияла под ясным, полновесным солнцем. Было очень жарко, и даже неодушевленные предметы пахли каждый своим запахом, как пахнут своим запахом телки, собаки, мыши. И от скамейки, от крыш домов, от темных бревенчатых стен, от кирпичной дорожки, от булыжника мостовой, от пыли, лежавшей на выгоревшей траве, шел запах, словно старое, мертвое дерево, камень и сухой прах земли потели, как живые.

А даль была чуть туманной, словно в го-



лубоватый воздух осторожно капнули молока. Волга текла, неторопливая, большая, к Степано-Разинской, к Луговой Пролейке, к Дубовке, к Сталинграду, к Райгороду, к Астрахани. Казалось, ей грустно и она утомлена пышностью этого горячего августовского дня. Волга ведь знала, что торопиться ей некуда.

Майор оглянулся, нет ли поблизости высшего начальства, и тихонько расстегнул зеленую пуговку на вороте своей гимнастерки.

«Дынь и арбузов тут много,— подумал он,— сходить бы на базар, да неловко».

Он вынул кисет, вышитый цветными нитками, аккуратно нарезанную папиросную бумагу, исписанную фиолетовыми цифрами, свернул толстую папиросу, продул прозрачный мундштук, сделанный из авиационного стекла, поглядел на свет в дырочку и закурил.

«Ох, ох, ох, камешек наисходе»,— озабоченно подумал он, пряча в карман зажигалку.

В это время проходивший по дорожке румяный техник-интендант второго ранга вдруг остановился и посмотрел на майора. Он сделал шаг вперед, но снова оглянулся.

— Извините, товарищ майор, ваша фамилия — не Березкин? — и, тут же вскрикнув:— Анатолий Леонтьевич, ну ясно! — побежал к майору.

— Постой, постой,— произнес майор,— ну точно, Аристов, сколько же это я тебя не видел? Ты ведь у меня в полку начальником хозчасти до войны был.

— Точно, Анатолий Леонтьевич, одиннадцатого февраля сорок первого года был откомандирован в распоряжение отдела кадров Белорусского военного округа.

— А теперь где воюешь?

— Я, товарищ Березкин, теперь начальник продотдела, все время в резерве был.

— О, брат ты мой, начальник продотдела,— сказал майор и внимательно посмотрел на Аристова.— Садись, чего стоять, закуривай.

— Пойдемте ко мне,— сказал Аристов.— Я как раз обедать иду, у меня квартирка тут рядом, прямо два шага.

И Аристов подхватил зеленый майорский мешок.

Майор всю свою долгую военную жизнь обижался на военторги.

— Ох, Иванторг,— любил говорить он и покачивать головой.

Но он понимал, что сегодня все обижавшее его в этих людях обратилось к нему своей доброй стороной. И надо сказать, шел он не без удовольствия.

По дороге он рассказывал Аристову свою историю. Воевать он начал на границе в пять часов утра 22 июня 1941 года. Он успел вывести свои пушки и даже прихватил две оставленных соседом батареи и грузовики с горючим. Дрался он, командуя полком, на сотнях высоток, на десятках больших и малых речек, на болотах и в лесах, под Брестом, Кобрином, Новоград-Волынском, под Черниговом и Бахмачем, Шосткой и Кролевцом, под Глуховом и хутором Михайловским, под Кромами и Орлом, под Белевом и под Чернью. Осенью наступал он на Десне, под Жуковкой. Зимой наступал он на Донце, в Савинцах и в Залимане, прорывался на Чепель, наступал на Лозовую.

Потом его ранило, потом его лечили, потом снова ранило, сейчас он догоняет свою дивизию, которая ушла к Сталинграду.

— Така работа,— сказал он и усмехнулся.

Они вошли в чистенький дворик, и красноармеец, торопливо оправляя смявшуюся гимнастерку и отряхивая солому, прилипшую к брюкам, лихо приветствовал их.

— Спишь,— сказал Аристов,— на стол накрывай!

— Есть! — крикнул красноармеец и, взяв мешок из рук Аристова, кинулся в дом.

— Вот, чорт, первый раз вижу толстого бойца,— сказал майор.

В прохладной, полутемной комнатке, с лощатыми стенами, выкрашенными по местному обычаю голубой краской, их встретила хозяйка, приземистая, плечистая старуха с седеющими усиками над верхней губой. Она хотела поклониться гостю, но так как была очень мала ростом и широка в плечах, поклониться ей не удалось, и ее словно шатнуло вперед.

— Здравствуйте, хозяйка! — сказал, вежливо козыряя, майор и, оглядев покрытый вышитой скатертью стол, кусты китайской розы, двухспальную кровать, закрытую опрятным белым одеялом, он одобрительно заметил Аристову:

— Квартирку ты себе хорошую выбрал.

Он вынул из полевой сумки мыльницу, полотенце и попросил хозяйку слить ему воды на руки.

— Как же ваше имя и отчество, мамаша?— спросил он, загнув ворот гимнастерки и намыливая свою крепкую красную шею и лысеющую, бритую голову.

— Вот до сих пор звали Антониной Васильевной,— протяжно, певуче ответила старуха.

— И дальше так будут звать, Антонина Васильевна, поверьте уж мне,— сказал майор,— лейте, лейте, не бойтесь.

Он зафыркал, зафукал, закряхтел от удовольствия, подставляя голову под холодную струю воды, хлопая себя ладонями то по щекам, то по затылку.

Потом он пошел в комнату и сел у окна, полуприкрыв глаза, молчал, охваченный внезапным чувством покоя и уюта, которое с такой особой силой приходит к военным, вдруг попавшим из пыли, ветра, шума своей вечной полевой жизни в мирный полумрак человеческого жилья.

Старуха принесла большую тарелку крепеньких кораллово-красных помидоров.

— Я на свете шестьдесят четвертый год живу,— сказала она,— отец мой восемьдесят четыре года жил, а его отец — девяносто три, и все мы коренные волжские люди, но не помним, чтобы немца или француза пускали до волжской воды. А вы как считаете: сдадим Сталинград или удержим?

— Нет, будь уверена, Сталинграда не сдадим,— сказал Аристов.

— Дело военное,—сказал майор,—тут трудно наперед гадать. Постараемся, конечно, Антонина Васильевна.

Аристов хлопнул себя по лбу:

— У меня завтра идет пикап в Сталинград. Едет подполковник Даренский из штаба фронта, он в кабину сядет, а сзади только два человека: мой представитель и лейтенантик-мальчик, из школы едет, просили его подбросить. Вы у меня заночуете, а утром они прямо заедут за вами.

— Вот и чудесно,— сказал майор,— вот и чудесно, это я знаю, к фронту всегда раньше срока попадешь.

Майор подсел к накрытому столу, оглядел его и с весельем произнес:

— Ох, и молодец, вы, товарищ лейтенант!

Он хотел польстить Аристову и его звание техника-интенданта перевел на строевое. Майор Березкин знал политичное обращение, неписанные армейские законы. Если подполковник командует дивизией, то политичные подчиненные никогда не обращаются к нему «товарищ подполковник», а всегда — «товарищ командир дивизии»; если капитан командует полком, то к нему обращаются «товарищ командир полка». Ну, конечно, обратно, если человек с четырьмя шпалами командует полком, то все обращаются «товарищ полковник», и уж никогда не скажут «товарищ командир полка», чтобы не подчеркнуть досадного несоответствия между званием и должностью. Они выпили по первой рюмке и закусили.

Майор посмотрел на Аристова и сказал:

— Слушай, ты мою жену и ребят помнишь?

— Ну, конечно, в Бобруйске вы ведь на первом этаже жили в доме командного состава, а я во флигельке, каждый день их видел. Супруга ваша с сумкой синей ходила.

— Точно, с синей. Это я ей во Львове купил,— сказал майор и сокрушенно покачал головой.

Ему хотелось рассказать Аристову о своей жене, о том, как жена хорошо готовила украинский борщ и какая она была образованная — читала книги в библиотеке и знала по-английски и по-французски. Хотелось ему рассказать, каким хулиганом и драчуном был старший, Славка, как однажды он пришел и сказал: «Папа, выпори меня, я кошку укусил!»

— Потерял я семью, пропали без вести,— сказал майор.

В это время зазумерил полевой телефон, установленный на комоде. Аристов взял трубку:

— Техник-интендант второго ранга Аристов слушает.

Очевидно, говорило высокое начальство, так как во время разговора Аристов стоял прямо, с напряженным лицом и левой рукой поправлял гимнастерку, счищал крошки. Да и с его стороны весь разговор заключался в том, что он четыре раза подряд произнес: «Есть... есть... есть... есть»,— а потом сказал: «Понятно... есть».

Он положил трубку, сразу кинулся к фуражке.

— Извините, вы тут закусывайте, ешьте, ложитесь отдыхать, меня вызывают по срочному делу.

— Ладно, пожалуйста,— сказал майор,— только насчет машины не забудьте.

— Сделаем, сделаем,— и Аристов кинулся к двери.

Майор подошел к двери в темную маленькую комнатку, где сидела хозяйка и позвал:

— Мамаша, а мамаша, пойдите-ка сюда!

Старуха вышла к нему.

— Садитесь, Антонина Васильевна,— пригласил майор,— может быть, рюмочку выпьете со мной за компанию.

Она выпила рюмку и закусила помидором.

— Ну, как он вас бомбит?—начал он разговор так, как тысячи майоров, лейтенантов, бойцов начинали разговор со старыми и молодыми женщинами во фронтовых деревнях и городках.

— Да, теперь жизнь рассыпалась,— сказала хозяйка,— народу, народу пропало! На старшего сына я похоронную получила, а младший вот уже год не пишет — считают, без вести пропал.

— Да, кровь наша льется,— сказал майор.

Он отсел от стола к окну, вынул из полевой сумки белую металлическую коробочку, разложил на коленях портновский набор и стал выбирать нитку по цвету, чтобы залатать продравшийся в дороге локоть гимнастерки. Шил он умело и быстро, каждый раз, прищурившись, оглядывал свое творчество.

— Ох, и ловок ты шить, сынок,— сказала старуха, переходя с майором на ты.

Без гимнастерки этот человек в опрятной рубахе, с лысеющей большой головой, с серо-голубыми глазами, с немного скуластым, загорелым и круглым лицом, очень был похож на волжского рабочего, и ей неловко и обидно показалось говорить ему вы.

— Шить я умею,— с улыбкой вполголоса сказал он,— надо мной в мирное время товарищи смеялись, говорили: «Наш капитан — портниха». Я могу покроить, и на машине прострочить, и детское платье могу сшить и женское. Жена-то у меня плохо шила, я на ребят шил, так, удовольствия ради. А раз для нее платье летнее сшил — смеху было. Два сезона носила, еще командирские жены фасон снимали, так удачно вышло. Помню, как примерял ей, меня смех берет, а она руки мне гладит и говорит: «Руки мои золотые».

— Что ж ты, до службы портным был?

— Нет, плотником. Я с двадцать второго года солдат.

Он надел гимнастерку, застегнул воротничок и прошелся по комнате. Старуха, вновь переходя на вы, сказала:

— Я вас вполне вижу, настоящего человека сразу понимаю, на ком держава наша стоит, кем держится,— и, хитро прищурившись, она прошептала:— А вот приятель ваш — это уж воин. Для него все государство на спиртах стоит. Что государство, что контора — одно слово.

Майор рассмеялся и сказал:

— Ох, мать, видно, ты умна!

Ночью пришел Аристов и, светя майору в лицо электрическим фонариком, спросил:

— Отдыхаете?

— Нет, я не сплю,— ответил майор.

— Машина в девять утра сюда за вами заедет,— сказал Аристов.

Он стал стаскивать сапог, застонал, завозился, затих.

«Что такое?—прислушавшись, подумал майор и сообразил:— А, это хозяйка».

Он поднялся, подошел в носках к двери маленькой комнаты и сказал:

— Ну, чего плакать, а?

— Тебя жалею,— сказала старуха,— одного похоронила, второй без вести пропал. А сегодня тебя увидела, жалею. В Сталинград едешь, а я знаю, там крови будет... хороший ты человек.

Майор смутился и долго молчал, потом он пошел на место и лег.



II

Ночевали они в Верхне-Погромном. Майор и лейтенант пошли спать в сарай, подполковнику Даренскому постелили в избе, а представитель начпрода и водитель легли спать в машине, поближе к вырытому во дворе окопчику-щели.

Это был душный и жаркий вечер. За Волгой слышалась орудийная стрельба, и небо на юге было в светящихся клубах дыма. Снизу, по реке, все время слышался гул, словно Волга у Сталинграда валилась в преисподнюю, и вся плоская громада степного Заволжья дрожала, подчиненная этому тяжкому гулу: позванивали стекла в избе, тихонько скрипела в петлях дверь, шуршало сено, и с чердака сыпались кусочки глины. Где-то рядом вздыхала корова, ворочалась, приподымалась, снова ложилась: ее, видимо, тревожил гул, запах бензина и пыли.

По деревенской улице шли войска, двигались пушки, грузовики. Автомобильные фары мутно освещали колеблющиеся спины идущих, блестели дула винтовок, вороненые стволы противотанковых ружей, широкие, как самоварные трубы, минометы. Черная, ночная пыль клубилась вдоль дороги. Не было конца потоку людей — они двигались в глубоком молчании. Иногда мигающий свет порождал из тьмы голову в железной каске, худое лицо, темное от пыли. А через мгновение машина проносилась мимо, и следующая за ней на миг ловила сидящую в кузове мотопехоту, в касках, с ружьями, с развевающимися за плечами плащ-палатками. Свистя, проносились трехосные могучие грузовики, буксируя за собой семидесятишестимиллиметровые пушки; расчеты дремали, сидя на казенной части, обнимая руками еще теплые от дневного зноя стволы. Ночное небо было полно гудения, среди звезд ползли «юнкерсы» и «хейнкели», нудно ныли их моторы, а по нижним этажам неба, потрескивая, шли на бомбежку «кукурузники», и где-то высоко глухо ревели медлительные четырехмоторные мамонты «ТВ-3».

Все небо было охвачено гулом. Людям на земле казалось, что они стоят под пролетом огромного, украшенного звездами моста, слушают грохотание движущихся над головами железных колес. Аэродромы Заволжья отмечали места ночных посадок и воздушные дороги голубоватым светом маяков—прожекторы плавно скользили вокруг оси, и на дальней периферии неба светящийся километровый карандаш с молчаливым бешенством вычерчивал голубой круг.

По военно-автомобильной дороге двигались к Сталинграду без конца и без начала машины и люди, вспыхивали фары и гасли мгновенно, вспугнутые злым криком пехоты: «Туши свет, летит!»

Черная пыль клубилась над дорогой, и все выше, все шире поднималось в небе страшное зарево, пылавшее над Сталинградом.

Это зарево поднялось над Волгой и над степью. И его увидело человечество.

...«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»... — повторил бы Тютчев эти слова, суди ему судьба шагать этой августовской ночью по военно-автомобильной дороге к городу на Волге, где решалась участь мира.

А дальше, в степи, под теплым августовским небом, лежали женщины и девушки, сталинградские беженки, одетые в меховые шубы, с фетровыми ботиками на ногах, в теплых пальто, вытащенных в последнюю минуту из пылающих домов. Старухи прикрывали платками особо ценные вещи, дети, лежа на узлах, положив под голову валенки, вскрикивали, переживая день. Запах нафталина, шедший от зимних вещей, смешивался с запахом вянущей в степи полыни.

Подполковник Даренский проснулся незадолго до рассвета. Охваченный беспокойством, он стал готовиться в дорогу. Пока он брился, мылся, чистил зубы, совсем уже рассвело. Даренский подошел к машине и спросил:

— Готово?

Лейтенант, худощавый и сутулый юноша, проговорил:

— Майора нет, товарищ подполковник.

— А где же майор?

— Он пошел молоко искать,— позавтракать перед отъездом. Тут у хозяев корова не доится.

Даренский прошелся по двору и сказал:

— Чорт знает что! Спешу, времени нет, а тут, оказывается, корова не доится. Долго я буду вашего дояра ждать?!

— Он с минуты на минуту придет,— сказал виноватым голосом лейтенант и, оробев, бросил на землю свернутую папиросу.

Вскоре пришел майор с литровой темной бутылкой, ставшей светлозеленой от налитого в нее молока.

— А, товарищ подполковник, как спали?— сказал он.

— Спасибо, спасибо,— резко ответил Даренский,— давайте все же ехать.

Он боялся Сталинграда, не хотел туда и поэтому спешил, ему казалось, что все раздражение его, нервозность от того, что он слишком медленно едет, а в действительности он раздражался и нервничал от того, что ехал слишком быстро.

Даренский посмотрел на майора — лицо его, раздражавшее своим, казалось, невозмутимо спокойным выражением, сейчас было напряжено, рот полуоткрыт, а в глазах было нечто такое растерянное, почти безумное, что Даренский невольно оглянулся, посмотрел в ту сторону, куда смотрел майор. Казалось, какая-то ужасная сила готовилась обрушиться на них, может быть, парашютисты, десант?

Но дорога, искромсанная колесами и гусеницами, была пуста, лишь вдоль домов плелись беженцы.

— Тамара, Томочка! — отчаянно сказал майор, и женщина в тапочках, подвязанных веревками, с мешком за плечами, и девочка лет пяти, с маленьким, сшитым из наволочки мешочком, остановились.

Майор пошел к ним навстречу, держа в руке бутылку молока. Женщина недоумевая смотрела на военного, идущего к ней с бутылкой молока, и вдруг крикнула:

— Толя!

И так страшен был этот крик, столько в нем было жалобы, ужаса, горя, упрека и счастья, что все, слышавшие его, зажмурились и невольно поморщились, как морщатся от страшного внезапного жара, от скрипа стекла по стеклу. Женщина бросилась к майору, беззвучно и без слез рыдая, обхватила его шею руками.

А рядом стояла девочка в босоножках и, широко округлив большие глаза, смотрела на бутылку с молоком, которую сжимала боль-

шая, с надувшимися под коричневой кожей жилами, рука ее отца.

Даренский почувствовал, что его затрясло от волнения. И после, спустя уже годы, вспомнилось ему прошедшее время и показалось, что была минута, когда он понял всю горечь войны, — это утром в песчаном Заволжье запыленная, бездомная женщина, с худенькими девичьими плечами и прекрасными глазами, стояла рядом с широколицым, сорокалетним майором и громким неживым голосом сказала:

— А Славочки нет больше, не уберегла я его.

И тоска тогда вновь сжала его сердце, как в ту минуту, когда двое горестных людей смотрели друг на друга и лица их выражали лютое горе, бездомное счастье той суровой поры.

Через несколько минут майор провел женщину с ребенком в избу, тотчас вышел и, подойдя к Даренскому, сказал:

— Простите, товарищ подполковник, я вас задерживаю, вы езжайте без меня. Я семью встретил.

— Мы подождем,— поспешно проговорил Даренский.

Он подошел к машине и сказал представителю:

— Да, скажу вам, будь это моя машина, я бы попутчиков ссадил, пусть едут на попутных, а женщину бы доставил до Камышина.

— Нет, уж давайте ехать,— сказал представитель,— у меня задание командования, а им тут до завтрашнего утра разговору. Дамочка молодая, славная, а майор — мужик что надо, с прошлого года не виделись—делов хватит,— и, оглянувшись на молчавшего шофера и лейтенанта, в эту минуту с обожанием смотревшего на Даренского, он подмигнул и рассмеялся дробненьким смехом профессионального рассказчика анекдотов.

Даренский понял, что действительно лучше поскорей уехать, не мешать майору бесполезной, ненужной заботой, и сказал:

— Ладно, заводите машину, а я сейчас возьму вещи.

Он вошел в избу и, опустив голову, стал нашаривать в полумраке свой чемодан. Он слышал, как хозяйка, всхлипывая, что-то говорила, увидел расстроенное лицо старика-хозяина, стоявшего с шапкой в руках, увидел бледное, возбужденное лицо молодой невестки,— видимо, внезапная встреча разволновала всех.

Он старался не смотреть на майора и его жену, ему казалось, что им нестерпимо тяжело присутствие и внимание посторонних.

— Мы, значит, поехали, товарищ майор,— громко сказал он,— разрешите вам пожелать всего хорошего. Вы, видно, задержитесь тут.

Он пожал майору руку и, подойдя к его жене, снова почувствовал волнение, какое испытал, услышав ее голос на улице. Она протянула ему руку. Даренский, низко склонив голову, бережно поднес к губам ее тонкие, как у девочки, с черными насечками от картофельного ножа пальцы.

— Простите нас,— сказал он и поспешно вышел из избы.

Какая, выворачивающая душу, это была встреча! Горе, цепкое, сильное, как бурьян и чертополох, было сильней радости, и каждое радостное чувство тотчас забивалось горем. Встреча ужасала своей кратковременностью: ведь больше дня не могла она продлиться! Лаская дочь, Березкин испытывал страшное, страстное горе по сыну. Люба не понимала, почему у отца каждый раз, когда он брал ее на руки, гладил ее по голове, лицо вдруг хмурилось, словно он злился. Она не понимала, почему сразу же после встречи они заговорили о расставании: стали записывать адреса, отец сказал, что посадит их в попутную машину до Камышина, стал спрашивать, нет ли у мамы фотографии на память, так как старые фотографии за год почти совсем истерлись.

Он принес из сарая свои вещи и разложил на столе угощение, какое Люба видела лишь однажды в гостях у Шапошниковых. Тут было и сало, и консервы, и сливочное масло, и красная икра, и колбаса, и даже шоколадные конфеты. Мама сидела за столом, как гостья, а отец все готовил сам.

А потом мама стала быстро отламывать кусочки хлеба и вылавливать консервы из банки, а Люба все спрашивала: «А колбасу мне можно?» «И сала можно ломтичек?» «Можно»,— говорил папа. Он дал ей кусок хлеба с маслом, и она положила наверх ломтик сала и стала есть — это было очень вкусно, так вкусно, что Люба начала смеяться. Люба посмотрела на отца и увидела, что он смотрит на быстро жующую маму, на ее дрожащие пальцы, а в глазах его слезы. Неужели ему жалко продуктов и он заплакал от этого? На мгновение она замерла от обиды, но тут вдруг ощутила своим маленьким сердцем все, что чувствовал отец в эту минуту. И не радость найденной опоры, а желание утешить и защитить отца в его беспомощности и горе почувствовала она. Посмотрев в темный угол избы, где, казалось ей, притаились силы зла, она суровым голосом произнесла: «Не убивайте его!».

А потом мама начала рассказывать, и Любе стало скучно ее слушать, она все это знала: о том, что у них не было зимних пальто, и что их все время бомбили, и пропала корзинка с хлебом, и что зимой они ехали двенадцать дней в теплушке, и что мама шила, стирала, копала грядки, и что хлеб стоил сто рублей кило, и что сахар и сливочное масло, которое им выдал комендант, мама обменяла на хлеб, и что успей она, как другие, захватить из дому побольше белья, его можно было бы менять на хлеб. В деревне жить лучше, чем в городе; когда она жила три месяца в деревне, дети каждый день пили молоко, и колечко и брошку она хотела продать и купить ржаной муки, но их украли, и после этого ей пришлось отдать Славу в детский дом — там он был в хороших условиях. Хлеб, хлеб, хлеб — в свои четыре года Люба хорошо знала великое значение этого великого слова.

— Мама,— сказала она,— оставим конфеты для Славки, можно?

Но тут опять маму затрясло, каким-то новым, без слез, неизвестным Любе, беззвучным плачем, и потом у нее сделалась икота, а папа странным, сонным голосом говорил: «Что же делать, война, война, не мы одни, весь народ...»

Он начал рассказывать маме о своей жизни и о старых знакомых, которых мама иногда вспоминала, и Люба заметила, что в папином рассказе все время, как в мамином «хлеб», повторялось слово «убит».

— Убит,— говорил папа. — Мутьян убит на второй день, еще под Кобрином,— говорил он,— а Алексеенко, ты помнишь его, под Тарнополем видели в лесу, лежал раненный в живот, а немцы уж совсем рядом чиркали из автоматов, а Морозов, не Василий Игнатьевич, а тот, что играл в спектакле с тобой, был убит во время контратаки под Каневом на Днепре, прямым попаданием мины. А Рубашкин, мне говорили, уж под Тулой был убит: «мессер» обстрелял, как раз, когда он с батальоном через шоссе переходил, в голову из крупнокалиберного пуля попала; хороший был Рубашкин, помнишь его? А вчера, знаешь, кого я встретил? Аристова, помнишь, завхоза моего. Я тебе адрес дам и записку. Он все сделает, он парень добрый и на машине до Саратова отправит, он мне говорил: у них машины грузовые каждый день на Саратов идут.

— А, ты, ты? — спросила мама.— Господи, сколько я писала! Сколько запросов, ты обо всех знаешь, а о тебе никто не знал.

— Ну, что я,— ответил папа и махнул рукой,— стрелял, стрелял, да видишь — как, где фронт проходит. Главное, не терять друг друга, как мы потеряли.

Потом он сказал:

— Тамара, давай я тебе белье постираю, а ты отдохни.

И мама вдруг сказала:

— Господи, иных внутренно узнать нельзя, а ты столько пережил и совершенно тот же, чудный ты мой, добрый кремень,— и они оба улыбнулись: так мама называла его до войны.

А потом Люба стала засыпать и отец сказал:

— Она устала.

А мать сказала:

— Мы бредем из Сталинграда уже десять дней, она очень боится самолетов, узнает немецкие по звуку, ночью все время просыпается, кричит, плачет, кроме того она плотно поела, а ей непривычно.

Люба сквозь сон помнила, как отец взял ее на руки и отнес в сарай, где пахло сеном... Вечером она просыпалась, снова ела, и, хотя в небе летали немцы и все время грохотали бомбы, ей не было страшно, она лишь подошла к отцу и положила его большую ладонь себе на голову, стояла спокойно, внимательно прислушиваясь к гуденью в воздухе.

— Спи, спи, Люба,— сказала мама, и она уснула.

Какая это была странная, горькая ночь.

— Встретились... неужели ты воскрес для меня, чтобы завтра расстаться и уж навсегда?

— Да ты как-то неудобно сидишь, выпей еще молока, ей богу, и похудела ты, я смотрю: ты, не ты...

— А Славы нет, лежит на дне этой ужасной реки, ночью, в темноте, холод, и нет, нет в мире силы помочь...

— Я тебе отдам свое белье, все же лучше, чем ничего, сапоги хромовые, парадные, я их два раза надевал только... Я тебе намотаю две пары портянок, ведь к зиме дело...

— А в последний раз, когда я его видела, он все спрашивал: «Когда ты меня заберешь?» Но откуда я могла знать? Я, дура, радовалась: поправляется.

— Знаешь, дай-ка я адрес со своей полевой почтой пришью к платью, а не к жакету: вдруг жакет пропадет, а в платье верней.

— Какая я страшная стала, одни кости, ты не стыдишься, что я такая?

— Ножки худенькие, до крови стерты, сколько они исходили!

— Ну, что ты, целовать ноги, зачем, хороший мой, я все мечтала от пыли их отмыть.

— А обо мне он вспоминал?

— Нет, не могу я одна остаться, гони меня палкой, я все равно пойду за тобой. Я не могу, слышишь, не могу!

— Да ты подумай о Любе.

— Я знаю, знаю. Сяду завтра в грузовик и поеду с Любой в Камышин.

— Да что ты не ешь ничего, вот печенье это съешь, молоком запей, хоть глоточек. Или хочешь консервы,— Америка прислала.

— Неужели это ты? Господи, я не верю, и такой же, совершенно такой. Вот и тогда просил: хоть глоточек...

— Это я теперь стал, а вот в прошлом сентябре посмотрел на себя как-то. «Ну,— подумал,— Тамара на меня глядеть не захочет. Щеки ввалились, голову не брею».

— Все летят, летят, ноют в воздухе, опять бьют, день и ночь, целый год. Тебе, верно, часто смерть грозила?

— Нет, что ты, обычное, да и ничего особенного.

— Чего он хочет, детоубийца этот проклятый?

— В деревнях бабы детей пугают: «Не плачь, слышишь, Адольф летит, терзать!»

— Франт ты мой, милый, голову бреешь, воротничок белый, ногти подстрижены. Увидела тебя, и мне показалось,— тысяча пудов с души вдруг упала. А через минуту все стала выкладывать. Ты не думай: я никогда не жалуюсь, кому охота слушать, только тебе ведь. Только ты, ты, ты...

— Обещай мне питаться лучше, деньги и аттестат теперь будут. Слышишь, молоко пей. Каждый день.

— Господи, до чего хорошо. Неужели ты?

— А я знал, что встречу. Еще вчера знал.

— Ты помнишь, как Слава родился. Машина испортилась, ты меня из родильного пешком вел, а его на руках нес. Нет, уж я знаю, это наша последняя встреча.

— Ну, что ты, Тамара.

— Слышишь, Толя, как ударило?

— Ничего, это в реку.

— Боже мой, а он лежит в реке... Ты плачешь, Толя, да? Не плачь, не нужно, вот увидишь — будет хорошо. Мы снова встретимся, обещаю тебе, и молоко буду пить. Бедный мой, что в твоей душе, а я только о себе да о себе. Ну, посмотри, посмотри на меня, хороший мой, ну, дай я тебе нос вытру и глаза вытру. Ах, глупый ты, слабенький, как это без меня ты...

А утром они снова расстались.

Свердловец

Александр БЕК



В Ессентукской МТС (слева направо): старший механик Г. А. Осипенко, директор МТС М. А. Самохвалов и агроном А. И. Курец.

Фото М. Савина

1

Самохвалов сидел у стола в комнате секретаря райкома и смотрел в окно, не принимая участия в разговоре. Предгорья Кавказа были чуть присыпаны снегом и словно отретушированы мастерской рукой. На уступах, ребристых изломах снег не удержался, и они рельефно чернели, а каждая впадинка, складка сверкали белым. Над этой грядой величественно поднималась пятиглавая вершина воспетой Лермонтовым горы Бештау, близ которой раскинулась Ессентукская долина.

Секретарь сказал нам о Михаиле Антоновиче Самохвалове, директоре Ессентукской МТС: «Это тоже наш герой, награжден тоже»,— а тот все молчал, не улыбнулся даже.

Мне сразу понравился этот немолодой, под пятьдесят лет, человек с маленькими голубыми глазами. Губы и подбородок его были изувечены шрамами.

Подсев поближе к нему, я спросил:

— Какая ваша основная профессия?

— Профессия?

Самохвалов улыбнулся, улыбнулся впервые с той минуты, как мы сюда вошли. Изувеченное лицо его сразу стало очень привлекательным.

— Ни агроном, ни механик,— чуть пришепетывая, сказал он. — Природный хлебороб. В 1934 году удостоился окончить Свердловский университет в Москве,— это «удостоился» он произнес с полной серьезностью, чувствовалось, что в юности он был лишен образования и долго мечтал об этом, как о счастье. — И с тех пор свердловец! — досказал он. — Партийный работник по сельскому хозяйству.

У Самохвалова мы — я и мой случайный спутник, фотокорреспондент,— и заночевали.

2

В одном из колхозов мы познакомились с Героем Социалистического Труда трактористом Юриным. Этот тридцатилетний загорелый крепыш опустил руки и, улыбнувшись, спросил:

— Ну, рассказывать, как добился? Или будете снимать?

Нас интересовало, «как добился».

— Ничего особенного,— сказал он. — Смотрю за машиной и лажу ее. И она все выполняет.

Почти то же самое мы услышали от другого Героя Социалистического Труда, двадцатилетней звеньевой Богдановой.

Удивительно! Люди, блестящие успехи которых прославляет вся страна, не видят в своих трудовых победах ничего необыкновенного.

3

— Друзья по Свердловскому университету не забывают меня,— сказал Самохвалов. — Прислали телеграммы, когда нас наградили.

Телеграмм он нам не хотел показать. Его удерживала скромность. Но мы все же настояли. Он положил перед нами объемистую пачку — поздравления отовсюду: от друзей по «Свердловке», по довоенной работе, по фронту, от родных.

— А нет ли у вас, — спросил я, — ваших фотографий в юности? Вместе с отцом, с матерью?

— Нет. Тогда у нас не только семейных фотографий, а... — он усмехнулся. — А обуть нечего было. Когда я в восемнадцатом году вступил в Красную Армию, босой пошел...

— Где же вы воевали?

— Сначала у себя, в Пугачевском уезде, усмирял кулацкие восстания. Моего друга, волостного комиссара, кулаки изрубили на мелкие кусочки.

Я тогда был почти неграмотным, образование — одноклассное, политически слепым...

Шел драться за самое простое — за землю, за лошадь, за плуг. Этот плуг я принес чуть ли не на своих плечах из Комитета бедноты, а пахать им мне так и не пришлось. Как взял в восемнадцатом году винтовку, вышел с отрядом из села по призыву Василия Ивановича, так только в тридцатом году привелось у себя снова побывать.

— Василия Ивановича? Чапаева?

— Да... Удостоился служить в его дивизии... Как живого его вижу! По тем временам мы удивлялись: всегда он чисто одет, побрит, кончики усов закручены, сапоги блестят... А в бою всегда носился на коне. Сам горел и нас зажигал. «Товарищи,— говорил,— вы понимаете, кого мы бьем, от кого очищаем землю, что это за шкуры?!»

Самохвалов показал на своей книжной полке повесть Дмитрия Фурманова о Чапаеве.

— Книгу эту постоянно перечитываю,— продолжал он. — В Чапаевской дивизии я стал комсомольцем и отделенным командиром. Три месяца занимался в учебной команде. И первый раз в жизни надел там сапоги. Это было большое для меня событие... Красный командир. Потом в этих сапогах пешком прошел пол-России.

Он взглянул на меня и, видимо, стремясь быть во всем правдивым и точным, подумал и поправился:

— Нет, немного мы проехали в вагонах, когда нас перебрасывали на Южный фронт. А потом от Балашова пешком с боями до моря...

4

— В 1922 году совершилось изгнание интервентов,— продолжал Самохвалов.

В его речи обычные выражения то и дело перемежались книжными или газетными оборотами, но об исторических событиях он повествовал очень просто, очень кратко, и я ни разу не почувствовал, что он становится на ходули.

«Совершилось изгнание интервентов»... Самохвалов демобилизовался, поехал на Каспий к родителям. Был недолго батраком, а потом стал организатором колхоза.

— В те времена, вы сами знаете, днем организуем колхоз, а по ночам воюем. Мы справились и с кулаками, с бандитами. Но я в моем колхозе не пробыл и года. Вызвали в крайком: «Товарищ Самохвалов, мы вас выдвигаем инструктором по организации колхозов в Дагестане». Я сказал: «Товарищи, я ведь без образования. Мне уже тридцать лет. Надо учиться».

Моим словам вняли и направили меня в Москву. Я стал учиться в Коммунистическом университете имени Свердлова.

Учился день и ночь. На первом курсе ни разу не сходил в кино. Перед экзаменами вдруг глаза заболели. Сижу, читаю, а слезы так и текут. У нас, в университетской клинике, врачом был родной брат Ленина Дмитрий Ильич Ульянов. Я пришел к нему, объяснил: «Так и так, Дмитрий Ильич. Слеза. Пропишите что-нибудь».

Ну, он мне «прописал», когда узнал, как я работаю: «Что же вы? Из вас партия готовит воспитателя масс, организатора колхозного труда, а вы так бестолково обращаетесь со своим здоровьем! Какой же из вас руководитель?»

Отправил на две недели за город, в дом отдыха.

Все экзамены я сдал на «хорошо» и «отлично». Окончил с честью Свердловский университет.

5

По путевке ЦК партии я поехал в Забайкалье, в Нерчинский район, директором не существовавшей еще машинно-тракторной станции, механизатором сельского хозяйства.

Это край тайги. Жена не раз всплакнула, пока мы ехали много дней и ночей на телеге по пустынным местам, через сопки. Спустя четыре года она со слезами оттуда уезжала.

Это богатые места: плодородная почва, животноводство, леса, золото. А охота какая!

Вот ты мне не поверишь, а народ там простого русского крестьянского супа не знал. Варили мясо — его там сколько угодно — и ели без всякой приправы. Картофеля, лука, капусты не сажали. Я сам взялся приготовить для общего угощения первый суп, обыкновенный картофельный суп. Поджарил лучку, заправил сметанкой... Таежные мужички стали пробовать с улыбочкой — только, мол, чтобы не обидеть. Однако понравилось... И постепенно освоили выращивание овощей, даже огурцы и помидоры сажали. Мы внесли туда культуру: электричество, клуб, радио, кино. Организовали машинно-тракторную станцию: было у нас 80 тракторов и 14 автомашин.

Большие дела с прицелом на три — четыре пятилетки начала партия тогда в Сибири. Вся Сибирь преображалась.

6

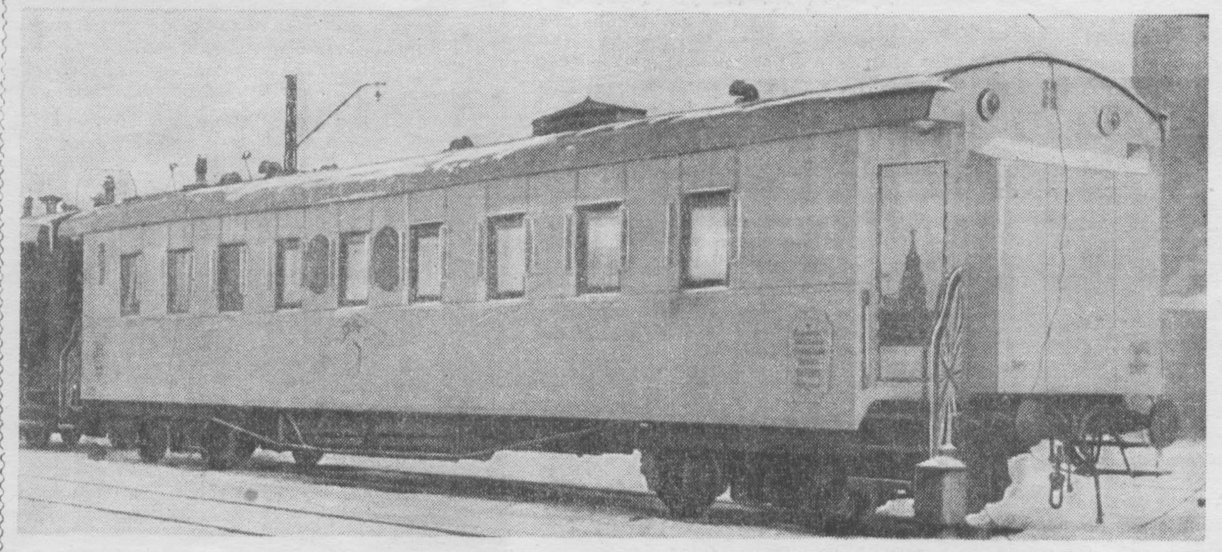
—Что дальше? — продолжал Самохвалов. — Дальше пошли войны... Сначала Халхин-Гол... Пришлось проститься с тракторами и стать политработником — батальонным комиссаром в танковых войсках.

Потом разразилось двадцать первое июня, нападение Гитлера. А уже двадцать шестого июня меня направили в Сталинград, в танковый учебный полк.

Когда наша армия отступала к Сталинграду, я подал заявление с просьбой перевести меня в боевую танковую часть. Вступил я в ряды славной Первой гвардейской мотомехдивизии. Первой! Эта дивизия хранила и пронесла через все бои самое первое гвардейское знамя нашей армии.

Около станции Тацинская, под Сталинградом, меня тяжело ранило. Мы уже были потрепаны, дрались из последних сил, удерживая станцию, которую заняли с хода. В одном месте немец прорвал наше расположение. Мы кинулись туда на танках. Пехотинцы отступают. Смятение. Вместе с командиром дивизии генералом Руссиановым все мы, штабные командиры и политработники, вы-

Вагон-выставка «Великая Отечественная война 1941—1945 годов»



Вагон-выставка «Великая Отечественная война 1941—1945 годов».

Когда вы входите в этот необыкновенный вагон, в первый момент вас охватывает чувство недоумения: где же помещается выставка? В вагоне 12 окон. На тончайших листах белой пластмассы, вставленных в окна вместо стекла, выгравированы портреты маршалов Советского Союза. Между окнами белые с золотым орнаментом пилястры. На каждом из них золотыми буквами приведены цитаты из книги И. В. Сталина о Великой Отечественной войне. В глубине вагона маленькая сцена, задернутая красным бархатным занавесом. Диванчики, занавеси на окнах и на входной двери тоже из красного бархата.

«Но где же выставка?» — спрашиваете вы.

Художник А. Т. Багдатьев подходит к одному из пилястров и нажимает незаметную кнопку. В пилястре открывается «окошечко», и перед вами поочередно проходят сорок документов, фотографий, плакатов, рисунков, рассказывающих о героической борьбе советского народа против фашистских захватчиков.

В первом пилястре вы видите несколько фотографий, отражающих мирный труд советских людей. Но вот возникает портрет В. М. Молотова и сбоку число: «22 июня 1941 года». Одновременно включается тонфильм, и вы слушаете выступление тов. В. М. Молотова по поводу вероломного нападения немецко-фашистских полчищ на страну социализма.

...400 документов уместились в десяти пилястрах. В них отображены и беспримерная оборона городов-героев, и самоотверженный труд работников тыла, и документы, изобличающие фашистские зверства, и борьба бесстрашных партизан, и, наконец, победоносное наступление Советской Армии, занятие Берлина, великая Победа!

Перед осмотром документов в последнем пилястре занавес, закрывающий сцену, раздвигается — и перед вами макет рейхстага. Звучит гул артиллерийской канонады, воют бомбы, в окнах рейхстага мелькают красные вспышки, и вот вы слышите многоголосое русское «Ура!».

Победа! На сцене макет Красной площади. Горят рубиновые звезды Кремля. Ярко освещены окна здания Верховного Совета СССР. Звучат слова великого Сталина, с которыми он обратился к народу 9 мая 1945 года.

Гремят залпы, и на экране в глубине сцены вспыхивают огни салюта победы.

Вагон-выставка создан по инициативе Дома художественного воспитания и технической пропаганды Закавказской железной дороги. Изготовлен он на Паровозо-вагоноремонтном заводе имени Сталина в Тбилиси.

В ближайшее время вагон побывает на самых отдаленных станциях, разъездах и полустанках Закавказской дороги.

скочили из танков и бросились вперед. Но попали под огневой налет минометов. Осколком мне разбило все лицо, раздробило челюсть.

Когда бойцы увидели, что я ранен, кто-то крикнул:

— Товарищи, не оставим комиссара! Вперед, за Родину!

И, отбив атаку, восстановили позицию.

Меня повели под руки. Кровь лилась, но я мог еще ходить. У штаба дивизии товарищи вынесли гвардейское знамя, которое в напряженные моменты всегда было под моей охраной. Я увидел портрет Ленина, увидел надпись «За нашу советскую Родину» и дал клятву защищать Родину до последней капли крови.

Никто не мог слышать моей клятвы, язык был разорван (потом мне наложили швы).

Попрощался со знаменем, поцеловал его, и товарищи повели меня на медицинский пункт.

— Когда здесь нас награждали,— после небольшой паузы продолжал Самохвалов,— я выступил и сказал о своей клятве. Мне хотелось выразить, что и сейчас мы не просто пашем или сеем, а, как солдаты резолюции, сражаемся за идеи Ленина и Сталина, за коммунизм.

Из госпиталя я вернулся к родной семье. А через пять дней пошел в крайком: «Как, товарищ Самохвалов, себя чувствуешь? В каком состоянии здоровье?» «Куда,— спрашиваю,— меня наметили?» Предлагают директором Ессентукской машинно-тракторной станции. Взял путевку, поехал. Это было в июне 1943 года, через шесть месяцев после ранения.

7

Подперев голову рукой, Самохвалов смотрел на потертую клеенку стола и молчал, видимо, вспоминая тогдашние дни. Потом вдруг улыбнулся и посмотрел на нас. Его лицо, со шрамами, со вставными зубами из нержавеющей стали, опять словно расцвело.

— Сроду не забуду! — сказал он. — Приехал я в одну тракторную бригаду. Там тракторист, 14-летний мальчик Жора Бочаров, расплавил подшипники. «Что же ты, сынок? Как ты допустил?» А он заплакал и спрятался под трактор: «Дяденька директор, я больше не буду!» Поедешь ночью в поле, стоит исправный трактор, а бригады нет. А на рассвете видишь: ребята выглядывают из скирды, словно галчата. Примешься их ругать, а они: «Дяденька, мы волков боимся!» И все-таки эти ребятишки и женщины работали прекрасно. В 1943 году, после немецкой оккупации, мы восстановили мастерские, все тракторы и выполнили государственный план на сто тридцать процентов, дали фронту хлеб.

А теперь из этих детей поднялись Герои Социалистического Труда и орденоносцы. Они создавали боевые традиции нашей МТС.

8

— Я вам сейчас не буду говорить,— продолжал Самохвалов,—об агротехнике, о центнерах, а скажу про наиглавное. Что такое наша молодежь? Маленькие деляги, которые знают только свою машину или свое поле и свою выработку? Нет, они восприняли наши традиции и энтузиазм, которым мы горели еще во времена Чапаева, унаследовали идею — вот что дорого! А с другой стороны, это, конечно, совсем иная молодежь, чем мы когда-то были. Они выросли с машиной, с трактором. Мы стучались в дверь из недр темного крестьянства, мечтали увидеть свет, а они уже воспитаны в том новом мире, который для нас был светлым будущим.

Возьмите меня: ведь мне уже исполнилось семнадцать лет, когда грянула Октябрьская революция, а я был неграмотным и диким. А сейчас у меня образование, я свердловец! Сын закончил танковое училище, произведен в лейтенанты. Дочь на втором курсе института. Ну, что говорить...

— А если взять не только вас?

— Возьмем. У меня в МТС нет сейчас среди молодежи ни одного человека без семилетнего образования. Вчера на политзанятиях с комсомольцами (я сам с ними занимаюсь) слушал доклад Яши Маркова о задачах комсомола в весеннем севе. У меня душа горела, так он прекрасно говорил. А ведь он из тех же галчат вышел.

Я считаю, что главное в успехе моего коллектива — коммунистическое воспитание молодежи. Присмотритесь, как молодежь относится к труду! Чуть что — бьют тревогу. Государственное больше берегут, чем свое собственное.

Я слушал Самохвалова, и мне снова вспомнились беглые впечатления дня. «Ничего необыкновенного!» — сказала мне двадцатилетняя девушка-колхозница — Герой Социалистического Труда. Но нужны были битвы гражданской войны, великая ломка и стройка тридцатых годов, подавление и ликвидация контрреволюции, врагов нового строя, неслыханное напряжение и подвиги народа в войне с фашизмом, нужна была целая жизнь поколения, неповторимого и прекрасного поколения большевиков, к которому принадлежит и Самохвалов — чапаевец, свердловец, чекист, военный комиссар, механизатор сельского хозяйства, воспитатель молодежи,— чтобы девушка-колхозница могла сказать о своем труде: «Ничего необыкновенного!»

9

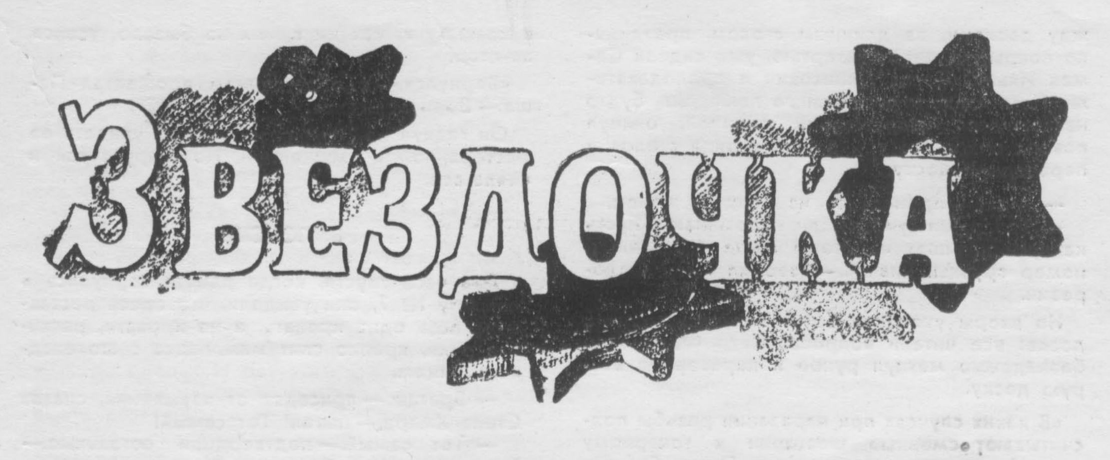
Утром мы поднялись очень рано. Фотокорреспондент хотел организовать съемку перед уходом Самохвалова на работу.

Я вошел в комнату, когда уже все было готово. У накрытого стола сидел при всех орденах, видимо, очень неловко себя чувствующий Самохвалов. Его шестилетний сын Славик уселся на отцовских коленях и с интересом рассматривал отцовские ордена.

Самохвалов улыбнулся мне и сказал:

— Вот забавляется... А может быть, и ему придется когда-нибудь целовать гвардейское знамя. Поцеловать и дать свою клятву!

За окном я снова увидел сверкающую рельефную вершину Бештау. И опять подумал о поколении большевиков, которые пронесли до наших дней и бесповоротно утвердили на земле знамя Ленина и Сталина. Много великого мы еще увидим на своем веку, но оно, это поколение, навсегда останется в истории такой же сверкающей высотой.



Повесть

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунки И. Гринштейна

5. КОЛЯСКА

Коляску делали с азартом, всем училищем. Когда распределили работу и оказалось, что на долю электриков ничего не досталось, они всей группой пошли к Михайлову жаловаться. Пришлось часть работы взять у слесарей и передать ее электрикам.

В воскресенье из училища вышли двадцать юношей и девушек в парадных костюмах — по два делегата от каждой группы — и, отбивая шаг, двинулись к городу. На улице, где шумели тополя, они остановились у старинного дома. Там, у ворот, под охраной Маруси тускло поблескивала черным лаком коляска. В коляске лежали свежие газеты и журналы, горкой поднимались какие-то кулечки. Грудным, чуть глуховатым голосом Костя Безуглый затянул:

«Мы страны трудовые резервы,
Мы надежда грядущих времен,
Тот в работе, по-нашему, первый,
Кто искусен, учен и умен».

Девятнадцать человек дружно подхватили:

«Ру — орудуют юные руки,
Ру — рубанком, резцом и сверлом.
Кто не любит труда и науки,
Тот не будет владеть ремеслом».

И колонна строевым шагом двинулась во двор.

В палате ремесленники пытались расположиться в каком-то порядке, но не было свободного места, и все сгрудились между кроватями. Чтобы поставить перед Глебом Ивановичем коляску, пришлось отодвинуть к стене тумбочку.

Старик прижал единственную руку к груди и, потрясенный, бледный, молча смотрел на ремесленников. Губы его вздрагивали.

Сжатый со всех сторон товарищами, Саша протиснулся вперед, по-журавлиному перешагнув через коляску, и вынул из нагрудного кармана голубенький билетик.

— Глеб Иванович,— начал он ломким голосом и испуганно оглянулся, но опасаться не было причины: сзади с бумажкой в руке стоял Ваня Заднепровский, готовый в любой момент подсказать, если б оратор сбился.— Глеб Иванович,— повторил Саша уже более решительно, кашлянул в кулак и с неожиданными для товарищей басистыми нотками в голосе без запинки проговорил все до конца: — Как вы поработали сорок три года за станком, пострадали от фашизма, лишились родной семьи и теперь находитесь в затруднительном положении, то мы, ваши младшие братья, а вернее сказать, ваши дети, всем училищем берем над вами шефство. Мы теперь вроде как ваша семья. А чтоб вы могли ездить, куда захотите, видеть природу или, к примеру, отправиться к речке Ветлянке лещей удить, мы изготовили вам всем училищем коляску собственной конструкции. Не сомневайтесь: работа прочная, все равно как по государственному заказу. Просим вас принять от нас подарки: сахар, пряники, литературу. Еще просим приехать к нам на собрание и на вечер самодеятельности.

И Саша протянул Глебу Ивановичу пригласительный билетик.

Глеб Иванович поднял руку, но рука задрожала, и билет упал ему на грудь.

— Детушки... родные,— только и смог он проговорить.

6. МАРУСЯ ЧТО-ТО О СЕНЕ ЗНАЕТ

Пока ремесленники делали коляску, об исчезновении Мюна почти никто из них не вспомнил. Но вот коляска построена, наступили обыкновенные дни, и опять пошли о Сене толки, пересуды, догадки. Почему ушел? Куда? Зачем? Может, и правда, что его сманил цыганенок? А может, он просто раздумал стать рабочим и подался к матросам? Он не раз хвалился, что переплывет все моря.

Паша слушал все эти разговоры и еще более досадовал. Какого потеряли парня! И почему? Потому, что балованой девчонке пришла в голову шальная затея. Но тут же Паша ловил себя на мысли, что именно эта девчонка нашла Глеба Ивановича и подняла все училище на очень хорошее дело. И, как всегда, когда Паша сталкивался с каким-нибудь противоречием, которого он не мог объяснить, им овладевало тяжелое недоумение. А тут еще развесили в коридорах плакаты, напоминавшие, что сегодня состоится конференция-конкурс на лучшую группу токарей и лучшего в училище токаря. Сеня всегда давал на таких конкурсах точные ответы. Теперь Сени не было, и у 5-й группы уменьшатся шансы на победу... «И почему я тогда не сказал Михайлову! — упрекнул себя Паша. — А теперь, когда Маруся так отличилась перед всем училищем, даже неловко идти на нее жаловаться».

Из нерешительности его вывел сам Михайлов. Увидя Пашу стоящим в раздумье в коридоре, комсорг что-то вспомнил и с оттенком недоумения в голосе сказал:

— Что это там говорил твой Хмара? Будто Родникова подбила... А ну-ка, зайди ко мне.

«Вот как оно само собой получилось! — с облегчением подумал Паша, шагая в комитетскую вслед за Михайловым по длинному коридору.— Теперь все скажу».

— Садись,— показал Михайлов на табуретку.

И потому, что сам он сел не рядом, а в свое деревянное скрипучее кресло, как бы отгородившись столом, Паша решил, что комсорг им недоволен.

— Что там говорят в вашей группе о Марусе? Сами не уберегли Чеснокова, а на девушку сваливают.

Паша думал, что расскажет Михайлову все точно так, как готовился рассказать прошлый раз: последовательно, обстоятельно, не торопясь,— но отчужденный и в то же время требовательный взгляд комсорга и в особенности его недовольный тон смешали все заранее придуманные слова.

— Товарищ Михайлов,— запинаясь, проговорил он,— вы не знаете. Я ее тогда толкнул... Она вам неправду сказала... А Хмара — он собственными глазами... он сам слышал, как Родникова сказала Сене: «Поезжай, счастливый тебе путь». Хмара...

— Подожди, подожди! — остановил Пашу Михайлов, глядя на него с живейшим интересом.— Так ты ее тогда все-таки толкнул?

— Толкнул.

— Но за что же?

— За то, что она всегда меня задевала, разыгрывала... Я терпел, терпел, а она все задевает, все задевает...— Паша густо покраснел.— Что я ей дался!..

— Странно,— пожал Михайлов плечами.

Он поднялся, обошел стол и сел рядом с Пашей. И от этого к Паше сразу вернулось самообладание.

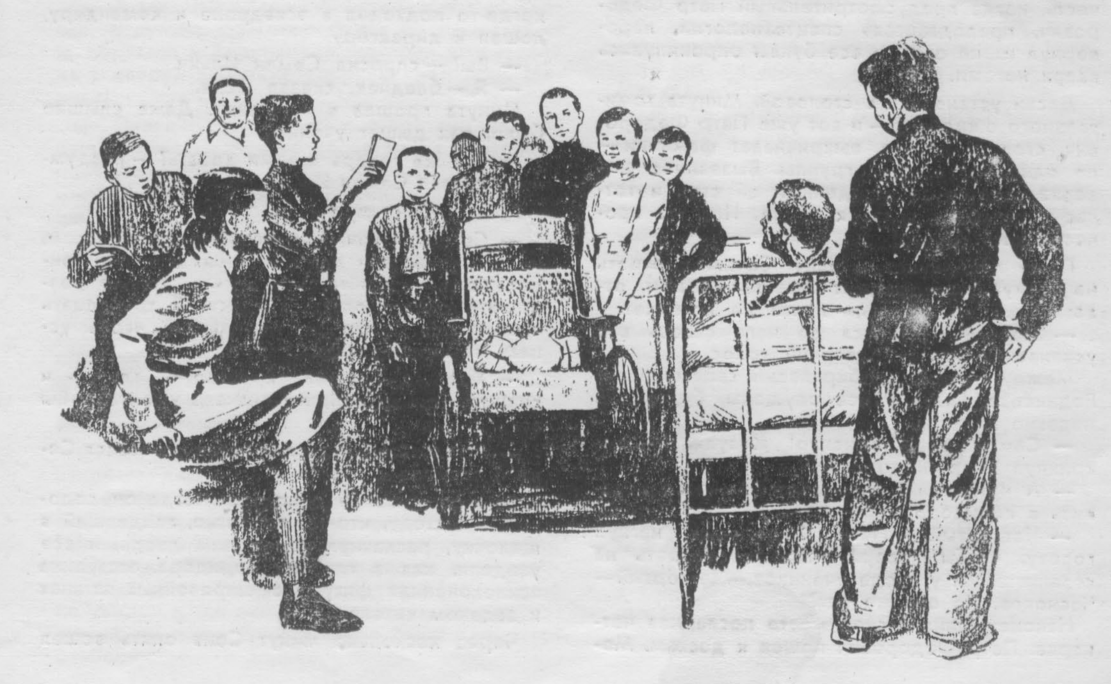
— Очень странно! — повторил Михайлов.— Как же она тебя задевала? Ну-ка, расскажи.

И Паша, вздохнув раз-другой, рассказал обо всех своих столкновениях с Родниковой. Михайлов слушал внимательно, с серьезным лицом, но глаза его нет-нет, да и засветятся улыбкой.

— Экая каверзная девчонка! — сказал он; и Паша не понял, чего было больше в его голосе: возмущения или добродушия.— Вот мы ее сейчас допросим,— он высунулся в коридор и крикнул пробегавшей мимо ученице: — Прокофьева, позови ко мне Родникову!

Увидя у комсорга Пашу, Маруся неопределенно усмехнулась.

— Садись,— сказал Михайлов, опять переходя к своему креслу; видно было, что он хотел казаться строгим.



Продолжение. См. «Огонек» № 18.

— Что же это ты ведешь себя с Пашей не по-товарищески? Зачем ты его преследуешь?

— Уже нажаловался,— презрительно прищурилась Маруся.

— Не нажаловался, а просто рассказал,— поправил Михайлов.

— И пошутить с ним нельзя.

— Так надо же знать шуткам меру!

Маруся комически вздохнула:

— Ну ладно, не буду,— но вдруг вспыхнула и сдвинула черные шнурочки бровей: — А чего ж он такой!

— Какой? — с любопытством спросил Михайлов.

— То ходил рот раскрывши, а теперь... Ну, не знаю, какой, только я таких не люблю,— Маруся придала своему лицу благоразумное выражение и передразнила: — «Сегодня маленький плюсик, завтра маленький плюсик...»

— А у тебя как? — покраснел от обиды Паша.— На прошлой неделе по технологии пятерка, а вчера по резьбе двойка. Это правильно?

Маруся пренебрежительно фыркнула:

— Подумаешь, трудное дело — резьба. Подучу — и тоже пятерку получу.

— Слышите, товарищ Михайлов, слышите?— вскочил с табуретки Паша.— Вот она всегда так.

— Слышу,— огорченно кивнул комсорг.— Придется, Маруся, с тобой обстоятельно поговорить. Но это — не все. Расскажи-ка, что ты знаешь о Чеснокове. Почему он исчез?

Маруся жалобно взглянула на Михайлова и по-детски вздохнула:

— Ой, товарищ Михайлов, я сама только о нем и думаю! Может, его цыган утопил...

— Что?! — откинулся Михайлов на спинку кресла; некоторое время он молча смотрел на девушку, потом решительно сказал: — Значит, ты что-то знаешь. Павел, можешь идти.

7. ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Кончился обед. Вместительная столовая опустела и от того казалась еще обширнее. Шныряло в ней только с десяток учеников. Они торопливо расставляли столы в три длинных ряда. Остальные ученики столпились в коридоре. Здесь слышались шутки, смех. Но порозовевшие лица и блеск глаз выдавали волнение. Сейчас начнется техническая конференция-конкурс, сейчас здесь разместятся четыре группы, и та из них, которая наберет больше всех очков, получит лишний шанс на победу в соревновании. Но этого мало: сегодня выяснится, кто из девяноста шести учеников токарной специальности подкован лучше всех.

В конце коридора наступила вдруг тишина: там появились две черные классные доски и медленно поплыли к столовой. На досках красивыми, четкими буквами выведены белые ровные строки: десять вопросов, на которые придется отвечать каждому участнику конкурса. Все впились глазами в доски. Но как прочесть, когда предусмотрительный Петр Федорович, преподаватель спецтехнологии, перевернул их на осях, и все буквы опрокинулись вверх ногами.

Доски установили в столовой. Минута томительного ожидания — и вот уже Петр Федорович, стоя на пороге, выкрикивает фамилии — по одной от каждой группы. Вызванная четверка садится за отведенный ей стол и тотчас устремляет глаза к доске. Нет, не прочесть, хоть ты что!

Паша повернулся к окну. Зачем смотреть на доску? Если предмет знаешь,— значит, ответишь, а не знаешь,— ничто не поможет.

— Маруся! — донесся до него сквозь все усиливающийся гул девичий голос.

Между столами пробиралась к своему месту Родникова. Глаза у нее опущены, будто она недавно плакала.

— Самойлов! Кириченко! Козулина! — выкрикнул Петр Федорович.

— А четвертый? А четвертый? — заволновались в коридоре.

— Четвертый? — Петр Федорович нагнул голову, чтобы поверх очков посмотреть на столпившихся у входа учеников.—Четвертый— Чесноков. Но его же нет?

Наконец, заняла свое место последняя четверка. Петр Федорович пошел к доскам. Между досками, за длинным столом, празднично покрытым алой скатертью, уже сидели Семен Ильич, Денис Денисович и преподаватели. Петр Федорович немного помедлил, будто наслаждался напряженной тишиной, окинул поверх очков все три длинных ряда столов и перевернул доску.

— А-ах! — пронеслось из конца в конец.

— Товарищи учащиеся, напоминаю: пусть каждый напишет на своем листе фамилию и номер группы, иначе...— говорил Петр Федорович.

Но взоры учеников были уже прикованы к доске: все читали вопросы. Петр Федорович безнадежно махнул рукой и перевернул вторую доску.

«В каких случаях при нарезании резьбы подсчитывают сменные шестерни к токарному станку?» — медленно прочитал Паша. Он подумал и, сказав про себя: «Знаю»,— стал читать второй вопрос. Так, не торопясь, спокойно, прочитал он все десять вопросов и десять раз сказал: «Знаю». Теперь все дело было в том, чтобы написать ответы как можно складнее и обстоятельнее. Главное, не надо начинать писать, пока в голове не сложится полный и окончательный ответ, иначе обязательно будут помарки. Ну, а как остальные ребята из 5-й группы? Ответит ли Степа Хмара? В учебных мастерских он не из последних, точно выполняет все указания мастера, а в теории слабее его нет.

Паша поворачивает голову, чтоб взглядом разыскать Степу и по выражению его лица догадаться, очень ли трудно бедняге, но в глаза бросается лицо смуглое, тонкое, со свисающей к столу черной косой: Маруся смотрит на доску, как заколдованная. Она что-то шепчет. Вот лицо ее осветилось улыбкой, будто на него упал солнечный блик. Секунда — и свет погас. Лицо напряженное, по нему проходит легкий трепет. И вдруг его вновь озаряет счастливая улыбка. «Чего я на нее смотрю?» — с досадой подумал Паша.— Сманила куда-то Сеню — и радуется. Эх, не вытянуть нам теперь!»

Он невольно повернулся к столу, где должен был сидеть Чесноков и где так сиротливо стоял пустой табурет. То, что он увидел, привело его в полное недоумение: прикрывая лицо рукавом, пригибаясь и всячески стараясь быть незамеченным, между столами пробирался какой-то ученик. Он конфузливо стянул с головы фуражку и припал к столу, за которым оставалось одно свободное место. Девочка и двое мальчиков, сидевшие за этим столом, оторвались от тетрадей и выпучили глаза.

— Тсс...— прошипел им вошедший.

Вдруг кто-то испуганно сказал:

— Мю-юн!.. Чесноков!..

Все в комнате встрепенулись. Семен Ильич глянул в сторону, куда смотрели все девяносто пять учеников, и нахмурился. Заметя на себе взгляд директора, Сеня вздохнул, поднялся, одернул гимнастерку и строевым шагом, как когда-то подходил в эскадроне к командиру, пошел к директору.

— Вы? — спросил Семен Ильич.

— Я,— бледнея, сказал Сеня.

Минута прошла в молчании. Даже слышно было, как дышат ученики.

— Что же теперь с вами делать? — раздумчиво сказал Семен Ильич.

Губы у Сени дрогнули.

— Семен Ильич,— проговорил он шопотом, но его услышали даже в самых дальних концах залы,— делайте, что хотите, только разрешите сейчас остаться здесь. Я тринадцать километров бежал без передышки, чтобы успеть на конференцию...

— Хорошо,— сказал директор.— Садитесь и пишите. Только пойдите сначала умойтесь. Вы весь в пыли.

— Есть пойти умыться,— четко отозвался Сеня и зашагал к двери.

За ним пошел и директор. Когда он подошел к выходу, кто-то, вероятно, глядевший в щелочку, распахнул перед ним дверь, и все увидели, как в глубину коридора отступила всклокоченная фигура в широченных штанах и зеленом кителе.

Через несколько минут Сеня опять вошел в комнату и, как ни в чем не бывало, уселся за стол.

«Вернулся,— с облегчением прошептал Паша.— Вернулся-таки».

Он глянул на Родникову, ожидая увидеть ее растерянной и смущенной. Но Маруся так и сияла вся.

8. ПОИСКИ

Два часа спустя, когда ребята вернулись в комнату № 7, они увидели, что здесь поставлена еще одна кровать, а на кровати, раскинув руки, крепко спит мальчишка с шоколадным лицом.

— Братцы,— приседая от изумления, сказал Степа Хмара,— цыган! Тот самый!

— Тот самый,— подтвердили остальные.— Только стриженый и умытый.

Сеня по-хозяйски осмотрел кровать, для чего даже обошел вокруг нее, подобрал и спрятал под простыню свесившуюся руку цыганенка и важно представил его:

— Ученик будущего набора Петро. Острижен по распоряжению самого директора. Кудлатый пес «Гриша» грызет во дворе кости и сторожит кухню.

В комнату набилось много ребят. Хлопали Сеню по спине и требовали:

— Рассказывай, Мюн ты этакий, все рассказывай!

— Только без брехни,— предупредил Степа Хмара.

Все смотрели на Сеню жадными глазами.

— Ну, проводил я тогда цыгана до остановки,— начал он, удобно усевшись на стул.— Стоим мы, ждем трамвая. Петро на меня смотрит, как гусь на молнию: боится, нет ли у меня того на уме, чтобы свести его в милицию. Подходит трамвай. Он в трамвай. Забился в угол и головы не высовывает, чтоб хоть кивнуть мне на прощанье. Даже про «Гришу» забыл. Так, подлец, и уехал, «Гриша», конечно, взвыл — и за трамваем. А мы с Марусей посмеялись и пошли назад. Вдруг Маруся остановилась и спрашивает: «А ты не врешь, что вы в одном полку служили?» «Ну, вот,— говорю,— стану я врать». «Та-ак,— говорит Маруся ядовито,— отлично, лучше не придумаешь. Служили в одном полку, а теперь ты в рабочий класс поднимаешься, а он собак по базарам водит. Красиво!» «А что же,— говорю,— я могу сделать?» «Как что? Посоветуй ему бросить эти глупости, пусть на работу поступает или к нам, в ремесленное, зачисляется». «Да,— говорю,— такому посоветуешь, когда у него в крови это — бродяжничать». Сказал так, а сам думаю: «А правда, некрасиво. Только что же тут сделаешь?» Утром Маруся подходит ко мне и говорит: «И сколько еще в мальчишках свинства сидит — ужас! Даже в некоторых, которые с медалями ходят». «Да что ты,— говорю,— ко мне пристала? Где я его буду искать, бродягу этого?» А она мне: «А еще в разведчиках служил. На базаре — вот где». А только я уже и сам видел, что потерял покой. О чем бы ни думал,— перед глазами этот чорт стоит в розовой кепке. Взял после обеда увольнительную записку — и на базар. Разве я предполагал, что оно так получится! Я думал, вернусь через час, много — два...

— Я так и говорил, что тебя Маруська сбила! — хвастливо сказал Хмара.

— Нет, Степочка, она меня не сбила, она меня направила. А сбился я сам. Вот слушай. Обошел я весь базар — нету. Стал расспрашивать людей, приметы описал. «Как же,— говорят,— видели. А куда делся, не заметили». Ну, во мне разведчик и заговорил. Чтоб да не нашел! А ну-ка, расспрошу ребят. Не может того быть, чтоб ребята не приметили такую фигуру.

— Факт! — подтвердили слушатели.

— Через несколько минут я уже точно знал весь маршрут Петро с «Гришей». Вокзал — вот куда направились бродяги. Конечно, я в трамвай и на вокзал. Вбегаю на перрон, спрашиваю носильщика: «Был, дяденька, тут цыган с собакой?» «Был,— говорит,— к поезду пошел». А посадка, понимаете, уже закончилась, и паровоз аж дрожит весь: вот-вот тронется. Я в вагон — нету. В другой — нету. Вдруг гудок. Тут бы мне выскочить, я в третий, в четвертый, в пятый. Ну, и поехал. Под полом ко-

леса стучат, в окнах телеграфные столбы мелькают, а я бегаю из вагона в вагон, под лавки да на верхние полки заглядываю. Вдруг вижу: сидит в углу знакомая рожа, жует колбасу и «Гришке» корки бросает. Глянул на меня да как выпучит глаза, как рванется с лавки. Тут остановка. Он как выскочит из вагона, «Гришка» за ним. И затерялись где-то.

— Растяпа! — сказал Ваня Заднепровский.

Сеня вздохнул и продолжал:

— И вот пошел я их искать. Только нападу на след — глядь, след и оборвется. Искусно маскировались, жулики. Брожу я так из деревни в деревню, а у самого сердце ноет: в среду конференция-конкурс. Неужто не вернусь до среды! И без того 3-я группа наступает нам на пятки. Эх, подведу ребят! И вот вижу: стог сена, а на сене «Гришка» лежит. Заметил меня, узнал и залаял. Стог, конечно, зашевелился, и из сена живым манером вылез мой приятель. «Эй,— кричит,— не подходи!» Стали мы один от другого на соответствующую дистанцию и начали тонкий разговор. Он мне: «Нету у меня твоих часов. Не подходи: убью». А я ему: «Мне на часы плевать. Мне ты нужен». Он: «Все равно не дамся». И вот, братцы, вынимает он из штанов огромный разбойничий ножик, оскаливает свои волчьи зубы и прет прямо на меня. Я, конечно, делаю прыжок влево — и трах кулаком в правый фланг. Он — брык в сено. Тут я на него навалился и...

— Зачем врешь? — вдруг прервал Сеню гортанный голос. — Это я — трах, а ты — брык.

Поднявшись на локтях, с кровати на Сеню пялил глаза цыганенок и укоризненно качал головой.

В комнате грянул хохот.

— Гм...— сказал Сеня, часто моргая.— Я думал, ты спишь... Может, и наоборот... Разве все запомнишь...

— И нож не был. Была палка.

— Да. Точно,— согласился Сеня,— палка. Теперь и я припоминаю.

Остальное он рассказал уже без выдумок. Сидя под стогом сена, он так горячо убеждал Петро бросить бродяжничать и поступить в ремесленное училище, что тот, наконец, согласился. Последние слова были такие:

— А кто за меня будет деньги в школу платить? У меня нету папы, нету мамы.

— Никто. Даже, наоборот, школа сама будет тебе на книжку класть деньги за работу в учебной мастерской.

— А кто мне будет кушать давать?

— Тебя будет школа кормить





— А кто мне купит фуражку с молоточком, брюки, гимнастерку, шинель с голубым кантом?

— Тебе выдаст наша кастелянша даром.

— Э,— сказал Петро, цепляясь за соломинку,— а куда «Гриша» один пойдет?

— «Грише» мы построим будку. Он будет жить при училище и стеречь наше добро.

Петро встал и стряхнул с себя сено.

— Идем,— сказал он решительно.— Ты хороший товарищ...

9. НЕ ВЗГРЕЛИ НИКОГО

То, что Сеня привел сироту-цыгана, Пашу умиляло. Но Сеня самовольно отсутствовал. «Это какой же пример для остальных?» — думал Паша.— А еще в армии служил».

Утром, когда все училище построилось, как обычно, на линейку, прочитали приказ директора. В приказе говорилось, что учащийся Чесноков Семен, имея разрешение отлучиться на два часа, вернулся только через шесть суток. Этим он грубо нарушил дисциплину, и за это ему объявляется строгий выговор. Выслушав приказ, Паша сказал про себя: «Правильно» — и даже почувствовал какое-то облегчение.

В тот же день Пашу, Сеню и Марусю вызвали к директору.

— Ну, дадут нам взбучку,— сказал Паша, направляясь с Сеней к директорскому кабинету.— Тебе — за отлучку, Родниковой — за то, что подбила тебя, а мне — как групкомсоргу. И правильно: раз случилось такое в моей группе, я и отвечаю.

— Не должно быть,—мотнул головой Сеня. Выговор я, конечно, заслужил, а взбучку — за что же! Хватит и выговора.

— Это как же? — удивился Паша.

— А так. Что я, для себя старался? Нет, сейчас, я думаю, разговор будет по существу,— и, обратясь к Родниковой, которая уже ждала их у дверей кабинета, спросил: — Правда, Маруся?

— Правда! — с готовностью подтвердила девушка, хотя ни одного слова из их разговора не слышала.

«Вот чудаки!» — подумал снисходительно Паша, вполне уверенный, что будет именно так, как он говорит.

Кабинет директора в нижнем этаже, но для учеников это — самое высокое место в училище, и прежде чем постучать в дверь, Паша и Сеня одернули гимнастерки, а Маруся поправила берет. В кабинете все натерто, отлакировано, отполировано: сияют паркет, стекла окон, письменный стол, образцы ученических работ на стенах.

Семен Ильич, не поднимая склоненной над какой-то диаграммой головы, показал ученикам рукой на стулья. Они сели, держась прямо и глядя пристально на директора. Семен Ильич склонился еще ниже, подчеркнул что-то карандашом, отодвинул диаграмму и медленно поднял голову. И — странное дело — Паша не увидел в его лице ни строгости, ни раздражения, ни даже сухости: лицо было деловито-озабоченное — и только.

— Давайте-ка, товарищи комсомольцы, подумаем,— сказал он медленно,— как нам лучше решить задачу. Сегодня я опять разговаривал с этим вашим Петро. Он увязался со мной в учебные мастерские, все ощупывал руками, даже нюхал и, кажется, уже считает себя учеником РУ. Но ведь он малограмотный. Он знает только то, чему его успели обучить между боями в армии. Принять его с такой подготовкой невозможно. Правда, до очередного набора еще шесть месяцев...

— О-о-о!..— вырвалось у Маруси.— Да за шесть месяцев чего не сделаешь!

— А что же сделаешь за шесть месяцев?— посмотрел на нее директор.

Маруся вскочила:

— Семен Ильич, да я одна обучу его за шесть месяцев, вот поверьте мне!

— Одна? — с ревнивой ноткой в голосе сказал Сеня.— Как бы не так! Я его привел, а она хочет одна... Нет, Семен Ильич, чему другому, не ручаюсь, а арифметике я его обучить смогу.

— А вы что скажете, Сычев? — директор перевел на Пашу глаза, блеснувшие неожиданно молодо и весело.

Паша встал и с минуту помолчал, обдумывая.

— Я считаю, неверно это, Семен Ильич,— начал он неспеша.— Нам осталось учиться меньше четырех месяцев. Разве можно учить других, когда у нас у самих экзамены на носу! Теперь ни о чем другом думать нельзя, кроме как об этом. А то других выучим, а сами провалимся. Это раз. А другое — то, что мы скоро пойдем на практику в заводские цеха.

— Вот он всегда такой! — опять вскочила Маруся.— Эх!

Она не договорила (а сказать хотела, наверное, что-то злое, обидное) и села спиной к Паше.

— Так как же, Сычев, поступить с этим Петром? — веселость в глазах Семена Ильича угасла.— Может, отпустить его на все четыре стороны?

Паша опять подумал:

— Жалко его, Семен Ильич: он сирота. И учиться хочет. Я думаю так: пусть с ним занимаются настоящие учителя. Они ж его лучше подготовят, чем Чесноков или, скажем, Родникова. На то они и учителя.

Семен Ильич внимательно и, казалось, немного грустно смотрел на Пашу.

— Да,— сказал он с оттенком сожаления,— все, что вы говорите, Сычев, правильно и разумно. Все правильно. Что ж! Так и сделаем. Тем более что наши преподаватели уже сами предложили свои услуги, — он встал, подошел к Сене и положил ему руку на плечо.— Ну, что, Чесноков, объявили вам мой приказ?

(Продолжение следует.)

Проклятый старик «Джим Кроу»

Н. ВАСИЛЬЕВ

Находясь в Соединенных Штатах, я нередко гостил летом на даче у своих друзей, вблизи Аннаполиса, километрах в 50 от Вашингтона.

Аннаполис — столица штата Мэриленд. Несмотря на свое столичное звание, это всего лишь небольшой городок на западном берегу Чизапикского залива. Положение столицы штата не накладывает существенный отпечаток на облик города. Единственно, что выделяет Аннаполис среди других небольших городов Америки,— это то, что он является местопребыванием Военно-Морской академии.

Окрестности Аннаполиса — излюбленное место летнего отдыха для тех вашингтонцев, которые не могут позволить себе роскоши выехать летом на фешенебельные горные курорты Новой Англии или совершить турне по Европе. На его пляжи в это время года происходит буквально массовое нашествие вашингтонцев.

Дача моих друзей, носящая претенциозное название «Кристальный источник», была прекрасным местом отдыха после недельной работы в душном Вашингтоне, пропитанном запахом бензина. Но отдых летом далеко не полон, если не имеешь возможности выкупаться. Такого удовольствия дача, к сожалению, не доставляет, ибо «Кристальный источник», давший ей название,— это только колодец, вода из которого подается в дом по трубам. Впрочем, на машине можно добраться до одного из многочисленных пляжей на берегу Чизапикского залива. Об их существовании вам назойливо напоминает реклама на щитах вдоль дороги, ведущих от Вашингтона к Аннаполису.

Однажды, когда от жары всем нам становилось невмоготу, мы решили отправиться на пляж.

Выезжаем в большой машине. В ней разместилось почти все население дачи — семья Петра Семеновича; поэтому тут и стар и млад. Выбравшись с проселочной дороги на шоссе, сразу же читаем несколько рекламных объявлений, заманчиво расписывающих различные прибрежные места. Здесь и «Золотистый песок» и «Изумрудная бухта», и «Солнечный пляж». Наудачу останавливаем свой выбор на «Солнечном пляже», до которого надо ехать всего два — три километра.

У ворот огороженного забором пляжа останавливаем машину, чтобы купить билеты на всю нашу компанию. Из небольшой деревянной будки, служащей кассой, выглядывает кассирша, молодая негритянка в светлом ситцевом платье. В ее взгляде я улавливаю растерянность и, кажется, даже испуг. Она почему-то не спешит вручить нам билеты.

Тогда я выхожу из машины и направляюсь к кассе сам, отчего растерянность кассирши еще более увеличивается.

— Сколько нам надо уплатить за билеты? — спрашиваю я и для внесения большей определенности пересчитываю кассирше всех до одного пассажиров машины. — Нас шестеро взрослых и трое детей.

— Я, право, не знаю, сэр,— смущенно отвечает девушка.

Такой ответ звучит более чем странно для кассирши, которая, очевидно, в день продает сотни билетов.

— Но ведь у вас же, наверное, определенная цена на билеты? Вот получите.

Я протягиваю ей несколько долларов.

— Право, не знаю, что вам сказать, сэр,— бормочет девушка, слегка отстраняясь от протянутых мною денег. — Простите, это так неожиданно, что вы хотите попасть на наш пляж.

Легко себе представить мое недоумение. Мои спутники также не понимают, почему такое тривиальное дело, как выдача нескольких билетов, вызывает у кассирши какие-то затруднения.

— Фред! — внезапно кричит она проходящему по двору негру, одетому в некое подобие униформы, повидимому, привратнику пляжа. — Фред, эти люди хотят непременно попасть на наш пляж.

Сообщение девушки явно ошеломляет привратника.

— Наш пляж только для цветных, сэр,— почтительно и в то же время с опаской поясняет он. — Сюда белые люди никогда не ходят.

Оказывается, мы нечаянно попали на пляж, отведенный исключительно для «цветных», под которыми в Америке подразумеваются люди, имеющие в своих жилах хотя бы одну каплю негритянской крови. Но почему это происходит в Мэриленде? Мне до сих пор было известно, что отвратительная расистская практика сегрегации — изоляции «цветных» от белого населения — существует в южных штатах, где она узаконена официально, и я никак не предполагал, что она проводится и в Мэриленде, то есть в штате, который в войне за освобождение негров выступал на стороне Севера.

Любой советский человек всегда проникнут возмущением против угнетения, которому подвергаются негры со стороны людей с психологией рабовладельцев, и горячим сочувствием к обездоленным и порабощенным людям, которых преследуют лишь за то, что их кожа темного цвета. Кто-то высовывается в окно машины и взволнованно говорит привратнику:

— Мы советские граждане. Для нас нет никакой разницы между «цветными» и «белыми». Дайте нам билеты.

Слова «советские граждане» произвели на кассиршу и привратника благоприятное впечатление. Прежней подозрительности мы больше уже не замечаем, но позиция привратника не меняется.

— Это все равно невозможно,— горячо возражает он моему спутнику.— Подумайте, сэр, дело ведь не только в вас. Вы искупаетесь и уедете, а что будет с нами, если об этом потом станет известно? Вы ведь, наверное, слышали о Джиме Кроу?

Да, мы, конечно, слышали о нравах американских расистов, носящих собирательное имя «Джима Кроу». Поэтому хорошо понимаем, что опасения привратника — не пустая фантазия, а зловещая реальность. Не желая навлекать никаких неприятностей на владельцев и клиентов «Солнечного пляжа», мы отказываемся от нашего намерения выкупаться там.

Так происходит мое первое личное знакомство с «Джимом Кроу», т. е. с обычаями, ставящими негров и мулатов в положение парией, людей второго сорта.

Уже в следующее воскресенье, когда я снова гощу на той же даче, случай опять сталкивает меня с проявлениями расизма.

Наташа, домашняя работница моих друзей, приехавшая тоже из СССР, ушла прогуляться в Аннаполис в компании Кэт, домашней работницы другой семьи, жившей на даче. Кэт, молодая, жизнерадостная негритянка, часто именуемая на русский манер Катей, и Наташа подружились уже после нескольких недель совместного пребывания на даче. Скудный запас обоюдно знакомых слов не мешал им, однако, понимать друг друга.

Остальные проводят время, как кому заблагорассудится. Дети бегают по лужайке, оглашая окрестности веселыми криками. Женщины заняты какими-то делами в доме, а я играю в шахматы с Петом Семеновичем в тени густолиственных дубов, окаймляющих лужайку.

Но нам было не суждено кончить этой партии. Внезапно дачную идиллию нарушил телефонный звонок. Петр Семенович неохотно отрывается от шахматной доски. Затем мы слышим его возбужденный голос. До нас доносятся обрывки фраз: «Что? В полицейском участке? На каком основании? Сейчас приеду. Скажите адрес».

Вскоре он поспешно выходит из дома, надевая на ходу пиджак.

— Я еду в город,— заявляет Петр Семенович, совершенно расстроенный,— Наташа и Кэт угодили в полицейский участок. Надо их выручать. Ума не приложу, что же такое могли они натворить? Да нет,— с досадой машет он рукой, как бы возражая самому себе,— это просто какое-то недоразумение.

— Еду с вами,— предлагаю я Петру Семеновичу свои услуги. — Может быть, сумею помочь вам чем-нибудь.

Через несколько минут мы мчимся в Аннаполис, оставив на даче обеспокоенных женщин и притихших ребят.

Без труда находим в городе полицейский участок — приземистый дом из красного кирпича. В дежурной комнате видим Наташу и Кэт, сидящих в компании двух полицейских. Заметив нас, Наташа вскакивает и облегченно вздыхает:

— Наконец-то! Как хорошо, что вы приехали! Уж я просто не знала, что со мной будет.

— В чем дело, Наташа? Как вы попали сюда? — спрашивает Петр Семенович.

— Да я и сама толком не пойму. Они мне что-то говорили, так разве я по-английски разберусь?

Мы объясняемся с полицейским офицером, который появляется из соседней комнаты. Он вежливо, хотя и довольно недружелюбно осведомляется у Петра Семеновича, действительно ли у него служит Наташа, в самом ли деле мы советские граждане, действительно ли мы живем на даче «Кристальный источник», и задает добрый десяток других вопросов. Затем он снисходит до того, чтобы объяснить причину задержания девушек. Вместе с последующими разъяснениями Наташи картина представляется нам в таком виде.

Наташа и Кэт прогуливались по городу. Им пришла в голову мысль пойти в кино. Кэт, игравшая роль гида, привела Наташу в скромный кинотеатр на окраине города, посещавшийся неграми. Какой-то бдительный сторонник сегрегации, до крайности пораженный тем, что белокурая Наташа входит в «цветное» кино, немедленно поставил в известность об этом «сенсационном» происшествии ближайшего постового полисмена. Девушки уже сели на свои места, как вдруг в зале появился полисмен и строго предложил следовать им за собой. Ничего не оставалось, как подчиниться приказанию. Бедной Наташе и в голову не приходило, что именно она была невольной виновницей злоключения. В тот момент она еще не знала, что, с точки зрения местных расистов, она совершила прямо-таки неслыханный по своему легкомыслию проступок, когда зашла в «цветной» кинотеатр. С этой, дикой для нас, но вполне нормальной здесь точки зрения, такой поступок мог допустить только свихнувшийся или находящийся в нетрезвом состоянии человек.

Именно последнее предположение и высказывает нам полицейский офицер. Верит ли он сам в это или придумал, чтобы оправдать задержание Наташи, сказать трудно, но, во всяком случае, он, несмотря на наши и наташины негодующие протесты, упорно выдвигает эту версию. В конце концов после строгого внушения он отпускает с нами обеих «преступниц». На последнюю попытку Наташи отвести от себя обвинение в злоупотреблении алкоголем он угрожающе заявляет:

— Как бы там ни было, я не советую вам повторять этот опыт. В следующий раз я не поручусь за последствия.

По дороге домой Наташа честит на все корки американские обычаи и порядки. Особенно достается при этом полицейскому офицеру, позволившему себе оскорбительные замечания на ее счет, а в отношении Кэт допустившему площадную брань и даже рукоприкладство.

За время моего пребывания в Соединенных Штатах я убедился, что расизм здесь — такое же повседневное и повсеместное бытовое явление, как употребление виски или напитка кока-кола, как посещение кино или спортивных состязаний. Расизм распространен в той или иной форме и степени буквально во всех штатах, будь то южные, северные или западные. Во время второй мировой войны в Детройте, Филадельфии и в ряде других мест произошли массовые негритянские погромы.

После войны положение не изменилось к лучшему. Не проходит почти и месяца, чтобы в газетах не появились сообщения о новых случаях линчевания или о других видах насилия. Вновь возникают в разных штатах ку-клукс-клановские фашистские организации, одной из основных целей которых является держать в твердой узде негритянское население.

За время войны в американскую армию были призваны сотни тысяч негров. Из них создавались целые воинские части и соединения. В 5-ю американскую армию, воевавшую на итальянском фронте, входила 92-я дивизия, почти целиком укомплектованная из негров. Ее офицерский состав на две трети состоял из негров. На других фронтах имелись негритянские воинские части, в авиации находились эскадрильи, в лётном составе которых были исключительно негры. Таким образом, потребности войны вынудили американское командование прибегнуть к помощи негров.

Но это — еще не все. В официальной пропаганде вторая мировая война характеризовалась как война против фашистского варварства, за демократию, за свободу, за освобождение угнетенных Гитлером народов.

Эта пропаганда принималась особенно близко к сердцу солдатами-неграми. Они мечтали, что окончание войны, ведущейся во имя столь высоких целей, приведет к улучшению их собственного положения, к отмене их полурабского состояния на родине, к ликвидации у них дома той самой рабовладельческой идеологии, которая в форме германского фашизма подлежала уничтожению в Европе. В окопах негритянские солдаты говорили: «Когда мы вернемся домой, мы будем требовать и для нас той свободы, о которой нам прожужжали здесь уши». «Мы хотим навсегда похоронить проклятого старика «Джима Кроу», мы хотим равноправия для всех».

Но ожидания негритянских солдат и остального негритянского населения не имели ни малейших шансов на осуществление. Проклятый старик «Джим Кроу» снова развил бешеную активность.

Столица Соединенных Штатов — Вашингтон — не представляет собой исключения из общего правила. Расизм здесь — такое же повседневное явление, как и всюду. Правда, в Вашингтоне сравнительно редки случаи линчевания, но и они все же имеют место. Зато практика сегрегации,— пусть, официально и не узаконенная — расцветает здесь пышным цветом.

В Вашингтоне имеются особые негритянские кварталы — так называемый «черный пояс», охватывающий широким полукругом деловой центр города и вплотную подходящий к зданию конгресса — Капитолию. Это, по существу, целый город: около трети миллионного населения Вашингтона составляют негры. Тут у них есть свои собственные деловые центры—на Флорида-авеню и Ю-стрите, где густо расположены негритянские рестораны, бары, дансинги, кинотеатры. Но в Вашингтоне есть и трущобы, которые по своим отвратительным условиям жизни не уступят, пожалуй, первого места ни одному американскому городу.

Мне пришлось побывать в негритянских гетто в Нью-Йорке, Балтиморе, Филадельфии и Майами. Нигде я не видел такой поражающей нищеты, скученности и антисанитарии, как в Вашингтоне. Американский журналист Киплингер в своей книге о Вашингтоне пишет, что огромный процент негритянского населения столицы подвержен туберкулезным заболеваниям, а по смертности от туберкулеза превосходит все другие города США.

Пока в Вашингтоне не издано ни одного постановления, запрещающего неграм селиться за пределами «черного пояса», посещать рестораны или кино в других частях города. Но если нет официальных постановлений, то существуют неписанные правила и обычаи, при помощи которых сегрегация проводится очень твердо и последовательно. Мне приходилось многократно бывать в кинотеатрах фешенебельной Эф-стрит, но за все время я ни разу не встретил там ни одного негра. Когда я задал об этом вопрос одному знакомому американцу, он объяснил мне, в чем дело:

— Вы удивлены тем, что, несмотря на отсутствие запрета, негры не ходят в «белые» кино, рестораны и т. д.? Но нет ничего проще. Теоретически дело обстоит так, что любой негр может придти в наше кино. Но вряд ли кто согласится вытерпеть то обращение, которому он при этом подвергнется. Прежде всего кассирша, продавая ему билет, окинет его презрительным или брезгливым взглядом. Затем билетерша сделает вид, что не замечает его, и не покажет ему места. Когда же он, спотыкаясь в темноте, найдет себе место сам, то, как только сидящие рядом люди обнаружат, что их соседом является негр, они немедленно поднимутся и уйдут, бормоча оскорбления. А может случиться и что-нибудь похуже. Этой нехитрой тактики, как видите, совершенно достаточно, чтобы отвадить негров от стремления ходить в одно кино с белыми.

Американец прав: такого отношения к себе не выдержит ни один уважающий себя человек.

ЧЕРТОПОЛОХ

Март РАУД

Не лежебока — пахарь был прилежный:
Вспахал землицу и засеял в срок,
Но все ж средь всходов молодых и нежных
Вдруг поднял голову Чертополох.

— Тебе позволь, не взвидишь урожая! —
Вскричал Хозяин. — Все б заполонил!..
И старую мотыгу из сарая
Достал и сталь на камне отточил.

Когда сошла роса, он в полдень в поле
Пошел с мотыгой острою в руках;
Чтоб не топтать зеленое раздолье,
Был медленен и осторожен шаг.

И под мотыгою взмолился хищный,
Колючки вытянув, Чертополох:
— Твоя работа... не демократична!
Хозяин, пожалей, я одинок!..

Просил пощады он и, непокорный,
Вцепившись в землю, клял судьбу свою.
Но тут Хозяин вырвал злые корни:
— Я права сорняка не признаю!..

И вскоре нива скрыла мусор пыльный,
Шумя пшеницей золотой, обильной.

Перевел с эстонского
Сергей ОБРАДОВИЧ.

В последнее время эта тактика заменяется более активной формой «джим-кроуизма» в вашингтонских зрелищных предприятиях. Чтобы избавить «белую» публику от неприятного соседства, стали вводить в практику совершенно откровенные запреты. Так, единственный в столице драматический театр «Нэшнл» (вернее, помещение для театра, так как в нем нет своей собственной труппы и спектакли ставятся лишь труппами, приезжающими на гастроли из других городов) недавно откровенно объявил, что отныне «цветные» зрители в театр допускаться не будут. Эта выходка администрации вызвала отпор со стороны негритянского населения Вашингтона. В течение нескольких дней театр подвергался пикетированию. Я наблюдал, как у входа в театр по тротуару расхаживали негры, держа в руках плакаты с надписями: «Этот театр несправедлив в отношении негров», «Бойкотируйте театр, пропагандирующий расовую ненависть» — и так далее. Столичная публика, состоящая в большинстве из чиновников и бизнесменов, осталась равнодушной или холодно-враждебной к протесту негритянских организаций.

Примеру театра «Нэшнл» следуют и другие зрелищные предприятия Вашингтона. Дальше всех пошла в этом отношении администрация самого большого в городе концертного зала «Конститюшн-холл», принадлежащего архиреакционному женскому обществу «Дочери американской революции». Общество запрещает теперь как посещение концертного зала неграми, так и выступления на его сцене артистов-негров. Прецедент этому был положен отказом администрации заключить контракт на гастроли с видной негритянской пианисткой Хизел Скотт, выступавшей до того с большим успехом в Нью-Йорке. А недавно «Дочери американской революции» внесли и в свой устав статью, узаконивающую эти действия администрации концертного зала.

Усиление расистской практики и пропаганды расизма встречает отпор со стороны передовой общественности США. Инициаторами его являются главным образом рабочие организации и прогрессивная интеллигенция. Однако этот отпор еще не принял характера широкого общественного движения. Он проявляется лишь спорадически и в сравнительно небольших масштабах. Реакция через прессу, радио и другие средства пропаганды всячески тормозит борьбу прогрессивных элементов против «джим-кроуизма», нападая на ее инициаторов, клевеща на антирасистское движение, характеризуя его как «неамериканское».

Мне довелось однажды присутствовать на так называемом «междурасовом вечере», который был организован в Вашингтоне. По замыслу его устроителей, как я узнал впоследствии, это был благотворительный комитет квакеров, вечер должен был носить характер культурной смычки представителей всех живущих в США рас и национальностей. Но «культурная смычка», видно, была ими понята чрезвычайно однобоко.

Вечер проводился в помещении дансинга при одном из кинотеатров «черного пояса». В плохо освещенном зале играли два джаз-оркестра, один из которых был негритянский, а другой именовался в программе «междурасовым», так как среди составлявших его музыкантов — преимущественно негров и мулатов—было несколько белых и индейцев. Оба оркестра производили оглушительный шум, наигрывая танцовальные мелодии. Под эту музыку в зале танцовали пары, то лихо выделывая стремительные па джиттербага, то медленно двигаясь в томном трансе блюза. Среди танцующих, преимущественно негров, я видел и белых, но это были почти исключительно мужчины: женщины игнорировали «междурасовый вечер». К танцам в общем зале и к нескольким концертным номерам, исполненным джазоркестрами, и свелась вся «культурная смычка». Ничего другого в программе не значилось. У меня нет сомнений, что организаторы вечера — квакеры — одна из самых фарисейских религиозных сект США — не преследовали в этом деле никаких серьезных целей и лишь отдавали дань общественному лицемерию в негритянском вопросе.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Книга о русских инженерах



Льва Николаевича Толстого когда-то волновала мысль: показать типы умов своих героев. «Художественная литература все только изображает типы характеров, — говорил он,— а надо бы изобразить типы умов».

Лев Гумилевский в книге «Русские инженеры» увлечен этой именно идеей.

Отличительные черты русской инженерии — это смелость мысли и грандиозность замыслов, это тончайшее инженерное чутье в соединении с даром технического обобщения, это высший синтез теории и практики.

Такие черты присущи всем крупным русским инженерам: магу и волшебнику старого Донбасса металлургу М. К. Курако, и чудесному инженеру-геологу Л. И. Лутугину, имевшему поразительное чутье угля, и строителю самолетов А. Н. Туполеву...

Это из главы «Инженерное чувство и рационализм». А вот другая глава — «Простые решения».

В начале Крымской войны линия обороны в Севастополе оказалась совершенно открытой. Строить укрепления было некогда, да и не из чего. Тогда Э. И. Тотлебену пришла в голову мысль: создать укрепления из... земли. Землей набили мешки и из них сложили подвижные укрепления, которые с удивительной легкостью восстанавливались на другое утро после самых опустошительных разрушений.

Знаменитый наш математик и кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов был гением простых решений. С замечательной простотой он решил проблему устойчивости, или, как говорят моряки, остойчивости корабля. Непотопляемость русских кораблей, выстроенных под руководством Крылова, поражала иностранцев и в первую мировую войну и в дни Великой Отечественной войны.

Лучшие страницы книги Гумилевского посвящены создателям теоретических основ авиации, замечательным русским ученым Н. Е. Жуковскому и С. А. Чаплыгину.

Сергей Алексеевич Чаплыгин — ученик Жуковского. Но какие разные они люди!

Для Чаплыгина характерно творчество отвлеченное, математическое. Склад его ума преимущественно аналитический. Он шел от математики к технике.

Николай Егорович Жуковский шел путем индукции. Он постоянно экспериментировал, настойчиво «вопрошал природу». И она открывала ему свои законы. Старые москвичи помнят его знаменитый велосипед с большими крыльями, на котором он разъезжал по проселочным дорогам, изучая сопротивление воздуха. А какую помощь оказал ему простой мальчишеский змей для создания циркуляционной теории! Жуковский загнал ветер в аэродинамическую трубу и потребовал от него выдать свои секреты человеку. Первая такая труба в лаборатории Московского университета была сделана из картона. Но именно в ней изучал Жуковский законы ураганов и динамику снежных заносов.

«Экспериментальная основа теоретических построений» — так назвал Гумилевский очерк о Николае Егоровиче Жуковском. Великие открытия в области авиации и воздухоплавания принесли Жуковскому мировую славу. Его называли «пророком авиации».

В книге Гумилевского есть очень серьезный недостаток, который признает в предисловии сам автор. Он показывает своих героев как-то вне времени, оторванно от общества, от промышленности. В очерках отсутствует социально-экономический фон. В старой России каждое изобретение, всякое новшество наталкивались на косность, на тупое противодействие; автор не показал всей сложности борьбы которую приходилось вести передовым людям техники за осуществление своих идей.

Слишком большое значение придает автор интуиции, которая выглядит у него как некое врожденное свойство, присущее русским инженерам, исследователям.

Гумилевский показывает себя в этой книге скорее не как художник, а как исследователь. Он не создает художественных образов, характеров: он размышляет, анализирует. Очеркам нехватает человеческого тепла, которое ощущаешь, пожалуй, только в рассказе о Жуковском.

Но в лучших очерках автор сумел показать высокий уровень русской науки и техники. Гумилевский опровергает оскорбительную легенду о «вековечной русской отсталости» и восстанавливает справедливость в вопросе о приоритете русских ученых в крупнейших открытиях и изобретениях. М. В. Ломоносов, И. П. Кулибин, И. И. Ползунов, М. В. Остроградский, П. Л. Чебышев, Д. И. Журавский, Д. К. Чернов, А. Г. Столетов, П. Н. Яблочков, А. Н. Лодыгин, А. С. Попов, К. Э. Циолковский, В. Г. Шухов... Уже только один перечень всем известных имен показывает, насколько широк круг проблем, которые поставила и решила русская наука, русская техническая мысль.

Свой рассказ о русских инженерах автор доводит только до Октябрьской революции. Советским инженерам он обещает посвятить отдельную книгу.

Е. СТРОГОВА

Лев Гумилевский «Русские инженеры». «Молодая гвардия». 1947. Стр. 446. Цена 15 руб. Тираж 30 000.

Выдающийся литовский прозаик



Петраса Цвирку можно с полным правом назвать первым советским литовским прозаиком. Он сделал для литовской прозы то же, что сделала Саломея Нерис для поэзии, — первый перевел ее на рельсы новой социальной тематики и стал писать о Советской Литве.

Сын бедного крестьянина, Петрас Цвирка с детства был хорошо знаком с жизнью деревни, которой посвящено все его творчество. Литературному мастерству Цвирка учился у бытописательницы литовского крестьянства Жемайте. Он находился под живым воздействием русской классической и советской литературы. Как писатель, Цвирка проявил себя очень рано. Начал он со стихов: в 1928 году вышел сборник «Первая месса». Эту книгу конфисковала клерикальная цензура.

В 1934 году двадцатипятилетний писатель выпустил двухтомный роман «Франк Крук». Герой романа — сын зажиточного крестьянина Пранас Крюкалис,— приехав в Америку, «американизируется» и объявляет себя Франком Круком. Он надеется приумножить нажитые спекуляцией деньги, но скоро теряет их и превращается в бедняка. Так рассеиваются иллюзии об «американском рае».

Через год вышел главный роман Цвирки—«Земля-кормилица», рисующий положение крестьянства в буржуазной Литве после пресловутой земельной реформы. Герой романа батрак Юрас Тарутис возвращается с фронта в 1918 году в свою деревню и, получив надел, начинает обзаводиться хозяйством, полный самых радужных надежд на будущее. Однако он снова попадает в кабалу к помещику и, потеряв семью, лишившись всего имущества, видит, что его обманули.

«Неправильно землю поделили, — говорит он крестьянам. — Нам разбили землю на участки, посадили нас нищих и голых — всяк за себя — и покинули на произвол судьбы. Разделили наши силы, разогнали, как волки стадо овец, и ну ловить, и ну душить нас по одиночке. Не надо было нарезать полоски, а жить без меж и вешек, рука об руку, душа в душу... Одной коммуной, понимаешь?» И Юрас показывал рукой за Неман, в сторону Советского Союза.

«Юрас был первым в этой новой борьбе за хлеб и за землю», — такими словами заканчивался роман Цвирки, в котором он указывал литовскому крестьянству выход из вековой нищеты и бесправия.

Не только в своем творчестве, но и в жизни Цвирка был борцом за новый справедливый социальный строй, за коммунизм. Он не раз подвергался преследованиям со стороны правительства буржуазной Литвы. Не имея возможности из-за строгой цензуры печатать большие вещи для взрослых, он стал писать для детей рассказы, насыщенные живым социальным содержанием, и сказки, по-щедрински острые и сатирические.

Цвирка входил в состав полномочной делегации литовского народа, ходатайствовавшей о принятии Литвы в Советский Союз. Рассказы, написанные им в годы Отечественной войны, читали литовские воины на фронте, а также население временно оккупированной Литвы, куда книги сбрасывались с самолетов.

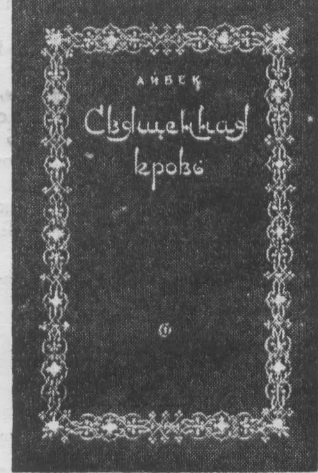
Вернувшись в освобожденную Литву, Цвирка принимал самое деятельное участие в работе по ее восстановлению. В последних своих рассказах («Депутат», «Песня» и др.) писатель показывает советского литовского крестьянина, борющегося за построение социализма. Он приступил к работе над большим романом «Река не возвращается вспять». В этом романе автор хотел показать послевоенную созидательную жизнь литовского народа. Неожиданная смерть (2 мая 1947 года) прервала эту большую работу.

Вышедший в Гослитиздате том Петраса Цвирки знакомит нас с его лучшими произведениями. В книгу вошли наиболее известные рассказы и сказки, а также роман «Земля-кормилица». Петрас Цвирка — правдивый бытописатель, хороший рассказчик, тонкий и нежный лирик, полный сочувствия ко всем угнетенным, страдающим и обиженным, особенно к детям, чьи переживания он умеет передать и взрослым. Несмотря на мягкий юмор и нежную лиричность, писатель был суровым и беспощадным борцом тогда, когда дело шло о борьбе с угнетателями и эксплоататорами. Язык его по-народному прост и образно меток.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Петрас Цвирка. Избранные произведения. Вступительная статья Ю. Балтушиса. Гослитиздат. 1948. Стр. 520. Цена 9 р. Тираж 30 000.

В старом Ташкенте



В романе Айбека мы не найдем экзотических картин восточного средневековья. Мы видим магазины, банки, шумные базары, мы видим купцов, фабрикантов, финансовых воротил, нищих ремесленников, бесправных рабочих, дехкан, выгнанных нуждой из кишлаков. Под напором капитализма рушились в Туркестане феодальные устои. Автор показывает нам, как зарождается местная буржуазия. Один из героев романа, богач Каримбай, восклицает:

— Удивительные времена!.. Вот появилось слово «банк». Видим: польза от него, выгода очень большая. Появилось слово «вексель». И это, видим, очень нужная вещь. «Кредит», «процент», «завод»— это вещи.

Каримбай владел мануфактурным магазином, хлопковыми полями и поместьями. Он нещадно эксплоатировал и приказчиков, и батраков, и домашних слуг, бывших на положении рабов.

Таким рабом был и дальний родственник Каримбая — молодой дехканин Юлчи. Но постепенно он узнает, как за наружным благообразием купеческого дома искусно скрываются обман, лицемерие, жадность, скупость, разврат. Он начинает разбираться в истинной сущности «старозаветного» купца Каримбая, и купца «новой формации» Хакима, и «прогрессивного» деятеля Абдушукура, краснобая-пантюркиста, болтающего о том, что надо «разбудить нацию».

Им противопоставлены простые, рабочие люди: батрак Ораз, бедняк Шакасым, кузнец Каратай, сапожник Шакир. Автор сумел изобразить высокую человечность отношений между людьми труда, их готовность придти друг другу на помощь в беде, поделиться последним куском хлеба.

Среди работников Каримбая особняком стоит Ярмат—«хозяйская дворняжка». Он обращается с батраками грубо, надменно, считая себя доверенным лицом хозяина. И как обманул Каримбай своего верного слугу! Семидесятилетний старик, он берет в жены дочь Ярмата Гульнар и приказывает ее отравить, когда узнает, что она любит и любима Юлчи.

Юлчи в это время находится в тюрьме: его упрятала туда семья Каримбая. И когда Юлчи бежит из тюрьмы, он видит Ярмата, окруженного полицейскими с обнаженными саблями: его ведут на казнь за то, что он убил отравителя своей дочери — младшего сына Каримбая — Салима...

В тюрьме Юлчи успел сблизиться с рабочим, большевиком Петровым. Эта фигура очерчена автором, к сожалению, бегло, но мы видим, как в душе Юлчи взошли семена правды, посеянные Петровым. Юлчи говорит своим товарищам:

— Если все выступим сообща,— наверняка свергнем и баев и кровопийцу Николая... Вот как рассуждают русские рабочие и мастеровые. И нам за ними нужно следовать.

— Русские рабочие—сила...— отвечает кузнец Каратай...— Одна у нас дорога с русскими рабочими.

Автор показывает, как трудящиеся-узбеки вступили на эту дорогу, как в 1916 году стихийно вспыхнуло восстание против угнетателей.

Буржуазные националисты предали народ. Погиб и Юлчи, один из вожаков восстания.

Но читатель повторяет слова сапожника Шакира:

«... Смерть Юлчи — не простая смерть... Не за себя, за народ кровь пролил... Это — священная кровь...»

Так кончается роман Айбека, автора известной книги о Навои. «Священная кровь» написана в манере русской реалистической прозы. Особенно заметно влияние М. Горького.

С. ЛИПКИН

Айбек «Священная кровь». Роман. Перевод с узбекского Н. Ивашева. «Советский писатель». 1947. Стр. 296. Цена 9 р. 20 к. Тираж 15 000.



Знатные проходчики Криворожья, выполнившие свои пятилетние задания (слева направо): депутат Верховного Совета УССР С. Г. Голубарь, Я. В. Троян и И. А. Куцаковский.

Фото А. Узляна



Герой Социалистического Труда Татьяна Репина — звеньевая колхоза имени Октябрьской революции, Больше — Маресьевского района, Горьковской области.

Фото Н. Капелюша

О ПОДВИГЕ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ!

В рейхстаге

(Воспоминания)

Михаил ГОЛОДНЫЙ

Брожу среди руин рейхстага...
Под щебнем, в мусоре бумага
С гербом империи у края
Бесславно тлеет, догорая.

А туча над просветом крыши
Бросает злую тень на ниши,
Куда укрылись от потомков
Четыре короля — обломка.

Сидит среди безвестных статуй
На Карле Первом Оттон Пятый,
А рядом—Фридрих Барбаросса,
С лицом расколотым, без носа;
И тупо каменные очи
Уставились из вечной ночи
На незнакомого поэта,
Пришедшего с иного света.

Я говорю: — Ну, что, вояка!
Но статуя молчит, однако.
О днях, для памяти священных,
Читаю надписи на стенах:
«Дошел с боями из Ростова...
Иван Игнатьевич Подкова»,
«В Берлине мы. Ура, ребята!..
Рука Потапкина Игната».

А дождик—странный гость в
рейхстаге —
Стучит по щебню, по бумаге,
По мрамору, по ржавой жести,
И звук, как шопот дальней
вести,
Как матери-природы слово
О безвозвратности былого.

Брожу среди колонн тяжелых,
Дверей разбитых, статуй голых...
Где вход, где выход,
неизвестно;
Пролом в стене выводит честно
Меня на улицы Берлина.

Туманно. Сыро и пустынно.

Ни голоса людей, ни света,
Как мертвый глаз, луна-планета
Скользит в тумане надо мною,
Все одевая пеленою.

Плывет осенних туч ватага
Над зданьем бывшего рейхстага.

НОВЫЙ ФИЛЬМ «РЯДОВОЙ АЛЕКСАНДР МАТРОСОВ».

«В гвардейском полку,
Где служил он когда-то,
В солдатском строю вспоминают
о нем.
Подвиг и слава—бессмертье
солдата,
Так будем о нем говорить
о живом!»

Торжественно звучат стихи Е. Долматовского, и на экране возникает благородное лицо юноши, обессмертившего свое имя героическим подвигом во славу Родины. Так начинается художественный фильм «Рядовой Александр Матросов», созданный коллективом студии «Союздетфильм».



Артист А. Игнатьев в роли Александра Матросова.

Небогата внешними событиями была жизнь этого прекрасного юноши. Семнадцатилетним подростком Александр Матросов ушел из Уфимского ремесленного училища добровольцем на фронт. А в 19 лет, через два года, он пал смертью храбрых, закрыв своей грудью амбразуру вражеского дзота и тем обеспечив успех боевой операции.



Возвращение из разведки. Рядовой Матросов (артист А. Игнатьев) и политрук (артист О. Жаков).

Авторы фильма — драматург Г. Мдивани и режиссер Л. Луков — располагали ограниченными сведениями о Матросове. Но постепенно образ Героя обогащался все новыми, интересными фактами. На выставке «Комсомол и молодежь в Отечественной войне» оказалась рукопись уфимского товарища Матросова, из которой стало известно, что Александр в первые дни войны удочерил девочку-сиротку, подобранную на вокзале. Этот факт, многое раскрывающий в характере Матросова, лег в основу первого эпизода кинокартины.

Затем писатель и режиссер поехали в полк имени Матросова. Там они ознакомили однополчан Героя с замыслом сценария и фильма. Поездка была плодотворной. Люди, хорошо знавшие Матросова, внесли в сценарий много интересного и ценного.

Так, шаг за шагом, восстанавливалась биография Матросова,— годы учебы, уход на фронт, партийное собрание в поезде, первая разведка и, наконец, последняя боевая операция, когда Матросов совершил свой подвиг.

Всем своим поведением на протяжении фильма Герой завоевывает любовь и признание зрителей. И когда Матросов закрывает собою амбразуру вражеского дзота, зрители понимают, что иначе благородный воин Советской Армии поступить не мог.

Роль Александра Матросова играет студиец театрального училища имени Щукина—А. Игнатьев. Созданный им образ вызывает чувство гордости за советских людей, борцов за коммунизм.

Роль И. В. Сталина исполняет в картине лауреат Сталинской премии А. Дикий.

О. ОЛЬГИНА



Сержант Ильин (артист В. Балашов) над телом своего друга Александра Матросова (артист А. Игнатьев).

ШКОЛЬНИКИ ГОРОДА ЛЕНИНА

Гекст П. Вельтмана **Фото Б. Уткина**



Ученица 347-й школы Лиля Зуева в кабинете биологии.

Сотни ленинградских школьников носят на груди медаль «За оборону Ленинграда». Ребята, оставшиеся в дни войны и блокады в родном городе, вместе со взрослыми строили оборонительные сооружения, тушили зажигательные бомбы во время воздушных налетов, помогали раненым в госпиталях и семьям фронтовиков, работали в пригородных совхозах. 900 дней вражеской блокады, бомбежки и артиллерийские обстрелы, голод и холод пережили мужественные мальчики и девочки, защищая свой любимый город, свое право жить и учиться.

Сегодня мы рассказываем о школьниках, участвовавших в защите города и награжденных медалью «За оборону Ленинграда».

...В августе 1941 года группа ленинградцев направлялась за город, где тысячи женщин, подростков рыли окопы. Не успели проехать и половину пути, как грузовики стали. «Дальше нельзя, немцы близко»,— сказал человек, остановивший машины. В этой группе была и школьница Тамара Лобанова.

Тамара делала все, что могла, для обороны города. Каждый раз, как только пронзительный свист сирены оповещал о появлении фашистских самолетов, она спешила на крышу. Ей обычно «не везло»: взрослые замечали маленькую шуструю девочку и уводили ее в бомбоубежище. Но однажды налет был настолько сильным, все взрослые были так поглощены борьбой с «зажигалками», что Тамару вначале не заметили. И вот какая-то женщина быстро подает ей «зажигалку» и кричит: «Туши ее!» Девочка не растерялась, схватила щипцы и опустила брызгавшую огнем металлическую бутыль в бочку с водой... В ту ночь не один десяток бомб погасила Тамара Лобанова.

Во время одного из налетов Тамара с затаенным дыханием следила за воздушным боем. В строй черных «юнкерсов» врезались маленькие серебристые истребители. Несколько «юнкерсов» пустились наутек, за ними погнались краснозвездные машины. Вот два подбитых фашистских самолета, оставляя за собой черную полосу дыма, камнем упали на землю, а третий в сопровождении наших истребителей пошел на посадку. «В плен взяли, это здорово!»—подумала девочка... И, быть может, тогда она решила стать строителем замечательных советских самолетов.

Сейчас Тамара Лобанова учится в 10-м классе. «Я буду авиационным инженером,— говорит она.— В этом году окончу среднюю школу и поступлю в Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе».

*

Как помочь родному городу в его борьбе? Этот вопрос не раз задавали друг другу школьники Ленинграда с первых же дней блокады. И вот в осажденном городе появились тимуровские команды.



Ученица 335-й школы Тамара Лобанова (справа) помогает своей подруге Лене Самуйловой в лабораторной работе по физике.

В одной из таких команд Володарского района состояла двенадцатилетняя школьница Лиля Зуева. Отец ее добровольцем ушел защищать родной Ленинград, и она осталась в городе с матерью.

С самого утра Лиля с товарищами помогала семьям фронтовиков. Ребята пилили и кололи дрова, таскали воду. Днем тимуровцы отправлялись в госпиталь. Здесь они чинили белье, ухаживали за ранеными, устраивали вечера художественной самодеятельности. Домой Лиля приходила поздно, усталая, но довольная.

Летом Лиля вместе с другими ребятами уезжала в пригородный совхоз «Красный Октябрь». От зари до зари вместе со взрослыми работали школьники на прополке, уборке урожая.

Однажды Лиля вернулась домой радостная и запыхавшаяся. «Мама! — еще в передней крикнула она.— За отличную работу нам вынесли благодарность. А меня даже премировали ста рублями». Дело было, конечно, не в этих ста рублях, а в том признании, которое получили маленькие граждане за свой славный труд в тяжелое время.

Сейчас Лиля Зуева учится в 9-м классе на «хорошо» и «отлично». «Я решила стать врачом»,— говорит она.

Почти каждый день Лилю можно видеть после уроков в биологическом кабинете. Она наблюдает за растениями, ведет записи. Часто она садится к микроскопу, уходя в большой и пока еще загадочный для нее мир.

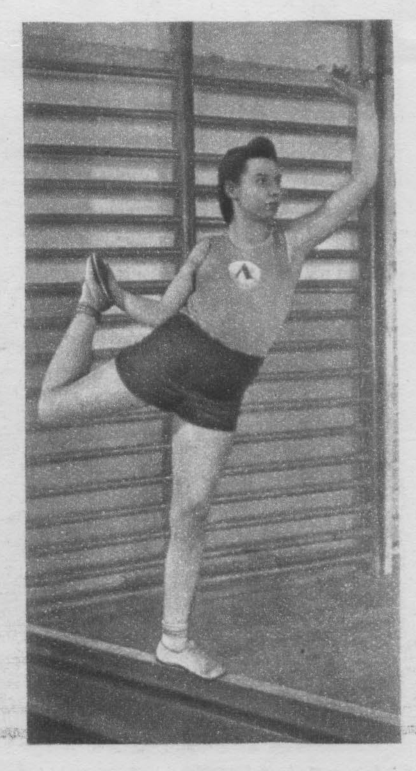
*

18 января 1943 года — незабываемая дата для ленинградцев и всех советских людей. В этот день части Советской Армии прорвали вражескую блокаду. А через два дня после этого секретарь Володарского райкома комсомола, вручая Люсе Михайловой комсомольский билет и поздравляя ее, сказал, что в годы обороны она вела себя как славная патриотка.

Люся, как и большинство ленинградских школьников, оставшихся в Ленинграде, активно участвовала в обороне города. Она работала в пожарном звене, чинила и стирала белье в госпитале, ухаживала за ранеными.

...Люся ничего мне не сказала о своем увлечении спортом и только от ее подруг я узнал, что в 1944 году в ленинградских соревнованиях школьников в беге на 500 метров она заняла одно из первых мест. В прошлом году Люся Михайлова на Всесоюзном первенстве в Воронеже в беге на 200 метров по классу девушек показала прекрасное время — 28,3 секунды. В начале этого года 18-летней спортсменке присвоен 2-й женский разряд по трем видам легкой атлетики (бег, прыжки в длину, прыжки в высоту).

Ученица 10-го класса 347-й школы Люся Михайлова много занимается, активно участвует в общественной жизни школы. Она член школьного комитета ВЛКСМ.



Ученица 347-й школы Люся Михайлова в спортивном зале.



Ученик 334-й школы Валентин Фролов (слева) показывает сконструированный им радиоприемник своему приятелю — слесарю завода имени Кагановича Анатолию Звереву.

Часто ее можно увидеть на лекциях по истории и теории искусства. В этом году, после окончания средней школы, она собирается поступить на искусствоведческое отделение исторического факультета Ленинградского университета.

*

...В октябре 1941 года в 5-м классе 334-й школы вместе со своими товарищами учился Валя Фролов. Фронт приближался к городу, и маленьких ленинградцев отправили на Восток, где они могли спокойно жить и учиться. Из учеников 5-го класса этой школы не уехал только Валя. Он ни за что не захотел покинуть родной город.

Зимой в Ленинграде стало особенно тяжело. Отец Вали сражался в морской бригаде в районе Невской Дубровки, которая стала неприступным форпостом обороны Ленинграда. Попав после госпиталя домой, отец решил забрать сына с собой на фронт.

И вот Валя Фролов — связист при штабе конно-транспортного полка. Он доставлял в роты сводки Совинформбюро. Бойцы любили этого маленького связиста, который каждое утро, пройдя 10 километров, приносил вести о событиях на фронтах и в тылу.

Весной часть, где служил Валя, перебросили на полуостров Коса, на Ладожском озере. Здесь юный ленинградец пережил сильные артиллерийские обстрелы, бомбежки, здесь он познал стойкость и мужество советского солдата.

В конце 1943 года Валя Фролов вернулся в Ленинград. Он пришел в свою школу и снова сел за парту.

Я познакомился с Валей Фроловым в Ленинградском дворце пионеров. Передо мной стоял высокий русый юноша, с двумя медалями на груди: «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». «В этом году,— рассказал Валя,—я кончаю среднюю школу. Хочу учиться дальше, стать радиоинженером. Радиотехникой я начал увлекаться недавно, но уже сконструировал несколько детекторных приемников».

*

В одну из зимних ночей 1943 года в город прибыл эшелон с ранеными бойцами и офицерами Ленинградского фронта. Его нужно было быстро разгрузить. Санитарам пришли помогать ленинградцы. В их числе была и ученица 6-го класса 335-й школы Володарского района Вера Тюбаева. Ей было очень трудно переносить раненых, но никто так и не заметил, что девушка сильно устала. Шуткой и теплым, дружеским словом старалась она облегчить страдания раненых и приободрить уставших ленинградцев. В темноте все время слышался ее звонкий девичий голос.

Мы застали Веру в географическом кабинете 335-й школы. Она стояла у географической карты в окружении нескольких десятиклассниц.

«Вы просите рассказать о моем будущем?—спросила она нас.— Помню, как в тяжелые годы по радио читали письмо нам, осажденным ленинградцам, от Джамбула из далекого Казахстана. Передо мной во всем величии вставала наша страна.

Мне хочется стать географом, изучать нашу землю, богатства нашей Родины,— продолжала она.— Вот почему я и решила, окончив в этом году школу, пойти учиться на географический факультет Ленинградского университета».



Ученица 335-й школы Вера Тюбаева (у карты) помогает своим подругам подготовиться к зачетам.



Песня, ведущая в бой

Анатолий НОВИКОВ,

лауреат Сталинской премии

...Вспоминается первый день войны. Композиторы столицы собрались в своем клубе. Они пришли сюда, чувствуя острую необходимость быть вместе в этот исторический момент. Митинг был непродолжительным и деловым — как сбор бойцов по военной тревоге. Композиторы быстро договорились о том, что надо сразу же приступить к сочинению военных песен.

Но для песен нужны стихи, их должны написать поэты. По окончании митинга группа композиторов направилась в Союз советских писателей. Движимые единым порывом, поэты и композиторы принялись за работу. В два — три дня композиторами было написано свыше сорока песен на слова поэтов В. Лебедева-Кумача, М. Исаковского, А. Суркова, Е. Долматовского, А. Софронова, А. Жарова, С. Алымова, Л. Ошанина и др.

Эти песни в первые дни войны, летом 1941 года, прозвучали, как клич на смертный бой с врагом. По радио передавались торжественно-гневные строфы «Священной войны» А. Александрова, в которых слышалась мощная поступь миллионов патриотов, поднявшихся на защиту Родины.

Сердцу бойца были близки и лирические песни, и шуточные, задорные, поднимавшие боевой дух.

В дни победоносного наступления Красной Армии поэтами и композиторами были созданы радостные песни торжества советского народа.

Многие композиторы - песенники работали во фронтовых армейских и флотских художественных коллективах, писали песни и исполняли их перед советскими воинами. Так, Т. Хренников и М. Блантер весной 1945 года в течение двух месяцев ежедневно выступали в батареях, дивизиях, полках и госпиталях прославленной 62-й гвардейской армии.

Т. Хренников рассказывает, что ему особенно запомнился концерт в артиллерийском полку, который три года назад первым открыл огонь по центру Берлина. Песни композитора слушали солдаты и офицеры, пришедшие сюда из-под стен Ленинграда, участвовавшие в боях за освобождение Ленинградской области, Прибалтики и Польши. В минуты затишья, когда ненадолго умолкала победная симфония орудий, Хренников пел доблестным воинам под аккомпанемент баяна свои песни.

В дни войны композитор К. Листов много работал в соединениях советской морской авиации вместе с поэтом А. Софроновым. Там родилась его песня «Орлиная семья» на слова А. Софронова. Автор сыграл песню летчикам, те подхватили ее.

В это время раздалась команда:

— По машинам!

Летчики быстро заняли свои места у штурвалов...

Композитор и поэт долго не уходили с аэродрома, ожидая возвращения летчиков, а спустя два часа они встретили победителей новой песней.

За годы войны я написал военные песни, среди которых наиболее известны «Самовары-самопалы», «Пять пуль», «Ветер студеный», «Песня Орловской дивизии» и другие.

В День Победы — 9 мая 1945 года — песни советских композиторов славили героические подвиги наших воинов.

Сейчас композиторы-песенники не прекращают своей работы.

Бойцы Советской Армии, три года назад одержавшие победу над фашистской Германией, поют песни о мужестве и бесстрашии своих старших братьев и отцов, о немеркнущей в веках славе Советской Армии...

В этот день

В годы войны большинство советских кинооператоров находилось на фронте. Кинооператоры В. Доброницкий и Н. Вихирев лауреаты Сталинских премий рассказывают, как и где они встретили в 1945 году весть о Победе.



Минометный огонь по рейхстагу.

Кинокадр Н. Вихирева

Спектакль состоится завтра

9 мая 1945 года началось для меня необычно. Еще на рассвете я попал в «немецкое окружение».

Это было под Прагой. Выжимая из трофейного «Вандерера» максимум скорости, я мчался к столице Чехословакии. И вдруг навстречу мне по этому же избитому войной шоссе двинулась лавина немецких грузовиков с пехотой и потянулись колонны солдат. Мгновение — и я очутился в середине этого потока.

Шофер отчаянно нажимал на гудок, немцы услужливо расступались, офицеры брали под козырек, я изо всех сил вертел ручку киноаппарата.

Это сдавалась в плен одна из гитлеровских армий. Четыре тысячи машин с фашистскими вояками покорно шли на Восток...

Рано утром я очутился в Праге. Город ликовал. На улицах было тесно от людей, одетых в праздничные костюмы. Цветы, объятья, смех...

Тысячи пражцев спешили привести улицы в должный порядок и устилали дороги ровными рядами брусчатки.

— Почему вы так торопитесь?— спросил я.

— О, вслед за вашими танкистами, спасшими нас, здесь пройдет советская пехота!

Незабываемое зрелище народного торжества я снимал весь день.

Мимо Национального оперного театра советские войска шли к мосту через реку Влтаву. Я поглядывал на колесницу Аполлона, венчавшую фронтон театра,— вот бы снять оттуда! В это время ко мне подошел пожилой чех. Будто угадывая мое желание, он сказал:

— Провести туда? — и показал на колесницу Аполлона.

Я кивнул.

Он повел меня в театр. Мы шли по каким-то лестничкам, длинным коридорам. Он рассказывал:

— Я актер. Этот театр, выстроенный на народные деньги, дважды горел и дважды на народные же деньги восстанавливался. В нем мы пели на многих языках—чешском, русском, итальянском. Но никогда не пели на немецком. В 1939 году, когда фашисты очутились в Праге, мы — актеры — разбежались, а внутри зрительного зала патриоты поставили леса. Немцам объяснили: потолок обваливается из-за бомбардировок. Инженеры, постоянно следившие за зданием театра, подтвердили: «Да, действительно, обваливается»,— и назвали баснословную цифру, требуемую для ремонта. Немцы, естественно, денег не дали, и театр пустовал шесть лет!

Когда мы были уже на крыше и я начал вертеть ручку аппарата, мой спутник улыбаясь сказал:

— Но завтра, завтра вы сможете придти к нам в театр. Состоится спектакль! Вы видели людей в зрительном зале — они снимают леса...

День 9 мая кончился для меня так же необычно, как и начался. На одной из пражских окраин я неожиданно встретил мою сестру Софью, военного врача, которую не видел с первого дня войны.

И теперь я всегда верю писателям, когда читаю в рассказах или романах о таких необыкновенных встречах.

Пять дней жители Праги не уходили с улиц. Торжество продолжалось...

И кстати, помогший мне актер оказался прав: вечером 10 мая я сидел в театре и с удовольствием слушал оперу Сметаны «Проданная невеста».

В. ДОБРОНИЦКИЙ,
лауреат Сталинской премии.

Точный адрес

9 мая я был в Берлине. После четырехлетних сражений трудно было сразу осознать, что война закончилась. Эту перемену в настроении и поведении советских воинов мне хотелось запечатлеть в кинокадрах. Я снимал старого солдата, с нежностью кормившего кошку, она напоминала ему дом, родную деревню, и он ласково звал ее «Машкой». А кошка, во время боев прятавшаяся в развалинах, одичавшая, боязливо косилась на еду и настороженно прислушивалась. К тишине прислушивались и мы все, отвыкшие от нее за эти четыре года, а особенно в последние дни боев за Берлин.

В Берлин мы вошли 26 апреля.

Весна была в разгаре. Стояла солнечная, теплая погода, в садах цвела сирень, благоухали цветы, и на этом фоне ожившей после зимы природы дым, грохот разрывов, смерть.

27 апреля я снимал штурм рейхстага.

Я вошел во двор, где стояли «катюши», это было приблизительно на расстоянии одного-двух километров от рейхстага.

Молодой курносый парень, стоя у груды снарядов, старательно вытирал их тряпкой, затем что-то писал на каждом и передавал снаряд другому,— тот заряжал миномет и давал залп. Я подошел к парню и спросил, для чего он вытирает снаряды.

Мягким волжским говорком он объяснил мне: «Понимаешь, не соответствуют! Готовили мы их для другого объекта... Ну и написали адрес. А теперь он неточен. Вот и исправляю: «по рейхстагу» надо написать».

2 мая я снимал гитлеровскую канцелярию. Мы вошли в полуразрушенное здание и разыскали кабинет Гитлера. Я снимаю карту, у которой Гитлер создавал свои преступные планы, его стол, на полу разбитые орлы со свастикой, осколки и среди них... голова Гитлера, дикие глаза маньяка устремлены на поверженных обезглавленных орлов.

Осколок бомбы, попавшей в здание, расколол мраморный бюст Гитлера, обезглавил его...

Н. ВИХИРЕВ,
лауреат Сталинской премии.



В День Победы ликует Прага.

Кинокадр В. Доброницкого

ТРЕНЕР У РИНГА

В. ДУРОВ



Воспитатели выдающихся боксеров Виктор Михайлов (слева) и Андрей Тимошин («Динамо»).

Когда на ринге встречаются два равноценных противника, оставаться равнодушным невозможно. Атмосфера боя, таящая столько неожиданностей, наэлектризовывает зрителей, и они шумно приветствуют неутомимость молодости и зрелость мастерства.

Приглядитесь к небольшой группе людей, находящихся в непосредственной близости к рингу. Это тренеры — те, кто готовили боксеров к схватке. Сейчас, перед началом боя, они, едва сдерживая волнение, дают последние советы своим ученикам.

Я помню то время, когда эти люди сами выступали на ринге и волновались куда меньше, чем сейчас. Ведь тогда они отвечали только за себя, а сейчас — и за своих питомцев.

В дни подготовки тренер неустанно ищет все новые и новые средства для достижения победы его воспитанником, и теперь, когда начинается бой, учитель вручает как бы самого себя в руки ученика. Ему же остается одно — наблюдать. И поэтому, когда идет схватка, тренер стремится видеть все ее течение, чтобы ни одна мелочь не прошла мимо его внимательного взгляда.

Судья поднялся на боевой настил. Он представляет публике боксеров. Вслед за именем молодого динамовца Анатолия Булакова называется имя его тренера — заслуженного мастера спорта Виктора Михайлова; в зале вспыхивают аплодисменты.

Еще несколько лет назад Михайлов сам стоял на середине ринга. Одиннадцать раз он завоевывал звание чемпиона страны в полутяжелом весе, а в 1939 году, побив Николая Королева, стал абсолютным чемпионом СССР. Теперь, будучи уже тренером, Михайлов передает свой опыт ученикам.

Вместе со своим помощником — заслуженным мастером спорта Андреем Тимошиным — Михайлов готовит к схваткам молодежь. И, наблюдая за ходом боя, знатоки бокса все время чувствуют стиль Михайлова и Тимошина — тренеров и советчиков своих питомцев.

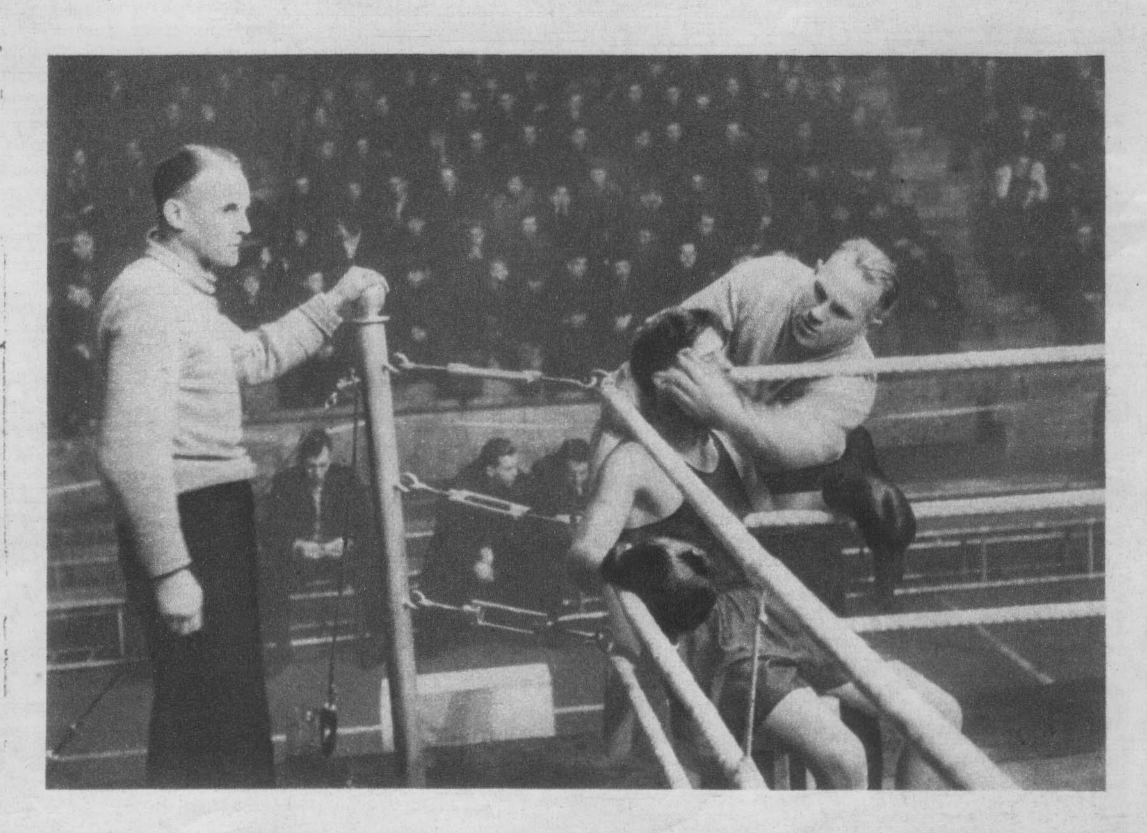
— Не иди на обмен ударами! — предупреждает Михайлов Анатолия Булакова в перерыве между двумя раундами.

И Булаков, сдерживая свое желание ринуться в горячую атаку, маневрирует, выжидает, ставит противника в безвыходное положение — и вдруг внезапный, быстрый, как молния, удар. Нокаут! Раунд разыгран четко, мастерски, по-михайловски!

Теперь посмотрите на двух людей, сидящих в противоположном углу,— это тренеры команды профсоюзов: заслуженный мастер спорта Константин Градополов и Виктор Огуренков.

Около двадцати лет назад Градополов сошел с ринга непобежденным. Большой срок! Но до сих пор мы помним его филигранное мастерство. Этот человек отдал боксу всю свою жизнь. Кандидат педагогических наук Градополов популяризирует любимый вид спорта в качестве заведующего кафедрой бокса Института физкультуры имени Сталина, и автора учебников по боксу, и тренера.

Сейчас он сидит у ринга, внешне спокойный, даже медлительный в движениях. Но все знают, как энергично и умно готовит Градополов своих боксеров к ответственным матчам.



Тренеры боксеров команды профсоюзов Константин Градополов (слева) и Виктор Огуренков.

Фото Дм. Бальтерманца.

Наклонившись к молодому боксеру Михаилу Серегину, тренер говорит:

— Движение, движение! Не стойте на месте!

Серегин действует словно фехтовальщик и обыгрывает Габо Ханукашвили.

Два новых бойца поднимаются на ринг, и наступает черед волноваться тренеру Виктору Огуренкову: сейчас в бой пойдет Евгений Огуренков, брат, друг и ученик.

Евгению Огуренкову, заслуженному мастеру спорта и многократному чемпиону страны, предстоит тяжелый бой с динамовцем Романом Каристэ. Три раза встречались уже эти два мастера и пока со счетом 2:1 в пользу Каристэ. Последним выигрышем Каристэ отнял у Огуренкова звание чемпиона страны.

Виктор учил брата атаковать на долю секунды раньше Каристэ, опережать его удары.

Началась схватка, и порывистый Виктор Огуренков не в силах сдержать волнения. Он то привстает, то садится, что-то шепчет, хотя знает, что брат сейчас не услышит его.

В короткую минуту перерыва Виктор говорит Евгению:

— Спокойней, завязывай ближний бой, не напрягайся!

И когда после боя диктор сообщает, что победил Евгений Огуренков, трудно определить, кто же из двух братьев более счастлив: оба они сделали все, что могли, для победы.




1-Й РАУНД.




2-Й РАУНД.



3-Й РАУНД.

СОВЕТ СЕКУНДАНТУ

— Не кричи, дружище, «гоп»
После раунда второго,
Потерпи — до третьего!

Рис. Г. Валька

Школы молодых

Е. КЛИМОВ

Стройный юноша взял в руки длинный бамбуковый шест, чуть прищурился, взглянул на висящую в воздухе планку и рванулся вперед. Бурный разбег, толчок, и тело спортсмена, взлетев над землей, перенеслось через препятствие, поднятое на 3 метра 90 сантиметров.

Студент Московского авиационного института Виктор Князев этим прыжком завоевал в розыгрыше прошлогоднего первенства Советского Союза по легкой атлетике второе место среди шестовиков.

На последнем матче четырех городов никому до этого не известный молодой легкоатлет В. Никитин прошел 110 метров с барьерами за 16 секунд. К финишной ленточке он пришел грудь в грудь с чемпионом Советского Союза И. Анисимовым.

В прошлогодних же соревнованиях молодой бегун Анатолий Заенцев пробежал 800 метров в 2 минуты 0,2 секунды и 1500 метров в 4 минуты 8 секунд.

Князев, Никитин и Заенцев — воспитанники спортивных школ молодежи. В эти школы принимаются юноши в возрасте от 17 до 23 лет, имеющие спортивную классификацию не ниже третьего разряда. На всех соревнованиях учащиеся школ выступают за то спортивное общество, в котором они состоят.

В Москве четыре молодежных спортивных школы.

Легкоатлетическая школа столицы находится в прекрасном здании Дворца физкультуры общества «Крылья Советов». Здесь по вторникам, четвергам и субботам собирается молодежь. В раздевалке из чемоданчиков извлекаются майки, трусы и тапочки, тренировочные шаровары и блузы. Быстро переодевшись, ученики школы направляются в огромный спортивный зал.

Зал этот настолько велик и так хорошо оборудован, что в нем можно проводить любые легкоатлетические тренировки, включая даже метание диска. Занятия начинаются с гимнастической разминки. После этого молодые спортсмены расходятся по своим группам. В одну входят прыгуны, в другую барьеристы, в третью шестовики, в четвертую метатели, бегуны же образуют три группы: спринтеров, средневиков и стайеров.

С каждой из этих групп, которые хотелось бы назвать классами, ведут работу опытные, высококвалифицированные преподаватели: тренеры, заслуженные мастера спорта кандидаты педагогических наук В. М. Дьячков и П. И. Жуков, заслуженные мастера спорта А. К. Максимов и А. А. Якушенко, мастер спорта рекордсмен по барьерному бегу И. А. Степанченок и другие известные спортсмены.

Вот они начали очередной урок... Группа бегунов под руководством А. К. Максимова отрабатывает приемы старта. В. М. Дьячков посвящает шестовиков в секреты точного толчка. Метатели занялись упражнениями с медицин-болами. У шведской стенки работает вторая группа бегунов. Барьеристы тренируются в прыжках с места.

Тренировка легкоатлета состоит из многих циклов общих и специальных упражнений, повторяющихся в различных комбинациях. Постепенно, от урока к уроку, из месяца в месяц, развивает в себе легкоатлет силу, выносливость, быстроту.

Оставим молодых легкоатлетов за их очередными упражнениями и спустимся на нижний этаж Дворца физкультуры, где идут сейчас занятия другой московской спортивной школы — борьбы и бокса.

В большой комнате несколько пар широкоплечих мускулистых юношей изучают приемы греко-римской борьбы. Среди молодых борцов расхаживает старший тренер, заслуженный мастер спорта В. А. Люляков. За одними он молча наблюдает, других поправит, третьим покажет ускользнувшую от них особенность приема...

В эти же вечерние часы в другом конце города, на Красной Пресне, идут занятия молодежной спортивной школы гимнастики, акробатики и тениса. Школа работает в помещении спортивного клуба Метростроя.

Вот тренируется акробатическая группа. Рабочие «Трехгорки» слесарь Анатолий Абрамов и электрик Леонид Соловьев изящно и ловко проделывают передние и задние сальто, рондопы, флик-фляки, перемёты. Одна за другой следуют все более сложные акробатические комбинации.

Значительных успехов достигли гимнасты. Выступая на прошлогодних соревнованиях, ученицы школы А. Михайлова С. Комиссарова, Е. Чесных вышли в своих разрядах на призовые места. Из теннисистов особенно выделяется своими способностями молодой рабочий Ондриков. За сравнительно короткий срок он прошел путь до спортсмена первого разряда.

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Первые футбольные матчи. Турнир сильнейших баскетбольных команд.

Как известно, в спорте приход весны определяется не скачком ртутного столбика в термометре, а первыми взлетами футбольного мяча. В тот момент, когда мальчишки берутся за футбольные камеры, и приходит весна, а потом... потом начинают поступать вести с юга.

В эти дни на столах у болельщиков лежат еще не разграфленные таблицы игр и географические карты, на которых они отмечают крестиками месторасположение любимых команд. Сочи... Гагры... Сухуми... Зеленый мыс... Тбилиси... Туда обращены все взоры любителей. Там, на юге, начинается расстановка главных сил еще задолго до того дня, когда футбольный мяч покатится по молодой траве Центрального стадиона «Динамо».

Нынешняя спортивная весна в этом смысле ничем не отличается от прошлогодней. Снова все команды — участницы розыгрыша первенства СССР — отправились для тренировок на южные стадионы, и именно там прошли первые товарищеские встречи.

В Сухуми ЦДКА дважды выиграло у рижского «Динамо» и взяла реванш у Ленинградского «Зенита» за свой прошлогодний весенний проигрыш. В Сочи «Спартак» выиграл у минского «Динамо» и у «Крыльев Советов» (Куйбышев). В Гаграх московские динамовцы победили команду «Крылья Советов» (Москва) со счетом 6 : 0. В Батуми Пономарев забил гол в ворота тбилисского «Динамо» и принес победу «Торпедо» в этой важной встрече. В Одессе ленинградское «Динамо» победило сталинградское «Торпедо», а в Тбилиси уже в апреле был разыгран кубок открытия сезона.

Словом, футбольный мяч начал свой долгий и замысловатый путь, и вот уже москвичи заняли свои излюбленные места на свежевыкрашенных трибунах московского «Динамо».

Пожелаем же и игрокам и болельщикам большого и удачного сезона!

* * *

В то время, когда футболисты проводили первые тренировочные игры на юге, — на Урале, в Свердловске, собрались баскетболисты восьми городов, завершая этим традиционным соревнованием свой зимний сезон.

В сборную команду СССР, завоевавшую первенство Европы по баскетболу, входили игроки трех городов — Москвы, Тбилиси и Каунаса. Теперь эти игроки встретились не как соратники, а как противники. Между тремя командами и разыгралась особенно напряженная борьба. Москвичам, победителям прошлогоднего матча восьми городов, пришлось трудно. Игры первого же дня показали, что в лице каунасцев они имеют очень серьезных противников.

Встретившись с тбилисцами, баскетболисты Каунаса добились победы со счетом 31 : 24. Команда рижан, составленная из молодых игроков, неожиданно выиграла у таллинцев. Москвичи в течение трех дней возглавляли турнир, победив бакинцев и харьковчан, а затем вырвав победу и у тбилисцев с убедительным счетом 56 : 23.

Каждый матч проходил в острых схватках и приносил много неожиданностей. Команде каунасцев пришлось призвать на помощь все свое мастерство, чтобы выиграть у Ленинграда, тбилисцы нанесли поражение рижанам со счетом 33 : 30. Очень интересно прошли матчи Москва — Ленинград и Каунас — Ленинград. Победили москвичи и литовцы.

Естественно, что встреча Москва — Каунас должна была решить судьбу первого места. Игра началась атакой москвичей. Тарасов, Конев, а затем Колпаков довели счет до 6 : 0. Затем каунасцы Кулакаускас и Серцевичус отквитали четыре очка, но к перерыву Москва оставалась впереди.

Вторая половина игры началась бурной атакой баскетболистов Каунаса, и за две минуты до конца счет был 28 : 28. Затем Тарасов со штрафного удара забил мяч и вслед за этим еще раз положил его в сетку. Таким образом, матч закончился победой москвичей. Но тут начались неожиданности. Москвичи проиграли таллинцам, и так как они и литовцы имели равное количество очков — 12 из 14, то для выявления победителей была назначена переигровка.

Вторая встреча этих двух сильнейших команд принесла победу каунасцам, выигравшим матч со счетом 48 : 31.

Третье место заняла команда Тбилиси.

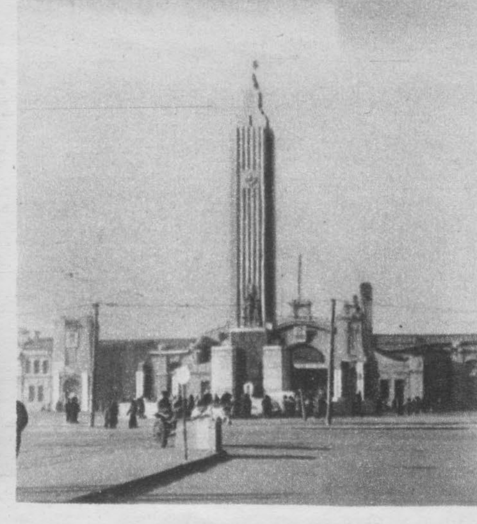
У женщин победу одержали москвички, выигравшие все семь встреч, на втором месте команда Свердловска и на третьем команда Киева.



Команда «Торпедо» (Москва) тренируется на стадионе в Батуми.









ПАМЯТНИКИ ВОЕННОЙ СЛАВЫ

Вспомните, в честь каких событий и где установлены эти памятники военной славы, увековечившие доблесть и мужество нашего народа.









Барс доставлен на самолете

На подмосковный аэродром опустился самолет из Сталинабада. В его кабине находился необычный груз—дикие звери, предназначенные для зоопарков. Хищников сопровождала в Москву женщина-проводник Александра Калужина.

Воздушный путь из Сталинабада занял трое суток, так как из-за плохой погоды самолет задержался в Актюбинске. Больше всего забот доставил проводнице барс. Всю дорогу он неустанно рычал, смолкал лишь тогда, когда Калужина бросала ему куски сырого мяса.

Вся кабина самолета, в котором летела Александра Калужина, была тесно уставлена клетками. Воздушный полет совершали камышевые и степные коты, бухарские олени, уреалы и громадные хищные птицы — бородачи-ягнятники, которые тщетно пытались расправить свои могучие крылья, имеющие в ширину два метра.

Только огромный кабан боязливо жался к железным прутьям клетки. Калужина подходила к нему и, просунув руку сквозь прутья, спокойно гладила зверя. Она знала, что кабан был почти ручным, что его поймали пограничники и он долго жил на пограничной заставе.

Все звери хорошо перенесли воздушное путешествие.

Через день после прилета в Москву барса отправили поездом в Тбилисский зоопарк. В этом же вагоне, специально приспособленном для перевозки зверей, везли рысь, беркутов, яка, голубых песцов и камышевых котов.

Многие советские зоопарки пополнились за последнее время ценными экземплярами хищников. Больше всего зверей отправлено в районы, где зоопарки во время войны были опустошены. Две партии зверей посланы уже в ленинградский зоопарк. Готовятся к отправке партии хищников для зоопарков Калининграда и Каунаса.

Недавно рижский зоопарк отправил в Казань и Свердловск вагон с львятами, родившимися в неволе. В Казань отправлена также рысь, выловленная в районе Иркутска. Она большого роста и исключительно красива по экстерьеру. Любопытна история ее поимки. Гонимая голодом, рысь подошла близко к населенному пункту, что случается очень редко. Ее поймали колхозницы.

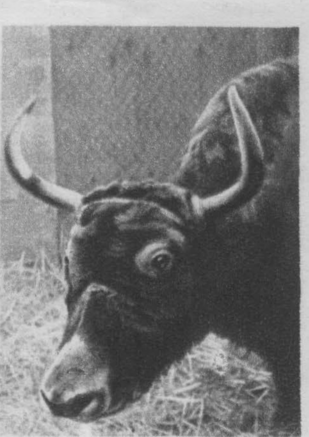
Среди зверей, отловленных для зоопарков, есть очень интересные и редкие экземпляры. Так, в Таджикистане поймана полосатая гиена — единственный экземпляр, попавшийся охотникам в течение всего года.

Снаряжаются два новых самолета для перевозки зверей в Ереван и Симферополь. В Крым доставят также несколько сот каменных куропаток, называемых «кеклики», пойманных в высокогорных районах Киргизии. Первый опыт, проведенный два года назад, показал, что «кеклики» хорошо акклиматизируются на Крымском полуострове.



Каменная куропатка. Привезенная с горных высот Киргизии, она неплохо чувствует себя и на дереве подмосковной зообазы.

Фото В. Евграфова



Як на подмосковной зообазе.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера
М. М. Ботвинника

ИЗ МАТЧ-ТУРНИРА НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

СИЦИЛИАНСКАЯ ПАРТИЯ
Смыслов — Ботвинник

1.	e2—e4	c7—c5
2.	Kg1—f3	Kb8—c6
3.	d2—d4	c5 : d4
4.	Kf3 : d4	Kg8—f6
5.	Kb1—c3	d7—d6
6.	Cc1—g5	e7—e6
7.	Cf1—e2	Cf8—e7
8.	0—0	0—0
9.	Kd4—b5	a7—a6
10.	Cg5 : f6	g7 : f6

Не каждый бы решился на такое рискованное продолжение. Вместо хода в тексте черные могли также играть спокойнее 10. ... C : f6 11. K : d6 C : c3 и потом Фc7. Лишняя пешка белых не имела бы значения.

11.	Kb5—d4	Kpg8—h8
12.	Kpg1—h1	Лf8—g8
13.	f2—f4	Cc8—d7
14.	Ce2—f3	. . .

Возможно, что лучше было 14. Kf3 с тем, чтобы слона поставить на d3. Черные в этом случае начали бы контрнаступление на ферзевом фланге ходом 14. b5.

14.	. . .	Лa8—c8
15.	Kd4 : c6	. . .

Белым не нравится конь на c6, который стремится через a5 на c4. Но это не так страшно для белых. Размен на c6 ошибочен, потому что черные получают сильный центр. Возможно было 15. Ke2 с примерно равной игрой.

15.	. . .	b7 : c6
16.	Kc3—e2	d6—d5!

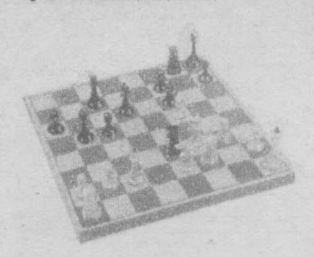
Центр движется вперед. Это и было необходимо, иначе после 17. c4 продвижение было бы затруднено.

17.	f4—f5	. . .

Вторая ошибка. Белые надеются на атаку, но атаку получают черные. Ход ослабляет поле e5. Белым следовало играть 17. Фd2 или Фd3.

17.	. . .	Фd8—c7
18.	c2—c4	d5 : c4
19.	Фd1—d4	c6—c5
20.	Фd4 : c4	Ce7—d6
21.	g2—g3	Cd7—b5
22.	Фc4—c2	e6 : f5
23.	e4 : f5	Лc8—e8
24	Лf1—f2	Лe8—e3

Ботвинник несколькими сильными ходами доказал недостатки хода 17. f5? Черные слоны расположены активно, и открытую линию занимали также черные. Позиция белых уже не защищаема.



25.	Cf3—g2	. . .

Белые надеялись на ход 25. Kc3. Однако они не проходят из-за простого и сильного ответа 25. ... Cc6 26. Cg2 C : g3 27. hg Лe : g3 28. C : c6 Лh3+ 29. Лh2 Л:h2+ 30. Ф:h2 Ф : c6+

25.	. . .	Фc7—e7
26.	Ke2—g1	. . .

Вынужденное отступление. Но другие ходы конем решает сразу Лe1+.

26.	. . .	Cb5—d3
27.	Фc2—d2	c5—c4
28.	Лf2—f3	Лg8—e8
29.	Лa1—d1	. . .

После размена на e3 у белых остается слабая пешка на b2, которую нельзя удержать в связи с угрозой Ce5. Если 31. Kf3, то Лe2.

29.	. . .	Cd6—c5
30.	b2—b3	Лe3—e1
31.	b3 : c4	Cd3 : c4
32.	Cg2—f1	. . .

От угрозы C : g1 нет другой защиты. Но теперь белые теряют качество.

32.	. . .	Лe1 : d1
33.	Фd2 : d1	Лe8—d8
34.	Фd1—c2	Cc4—d5
35.	Фc2—c3	Cc5—d4
36.	Фc3—d3	Фe7—e3
37.	Фd3 : e3	Cd4 : e3
38.	Cf1—g2	Cd5 : f3
39.	Cg2 : f3	Лd8—d2
40.	Kg1—e2	Лd2 : a2

Белые сдались.

Примечания гросмейстера С. Флора.

МОДЫ

ЛЕТНИЕ *платья*







Модели из трикотажных тканей. Автор моделей — М. Д. Карагодская. Ателье Главтрикотажа Министерства легкой промышленности РСФСР.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Б. Скороходов (Кунцево)

По горизонтали:

5. Физкультурный праздник. 9. Продукт перегонки смолы хвойных деревьев. 12. Странствующий певец средневековья. 15. Рыба 16. Мельчайшая частица вещества. 17. Орава. 18. Стенной подсвечник. 19. Насекомое. 20. Негодное изделие. 21. Жемчуг. 24. Алкалоид. 25. Овощ. 26. Место исторического сражения в XIX веке. 27. Летняя шляпа. 31. Праздничное освещение. 32. Русский народный эпос. 35. Форма родового общества. 36. Город-герой. 37. Бухгалтерский термин. 40. Орган, наблюдающий за соблюдением законов. 44. Металл. 49. Сельскохозяйственная машина. 50. Алмаз. 51. Мужское имя. 52. Буква греческого алфавита. 53. Сорт конфет. 54. Колба. 55. Персонаж древнегреческой мифологии. 56. Направление хода корабля. 59. Чувство меры. 60. Украшение. 62. Болезнь. 63. Участник демонстрации.

По вертикали:

1. Школьный инвентарь. 2. Зерноочистительная машина. 3. Отравляющее вещество. 4. Мучное изделие. 6. Исполнительный комитет. 7. Тягачи. 8. Советский писатель. 10. Город на Урале. 11. Художественное направление. 12. Музыкальный инструмент. 13. Английский ученый. 14. Птица. 22. Рабочий класс. 23. Воинское учреждение. 28. Цветок. 29. Объявление. 30. Очертание. 32. Высококачественная сталь. 33. Тонкий батист. 34. Город в СССР. 38. Французский мореплаватель. 39. Русский поэт. 41. Объединение капиталистических предприятий. 42. Город на Дону. 43. Научный труд. 45. Профессия. 46. Военная наука. 47. Углеводород. 48. Белковое вещество. 57. Кушанье. 58. Бумага для служебного письма. 61. Область в Африке. 62. Бумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Софокл. 4. Шексна. 7. Сепаратор. 9. Банк. 11. Аден. 13. Гамбург. 15. Ружье. 16. Рента. 17. Конвент. 20. Вашгерд. 24. Серафимович. 25. Новосибирск. 26. Асфальт. 29. Сморчок. 34. Дакар. 35. Духан. 36. Хроника. 39. Роса. 41. Овес. 42. Напильник. 43. Нансен. 44. Топчан.

По вертикали:

1. Симбирск. 2. Омск. 3. Лапта. 4. Шатер. 5. Кура. 6. Авангард. 8. Рубин. 10. Нежин. 12. Данте. 13. Гете. 14. Грош. 18. Воевода. 19. Неаполь. 21. Афоризм. 22. Глиссер. 23. Цицин. 26. Андерсен. 27. Фикус. 28. Лорх. 30. Орда. 31. Чехов. 32. Кингстон. 33. Канал. 37. Репин. 38. Канат. 40. Анис, 41. Окоп.

Главный редактор — А. СУРКОВ. **Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.** Оформление И. УРАЗОВА.

А — 02548. Подписано к печати 4/V—48 г. 6½ печ. л. Изд. № 332. Тираж 154 000. Заказ 1102. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

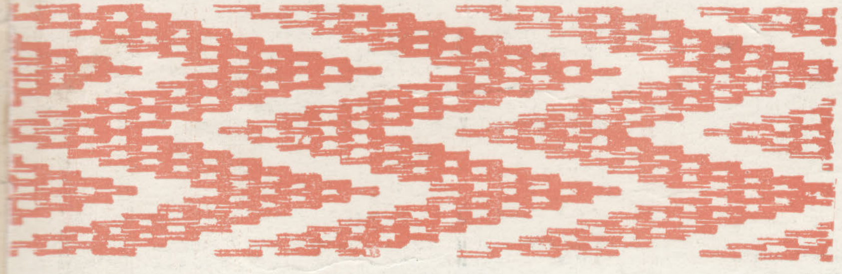
МОДЫ

ЛЕТО 1948 ГОДА



СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ-МОДЕЛЬЕРЫ ШИРОКО ИСПОЛЬЗУЮТ В СОВРЕМЕННЫХ ПЛАТЬЯХ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМОВ НАРОДОВ СССР, В ЧАСТНОСТИ ВЫШИВКУ.





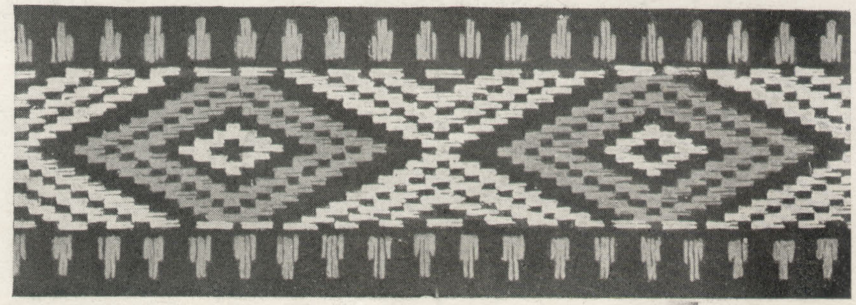


1. Платье из яркосинего маркизета, отделанное вышивкой — белой шерстью. Автор модели — М. Д. Плотникова. (Ателье № 50 треста Мосинодежда.)

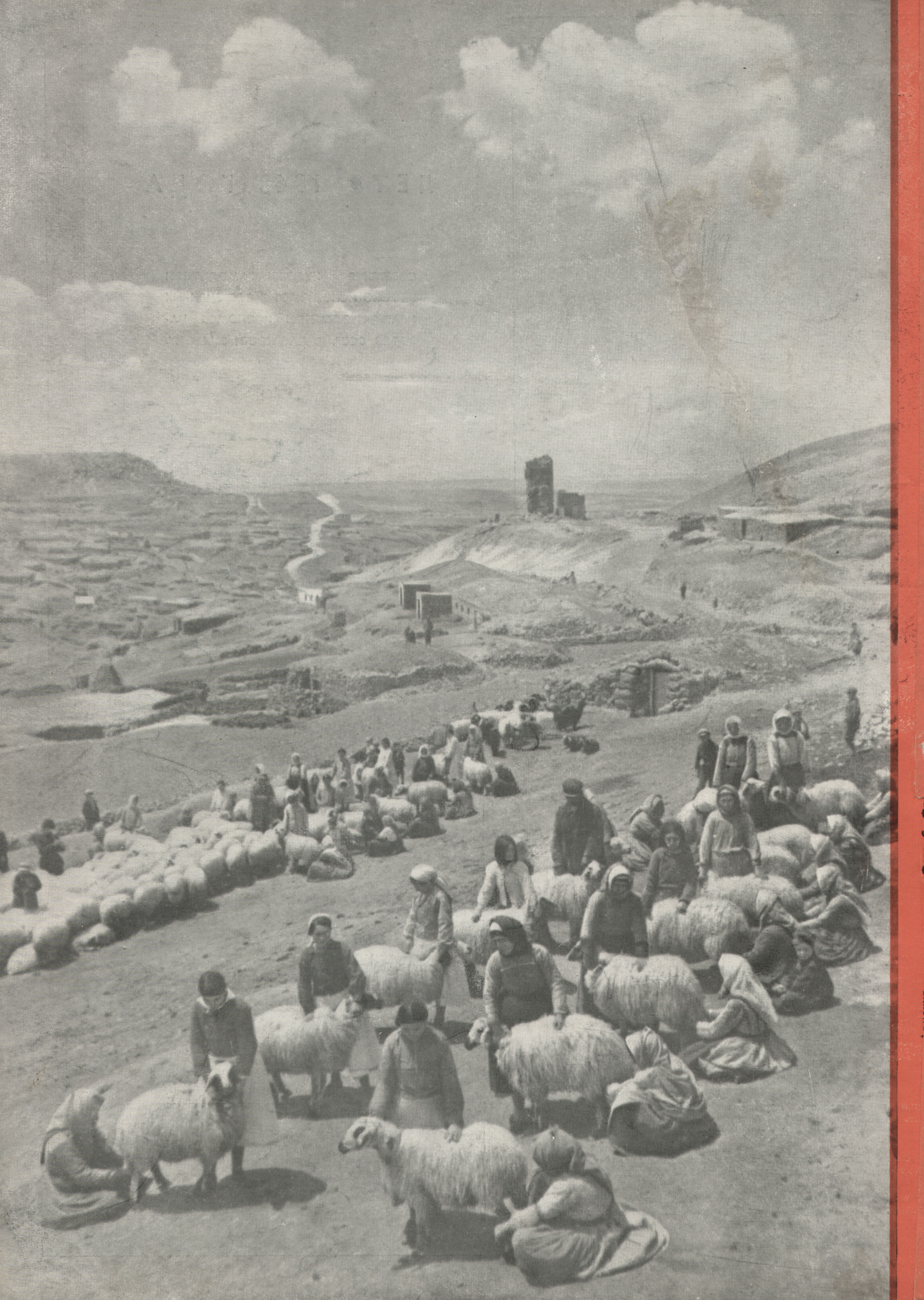
2. Платье из белого маркизета. Юбка вышита красными и черными нитками. Автор модели — М. Ф. Фаевцева. (Ателье № 45 треста Мосинодежда.)

3. Платье из белого жоржета. Манжеты и лиф вышиты красными и черными нитками. Автор модели — Н. Н. Гореленкова. (Ателье № 45 треста Мосинодежда.)

Образцы вышивок — М. Ф. Фаевцевой.







Цена
3 руб.

Фото С. Фр

Излюбленное место отдыха москвичей — «Зеленая Гавань» на К язьминском водохранилище. Фото Г. Малиновского